

2024. Т. 16. № 4

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
и право**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал
СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2024. Т. 16. № 4

Scientific Journal
SOCIOLOGY AND LAW

2024. Vol. 16. No. 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

*директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

*доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики, кандидат социологических наук*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

*профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. БЕРГМАНН

*член ученого совета Европейской академии наук
и искусств, доктор права, профессор
(Берлин, Германия)*

А. А. БЕСЧАСНАЯ

*профессор кафедры государственного
и муниципального управления Северо-Западного
института управления — филиала Российской
Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
доктор социологических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. М. БОЕР

*профессор кафедры гражданского права Института
технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего
профессионального образования РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. С. БРАЗЕВИЧ

*профессор кафедры международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
кандидат исторических наук,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. В. БУТЕЛЬ

*профессор кафедры гражданского и международного
частного права Ленинградского государственного
университета имени А. С. Пушкина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

И. И. ЕЛИСЕЕВА

*главный научный сотрудник Социологического
института РАН — филиала ФНИСЦ РАН,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

*заведующий кафедрой правового регулирования
градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. А. КЕЧИНА

*профессор кафедры социологии Белорусского
государственного университета, доктор
социологических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

В. А. КЛИМЕНКО

*советник Исполнительного комитета СНГ,
кандидат экономических наук,
доктор социологических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

С. Ю. КОСАРЕВ

*профессор Высшей школы юриспруденции
и судебно-технической экспертизы Гуманитарного
института Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Я. А. МАРГУЛЯН

*профессор кафедры социологии и управления
персоналом Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, доктор
социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. А. МАРКОВ

*заведующий кафедрой международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
кандидат юридических наук,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

*профессор кафедры государственного
и международного права Санкт-Петербургского
государственного морского технического
университета, доктор юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. М. ОГАНЕСЯН

*профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, доктор юридических наук,
доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

*профессор кафедры связей с общественностью
и рекламы Российского государственного
педагогического университета имени А. И. Герцена,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. В. СИЛИНА

*профессор кафедры гражданского процессуального
права Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. Г. ТЮРИКОВ

*заведующий кафедрой социологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета, доктор социологических
наук, профессор (Москва, Россия)*

В. Б. ШАБАНОВ

*заведующий кафедрой криминалистики юридического
факультета Белорусского государственного
университета, доктор юридических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, PhD in Historical Sciences, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Pushkin State University of Leningrad, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Chief researcher of the Sociological Institute of the RAS — branch of the FCTAS RAS, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, PhD in Law, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North Western branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ
Подписка и реализация А. А. ЦВЕТИКОВА

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.

E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПБУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 26.12.2024.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 8,01. Усл. печ. л. 15,54.

Тираж 62 экз. Заказ № 1804.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV
Subscription and sale of publications A. A. TSVETIKOVA

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editorial Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФC77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Official website: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 26.12.2024.

Offset paper.

Published pages: 8,01. Conventional printed pages: 15,54.

Circulation 62 copies. Order No. 1804.

Distinguished authors and readers of the journal!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Радонова А. В.</i> Актуальные вопросы социальной помощи малоимущим в Российской Федерации	456
<i>Снисаренко С. О., Носкова И. В., Ивахненко Ю. А.</i> Эйджизм как проявление дискриминации в трудовой сфере: социологическая концептуализация понятия	464
<i>Гайдукова Г. Н.</i> О миграционном аспекте поведения сельского населения как элементе моделирования демографического поведения.....	473
<i>Махмудова М. Д.</i> Профессиональное выгорание как фактор демотивации социальных работников	482
<i>Вознесенский И. С., Боярков Р. Л.</i> Контуры отношений со временем (изучение племен и субкультур в компании «Эльба Мебель»).....	489
<i>Ангарская И. В.</i> Вебкам-индустрия в молодежной среде (социологический анализ)	501
<i>Федотова В. А.</i> Особенности и основные формы организации, участия молодежи в научной деятельности в современной России	509
<i>Яковенко А. К.</i> О деятельности деструктивных молодежных движений	518

Право в жизни государства и личности

<i>Карнаухова О. Г., Лейнова О. С.</i> Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых транспортных средств	531
<i>Маторина О. С., Перегудова Н. В., Меретукова О. Г.</i> Судебная практика: нарушения трудовой и служебной дисциплины среди работников и сотрудников МЧС России	539
<i>Кузнецов Д. А., Чабуквани О. А.</i> Залог имущества как мера, обеспечивающая возмещение вреда потерпевшему.....	548
<i>Вольнов А. С., Далинин А. В.</i> Проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики	560
<i>Антонов А. Ю., Алексеев В. В., Сырова М. А.</i> Ответственность за нарушение правил конкуренции в предпринимательской деятельности: уголовный и административный аспекты	573
<i>Гункин А. Г.</i> Юридическая ответственность и меры по профилактике административных правонарушений в случаях управления транспортным средством в состоянии опьянения	582

Рецензии

<i>Макарьев И. В.</i> Рецензия на книгу: Чернавский М. Ю. Технологии социального насилия: монография	589
--	-----

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Anna V. Radonova.</i> Current issues of social assistance to the poor in the Russian Federation	456
<i>Svetlana O. Snisarenko, Irina V. Noskova, Julia A. Ivahnenko.</i> Ageism as a form of occupational discrimination: A sociological conceptualization	464
<i>Galina N. Gaidukova.</i> The migration aspect of rural population behavior as an element of demographic behavior modeling	473
<i>Munira D. Makhmudova.</i> Professional burnout as a demotivation factor among social workers	482
<i>Igor S. Voznesensky, Roman L. Boyarkov.</i> Contours of attitudes toward time: A study of tribes and subcultures within the Elba Mebel company	489
<i>Irina V. Angarskaya.</i> Webcam industry in the lives of young people: A sociological analysis	501
<i>Vera A. Fedotova.</i> Features and organizational forms of youth participation in scientific activity in modern Russia	509
<i>Anton K. Yakovenko.</i> On the activities of destructive youth movements	518

The Law in a State and Person Life

<i>Oksana G. Karnaukhova, Olga S. Leinova.</i> Forensic characteristics of road traffic crimes involving car-sharing vehicles	531
<i>Olga S. Matorina, Natalia V. Peregudova, Oksana G. Meretukova.</i> Judicial practice: Violations of labor and workplace discipline among employees and staff of the Ministry of Emergency Management of Russia	539
<i>Dmitry A. Kuznetsov, Oksana A. Chabukiani.</i> Pledge of property as a measure ensuring compensation for harm to the victim	548
<i>Alexey S. Volnov, Aleksey V. Dalinin.</i> Challenges in the legal regulation of competition in the context of the digital transformation of the economy	560
<i>Anatoliy Yu. Antonov, Vladimir V. Alekseev, Mariya A. Syrova.</i> Liability for violation of competition rules in entrepreneurial activity: Criminal and administrative aspects	573
<i>Andrei G. Gunkin.</i> Legal liability and measures to prevent administrative infractions related to driving under influence	582

Reviews

<i>Makariev I. V.</i> Review: Chernavsky M. Yu. Technologies of social violence: monograph	589
---	-----

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Обзорная статья

УДК 364.01

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-456-463

Актуальные вопросы социальной помощи малоимущим в Российской Федерации

Анна Владимировна Радонова^{1, 2}

¹ Алтайский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Барнаул, Россия

² Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, radonova.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>

Аннотация. Статья посвящена проблеме генезиса адресной социальной поддержки нуждающихся на примере отдельных субъектов Российской Федерации (РФ). В условиях кризиса финансирования социальных выплат важнейшей задачей становится разработка эффективной концепции социальной защиты недостаточно обеспеченных категорий населения. Представлен анализ статистических данных, подтверждающий актуальность социально-демографического кризиса в российском обществе. В частности, рассмотрены официальные данные Росстата, архивные материалы. Охарактеризованы базовые нормативные акты, регулирующие механизмы социального обеспечения нуждающихся в нашей стране. Преодоление кризисных явлений, согласно авторской позиции, видится в попытках сбалансировать социальную систему РФ относительно реального социальноэкономического уровня страны.

Ключевые слова: социальная защита, нуждаемость, адресная помощь, финансирование, социальное обслуживание, уровень жизни, социальная поддержка

Для цитирования: Радонова А. В. Актуальные вопросы социальной помощи малоимущим в Российской Федерации // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 456–463. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-456-463>

Review article

Current issues of social assistance to the poor in the Russian Federation

Anna V. Radonova^{1, 2}

¹ Altai State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Barnaul, Russia

² Altai Institute of Economics — branch of St. Petersburg University of Management and Economics Technologies, Barnaul, Russia, radonova.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6080-5087>

© Радонова А. В., 2024

Abstract. This article addresses the practical aspects of implementing targeted social support for people in need, focusing on individual regions of the Russian Federation (RF). In the context of the crisis in financing social payments, the development of an effective concept for protecting vulnerable population groups becomes a critical task. The study presents an analysis of statistical data highlighting the socio-demographic crisis in Russian society. In particular, official data from the Federal State Statistics Service and archival materials are considered. The article characterizes the basic statutory instruments governing the mechanisms of social support for people in need in Russia. The author argues that overcoming the crisis requires efforts to align the social system of the Russian Federation with its real socio-economic conditions.

Keywords: social protection, need, targeted assistance, financing, social services, standard of living, social support

For citation: Radonova A.V. Current issues of social assistance to the poor in the Russian Federation. *Sociology and Law. 2024;16(4):456-463.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-456-463>

Введение

Первая половина 90-х гг. XX в., как период начала экономических реформ в Российской Федерации (РФ), характеризуется стремительным падением реальных доходов населения, а также резким снижением финансовых возможностей государства по оказанию поддержки нуждающихся. Конец XX века в России запомнился крайне затруднительной ситуацией: ранее действующий механизм социальной защиты не справлялся с задачей по оказанию помощи бедствующим категориям граждан, попавшим в критическое положение после молниеносного взлета цен на товары первой необходимости и небывалого упадка отечественной экономики.

Создавшиеся обстоятельства предопределили целесообразность первоочередной социальной поддержки недостаточно обеспеченных граждан на дифференцированной, адресной основе.

Теория

Приоритетной задачей государства в сложившейся ситуации стало поэтапное реформирование общегосударственной структуры социальной защиты населения, начиная с регионального уровня, в целях обеспечения адресной поддержки россиян, оказавшихся в бедственной ситуации.

На первоначальной стадии реорганизации в субъектах РФ происходили конструирование и введение в регионы единообразного механизма адресной социальной помощи недостаточно обеспеченным семьям для плавного повышения их доходов до уровня утвержденного прожиточного минимума, установленного на конкретной территории. Следствием введения новой методики определения прожиточного минимума и общих требований к оказанию социальной поддержки в 1992 г. стало внедрение системы адресной социальной помощи в субъектах РФ. В большинстве регионов принимали к исполнению специализированные нормативные акты, регулирующие порядок получения адресной социальной поддержки. Наиболее заинтересованными в ее получении были лица с ограничениями по здоровью; сироты; лица серебряного возраста; обучающиеся; семьи с тремя и более детьми, др. Объем и форма предоставляемой помощи напрямую зависели от потребностей нуждающихся: как в натуральном, так и в денежном виде. Наибольшее распространение получили следующие разновидности натуральной помощи:

- бесплатная выдача продуктовых наборов и организация обедов;
- безвозмездное оказание услуг мастерских по ремонту бытовой техники, одежды, обуви, парикмахерских;
- спонсорская раздача предметов первой необходимости.

Результаты исследования

С 1994 г., согласно региональной Программе социальной поддержки малоимущих слоев народонаселения, в Алтайском крае сложилась типичная модель организации адресной социальной помощи нетрудоспособным нуждающимся гражданам, а также семьям с тремя и более детьми [1, с. 72].

В качестве первоочередных указанный документ закрепил ряд задач:

- разработку аналитико-информационной системы;
- создание банка данных;
- обучение работников организаций социальной защиты грамотной и эффективной работе на компьютере.

Используя в действительности доктрину «от практики — к обобщению», администрация Алтайского края сформировала объективное, целостное представление о сложившейся социально-демографической ситуации в регионе. В пяти районах края были проведены социологические исследования о причинах затруднений, возникающих в процессе реализации программы. В результате выявили негативную картину: к концу 1995 г. ниже уровня бедности оказались 1 374 тыс. чел., то есть более половины от проживающих в Алтайском крае. При этом объемы доходов бедствующих жителей в двадцать раз уступали доходам самых богатых [2, с. 146].

В Первомайском районе, одном из наиболее развитых районов края, в качестве эксперимента приступили к внедрению инновационных форм предоставления адресной социальной помощи. Указанный район — сельскохозяйственный, к началу 1996 г. количество проживающих в нем граждан составляло почти 46 000 чел.: из них 75 % проживали в пятидесяти трех населенных пунктах, 25 % — составляли лица серебряного возраста [3, с. 85].

Специалисты социальных организаций, называемые в населенных пунктах участковыми, становились связующей нитью между районами и краевым центром, собиравшим поступающую информацию. В процессе оказания адресной социальной помощи одной из главных функций участковых стало обследование условий проживания обратившихся за поддержкой. Персонифицированный (индивидуальный) подход к каждому заявителю, если и не исключал, то, бесспорно, минимизировал возможность фальсификации поданной информации.

Организация мероприятий адресной социальной защиты в Алтайском крае началась с разработки единой аналитико-информационной системы учета обратившихся, накопления собранных сведений в общегосударственном банке данных. Более сорока государственных и общественных организаций стали участниками информационного обмена в указанной сфере [4].

Нуждающимися в оказании социальной помощи признано 10,5 тыс. обратившихся жителей Первомайского района. В соответствии с общероссийским регламентом на каждого заявителя оформили информационные карты, включавшие в себя данные о размере доходов, подтвержденных официальными справками, в том числе и о составе семей, подкрепленные выводами визуального обследования участковых социальных работников.

Объективным отражением бедственного социально-экономического положения в Алтайском крае, возникшего в условиях крайнего дефицита бюджетных возможностей, стало постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания

от 6 июля 1994 г. № 53 «О Программе адресной социальной помощи малоимущим нетрудоспособным гражданам и семьям с детьми в 1994 г.». Согласно содержанию утвержденного постановления, адресная социальная поддержка преимущественно носила государственный характер, и предоставляли ее, исходя из имеющегося достатка, возраста, трудоспособности заявителя и т. п. Оказывали различные виды помощи: натуральную помощь, денежные выплаты, услуги. Семьям с тремя и более детьми в основном устанавливали ежемесячную доплату к федеральным пособиям и пенсиям. Впоследствии денежные выплаты заменили товарами первой необходимости, включая топливо в сельской местности, лекарствами, продуктовыми наборами и т. п. [5].

Центральным критерием предоставления социальной поддержки на территории субъекта РФ выступает утвержденный объем прожиточного минимума. Наличие у заявителя дохода ниже установленного минимума (например, одинокие лица серебряного возраста, нуждающиеся в посторонней помощи; лица с физическими ограничениями; опекуны семьи, сироты и др.) служит основанием для снижения (либо полного освобождения) по распоряжению органов местного самоуправления размера оплаты за обслуживание в детском дошкольном и санаторно-курортном учреждениях, лекарственных средств и др.

К настоящему времени в Алтайском крае эффективно функционирует слаженный механизм разноплановых учреждений адресной социальной поддержки. В частности, для жителей серебряного возраста созданы центры дневного пребывания (обслуживания), предоставляющие социальную помощь от недели до шести месяцев. В населенных пунктах региона широкое распространение получили Дома ветеранов, предоставляющие совокупность бытовых и медицинских социальных услуг. Кроме того, нуждающиеся соотечественники имеют возможность в специальных магазинах приобретать жизненно необходимые товары по льготной цене, получать горячее питание в домашних кухнях, столовых и т. п. [6].

Организованная социальная защита стала возможной благодаря формированию регионального бюджета с учетом реального объема нуждающихся, а не под количество социальных организаций. Применение данного принципа на практике позволило установить единый подход к решению главной задачи, в частности защитить человека от последствий пореформенного социального кризиса. Более 50 % бюджетных средств Алтайского края в 2024 г. тратят на социальные потребности граждан. Поскольку уровень жизни значительной части жителей ниже средних показателей, региональный бюджет получил название социально направленного. В качестве одной из главных характеристик реализуемого бюджета выступает адресность.

Указанные достижения не закрывают значительных пробелов в социальной работе. К ним можно отнести:

- недостаточную эффективность;
- несовершенство общегосударственной организации;
- дефицит бюджетного финансирования и др.

По причине недостатка финансовых средств в Алтайском крае только 25 % бедствующих соотечественников получают реальную поддержку, да и у этой доли граждан размер ниже официального уровня прожиточного минимума. Так, максимальный размер социальных выплат в Алтайском крае на получателя в 2024 г. составляет 14 991 руб. В соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в 2024 г. официально установлена в сумме 16 884 руб. [7].

Не в полной мере регламентирована нормативными методическими документами технология расчета среднедушевого дохода, что существенно затрудняет

порядок определения уровня нуждаемости. Это упущение объясняет использование в регионах РФ различных подходов расчета. В этом аспекте Алтайский край, начиная с 2000-х гг., в основе определения нуждаемости отталкивался от наличия личных подсобных хозяйств. Между тем город Москва полагался на выводы визуального осмотра условий проживания заявителя и указанный им в обращении размер дохода, то есть, по сути, не занимался расчетом.

С целью упорядочения возникшей диспропорции 4 июля 1997 г. принято распоряжение Правительства РФ № 775-р «О проведении в Республике Коми, Воронежской и Волгоградской областях в 1997–1998 годах пилотных программ по введению адресной социальной поддержки семей, среднедушевой доход которых ниже прожиточного минимума, установленного в указанных субъектах Российской Федерации», регламентирующее оказание адресной социальной поддержки бедствующим семьям [8]. Порядок реализации пилотных программ предусматривал два этапа их осуществления:

- на первом этапе Министерство труда и социальной защиты РФ, по результатам анализа общероссийской позитивной практики реализации социальных мероприятий, утвердило в качестве экспериментальных (пилотных) три субъекта РФ: Воронежскую и Волгоградскую области, Республику Коми. Затем Министерством труда и социальной защиты РФ отдано распоряжение приступить к исполнению программных мер на их территории;
- на втором этапе учреждения социальной поддержки всех субъектов РФ извещены об основных итогах реализации программных экспериментов.

Программный проект эксперимента предполагал:

- обобщение специфики содержания нормативно-правовых документов, устанавливающих основание выплаты социальных пособий и компенсаций; порядок предоставления льгот; оказание социальных услуг и др.;
- определение степени рациональности социальной работы в экспериментальных районах, создание и внедрение передовой методики на территории других регионов РФ;
- введение федеральной системы учета приобретенных доходов, их отражение в общегосударственном автоматизированном информационном реестре нуждающихся семей для координации объема предоставленной адресной социальной поддержки [9, с. 64].

Средства займа России от Всемирного банка, полученные на реформирование государственной системы социальной защиты населения в общенациональном бюджете, послужили главным источником финансирования пилотного эксперимента. Последовал рациональный эффект от внедрения общегосударственной методики расчета среднедушевого дохода. Однако практически ни одной из недостаточно обеспеченных семей не удалось подняться за черту официальной бедности в России. Впоследствии семьи, достигшие по уровню среднедушевого дохода установленного минимума, утратили возможность повторного обращения за получением социального пособия [10, с. 93]. Балльная система определения нуждаемости семей стремилась к поддержке самых беднейших граждан, но не способствовала преодолению нуждаемости в целом.

Выводы

На основании вышеизложенного подведем итоги реализации социальных мероприятий адресной социальной защиты недостаточно обеспеченных семей в трех экспериментальных (пилотных) регионах РФ:

- для контроля за порядком предоставления социальной помощи заявителям создана общегосударственная нормативная и методическая основа, разработаны эффективные региональные методики социальной защиты нуждающихся слоев народонаселения, накоплен практический опыт;
- создано и внедрено прикладное программное обеспечение процессов регистрации и учета недостаточно обеспеченных семей для мониторинга объемов предоставленной социальной помощи;
- в экспериментальных субъектах РФ, реализовавших пилотный проект, прошли подготовку специалисты социальных учреждений; осуществлен аудит материальных затрат на перестройку работы системы адресной социальной защиты народонаселения; сконструирован необходимый автоматизированный информационный ресурс, способствующий преодолению типичных затруднений региональных сотрудников учреждений социальной поддержки.

Разработка нормативных и методических документов, координирующих социальную поддержку и социальное обслуживание недостаточно обеспеченных жителей Алтайского края, осуществлена с учетом позитивного опыта других субъектов РФ по оказанию адресной социальной помощи бедствующим гражданам и семьям. Безусловным достижением является создание авторской новаторской программы по установлению среднедушевого дохода и др.

Благодаря продуктивному опыту, приобретенному в процессе осуществления регионального социального эксперимента (пилотных программ), предполагается в дальнейшем совершенствование деятельности социальных учреждений по оказанию помощи бедствующим категориям народонаселения (специальные магазины по продаже товаров первой необходимости по льготной цене, региональные центры дневного пребывания и др.).

Список источников

1. *Радонова А. В.* Социальная политика Алтайского края в конце XX века: монография. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 213 с.
2. Регионы России: статистический ежегодник. Т. 1. М.: Госкомстат России, 1999. 681 с.
3. *Радонова А. В.* Социальная политика Российской Федерации в 1990-е годы (на материалах юга Западной Сибири): монография. Барнаул: Концепт, 2014. 249 с.
4. Информация Комитета по социальному обеспечению населения Алтайского края за 1990–2000 гг. // Государственный архив Алтайского края. Ф. 223. Оп. 3. Д. 532–534.
5. О Программе адресной социальной помощи малоимущим нетрудоспособным гражданам и семьям с детьми в 1994 году: постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 6 июля 1994 г. № 53 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/7300625/?ysclid=m1hmljpu2f817589426> (дата обращения: 27.04.2024).
6. Информация Комитета по социальному обеспечению населения Алтайского края за 1990–2000 гг. // Государственный архив Алтайского края. Ф. 223. Оп. 3. Д. 570–572.
7. О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов: федер. закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407979281/> (дата обращения: 27.04.2024).
8. О проведении в Республике Коми, Воронежской и Волгоградской областях в 1997–1998 годах пилотных программ по введению адресной социальной поддержки семей, среднедушевой доход которых ниже прожиточного минимума, установленного в указанных субъектах Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 4 июня 1997 г. № 775-р // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/1560329/> (дата обращения: 27.04.2024).
9. *Маслов Л. А.* Современные приоритеты региональной системы социальной защиты населения. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2019. 292 с.
10. *Федоров А. В.* Стратегия региональной экономической политики в Сибири. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2021. 322 с.

References

1. Radonova A.V. Social policy of the Altai region at the end of the twentieth century. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2012. 213 p. (In Russ.).
2. Regions of Russia: Statistical yearbook. Vol. 1. Moscow: Goskomstat Rossii; 1999. 681 p. (In Russ.).
3. Radonova A.V. Social policy of the Russian Federation in the 1990s (based on materials from the South of Western Siberia). Barnaul: Concept; 2014. 249 p. (In Russ.).
4. Information from the Committee for Social Security of the Population of the Altai Territory for 1990-2000. State Archives of the Altai Territory. Fund 223. Invent. 3. Doc. 532-534. (In Russ.).
5. On the Program of targeted social assistance to low-income disabled citizens and families with children in 1994. Resolution of the Altai Regional Legislative Assembly of July 6, 1994 No. 53. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/7300625/?ysclid=m1hmljpu2f817589426> (accessed on 27.04.2024). (In Russ.).
6. Information from the Committee for Social Security of the Population of the Altai Territory for 1990-2000. State Archives of the Altai Territory. Fund 223. Invent. 3. Doc. 570-572. (In Russ.).
7. On the federal budget for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026. Federal law of November 27, 2023 No. 540-FZ. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407979281/> (accessed on 27.04.2024). (In Russ.).
8. On the implementation in the Komi Republic, Voronezh and Volgograd regions in 1997-1998 of pilot programs for the introduction of targeted social support for families whose per capita income is below the subsistence minimum established in the specified subjects of the Russian Federation. Order of the Government of the Russian Federation of June 4, 1997 No. 775-r. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/1560329/> (accessed on 27.04.2024). (In Russ.).
9. Maslov V.A. Modern priorities of the regional system of social protection of the population. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration Publ.; 2019. 292 p. (In Russ.).
10. Fedorov A.V. Strategy of regional economic policy in Siberia. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University; 2021. 322 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Радонова — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры медицинского права, АГМУ Минздрава России; 656038, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 40; профессор кафедры правовых дисциплин, Алтайский институт экономики СПБУТУиЭ; 656011, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 106е.

Information about the author

A. V. Radonova — Doctor of Political Science, PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Medical Law, ASMU MOH Russia; 40 Lenin Ave., Barnaul, Altai Territory, 656038, Russia; Professor at the Department of Legal Disciplines, Altai Institute of Economics UMTE; 106e Lenin Ave, Barnaul, Altai Territory, 656011, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 316.346.32

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-464-472

Эйджизм как проявление дискриминации в трудовой сфере: социологическая концептуализация понятия

Светлана Олеговна Снисаренко^{1✉}, Ирина Виленовна Носкова²,
Юлия Антоновна Ивахненко³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ sos60@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2284-0548>

² ivnoskova@rambler.ru

³ y_ivakhnenko_y@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной в современных условиях проблеме дискриминации в трудовой сфере. Особое внимание авторами уделено эйджизму, одному из проявлений дискриминации, и его социальным эффектам. Рассмотрены две возрастные категории работников (пожилые и молодежь), чаще всего подвергающиеся эйджизму в управленческой практике российских компаний. В процессе анализа концептуальных оснований эйджизма как социологической проблемы дана классификация его типовых признаков. Одним из факторов, генерирующих проявления эйджизма, служит реформа пенсионного возраста, вызывающая неоднозначное отношение к ней в социуме. Дискриминационная практика работодателей соотносится с нормативно-правовой регламентацией поведения субъектов трудовой деятельности. В методологической части представлен обзор результатов социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и независимых социологических служб по проблематике эйджизма. Утверждается, что сложившиеся практика найма, технологии удержания и ротации работников в российских организациях далеки от оптимальных и нуждаются в оптимизации. Негативные социальные эффекты эйджизма провоцируют напряжение в российском социуме и на рынке труда, что в совокупности нарушает социальное равновесие в условиях нестабильности экономики и социальных вызовов. Критически важным для междисциплинарных исследований в рамках исследуемой проблематики являются поиск конструктивных решений, выработка современных алгоритмов преодоления эйджизма в частности и дискриминации в трудовой сфере в целом.

Ключевые слова: трудовая сфера, дискриминация, пожилые и молодежь как объекты дискриминации в сфере труда, негативные стереотипы в практике найма, эйджизм как социальное явление

Для цитирования: Снисаренко С. О., Носкова И. В., Ивахненко Ю. А. Эйджизм как проявление дискриминации в трудовой сфере: социологическая концептуализация понятия // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 464–472. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-464-472>

Original article

Ageism as a form of occupational discrimination: A sociological conceptualization

Svetlana O. Snisarenko^{1✉}, Irina V. Noskova², Julia A. Ivahnenko³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Снисаренко С. О., Носкова И. В., Ивахненко Ю. А., 2024

¹ sos60@inbox.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2284-0548>

² ivnoskova@rambler.ru

³ y_ivakhnenko_y@mail.ru

Abstract. The article is focused on the problem of occupational discrimination, with a specific focus on ageism as a prominent manifestation in contemporary workplaces, and its social effects. The article discusses two age categories of employees (the elderly and the youth) who most often experience ageism in the management practice of Russian companies. The conceptualization of ageism as a sociological problem includes a classification of its typical features. A key factor driving ageism is the pension age reform which causes mixed reactions in society. Employers' discriminatory practices correlate with the legal and regulatory frameworks governing labor relations. The methodological section reviews the results of sociological research by the All-Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) and independent sociological organizations that study ageism. The article argues that current recruitment practices, employee retention strategies, and rotation mechanisms in Russian organizations remain suboptimal and require further improvement. The negative social effects of ageism intensify tension in Russian society and the labor market, which together disrupts social balance in the context of economic instability and social challenges. Developing constructive solutions and modern strategies to combat ageism and broader occupational discrimination is essential for advancing interdisciplinary research in this field.

Keywords: occupational sphere, discrimination, the elderly and youth as objects occupational discrimination, negative stereotypes in recruitment practices, ageism as a social phenomenon

For citation: Snisarenko S.O., Noskova I.V., Ivahnenko Ju.A. Ageism as a form of occupational discrimination: A sociological conceptualization. *Sociology and Law*. 2024;16(4):464-472. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-464-472>

Введение

В современном российском социуме трудовая активность и профессиональное развитие становятся все более значимыми аспектами жизни людей. Несмотря на это, существуют возрастные когорты работников, которые сталкиваются с рядом сложностей в трудовой сфере. В первую очередь речь идет о полярных возрастных группах, в частности о пожилых и молодежи. В зарубежной управленческой практике данная проблема также широко распространена и связана с проявлениями дискриминации по возрастному признаку, и не имеет значения, идет ли речь о молодых работниках или пожилых.

Актуальность рассматриваемой нами проблематики подтверждается регулярностью социологических исследований в рамках мониторингов ВЦИОМ, независимых социологических служб и правозащитных организаций. Регулярный мониторинг рынка труда, аналитические обзоры объявлений о вакансиях и интервью работодателей, соискателей представляют обширную базу данных о распространенности различных видов дискриминации в исследуемой области. В контексте настоящей статьи нас интересуют важнейшие тенденции на рынке труда, масштабы и динамика дискриминационной практики по критерию возраста. В соответствии с указанной целью рассмотрим одно из проявлений дискриминации в тематике социологии труда и ее частное проявление по возрастному признаку, концептуализируемое как эйджизм.

Концептуальные основания эйджизма как социологической проблемы

Анализ теоретических подходов к выявлению содержания понятия дискриминации в области труда и занятости позволяет вычленить наиболее общие

отличительные его признаки, к которым исследователи, как правило, относят нарушение экономических и социальных прав гражданина. Вызваны эти нарушения необъективностью, предвзятостью, стереотипным восприятием или стигматизацией представителей определенных социальных групп по конкретным признакам [1]. К числу таких признаков можно отнести:

- пол;
- возраст;
- расу;
- национальность или этническое происхождение;
- религиозные убеждения;
- сексуальную ориентацию;
- инвалидность;
- семейное положение;
- беременность или потенциальную возможность беременности;
- военную службу или статус ветерана;
- социально-экономический статус;
- судимости в прошлом (за исключением случаев, если это прямо указано в законе).

Согласно социологическим исследованиям, к чаще всего выявляемым ситуациям нарушений трудовых прав работников, а следовательно, дискриминации, относятся случаи, связанные с возрастом (пожилые и молодежь) и полом [2; 3]. Недопустимость ограничения трудовых прав или предоставления привилегий по признаку возраста, как и по ряду других критериев, не связанных с деловыми качествами работника, постулируется юридически [4]. В равной мере каждый человек реализует свои права в сфере занятости. Это закреплено в международном и российском трудовом законодательстве, в частности Конвенции Международной организации труда (МОТ) от 25 июня 1958 г. № 111 о дискриминации в области труда и занятий, ст. 3 «Запрещение дискриминации в сфере труда» Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в редакции от 6 апреля 2024 г.). Несоблюдение нанимателями требований трудового законодательства в практике найма или в ходе работы понимают как неравное отношение к потенциальным или текущим сотрудникам на основе их пола, возраста, национальности, расы, религии, инвалидности и других личностных характеристик, которые, согласно закону, не должны влиять на трудовые отношения.

Несмотря на законодательные запреты, в практике российской занятости порой наблюдаются проявления дискриминации, а в случае доказанной дискриминации на работе могут привлечь к административной ответственности работодателя. Если соискатель или сотрудник считает, что стал жертвой дискриминации, он может обратиться в органы по труду (например, Государственную инспекцию труда), прокуратуру или суд для защиты прав. Справедливость может быть восстановлена в судебном порядке, в том числе путем возмещения убытков и морального вреда, вызванного дискриминационными действиями. Официальную статистику о выявлении случаев нарушения прав соискателей в условиях найма либо штатных работников в России, как правило, не публикуют; в открытом доступе в детализированном виде ее нелегко найти. Это связано со множеством факторов, в том числе с трудностями в подтверждении случаев дискриминации, отсутствием обращений потерпевших в соответствующие инстанции, а также нежеланием компаний и организаций распространять информацию, которая может негативно повлиять на их репутацию.

Термин «эйджизм» как проявление дискриминации связан прежде всего со стигматизацией работников и применением стереотипов к соискателям в прак-

тике найма. Такая стереотипизация кроется в живучести устаревшего, неконструктивного (предвзятого) личностного восприятия определенных возрастных когорт нанимателями. Проблематика эйджизма в российском социуме и экономике не нова, поскольку в отечественной управленческой культуре данное явление формировалось на протяжении длительного времени. Однако в последнее десятилетие, по мнению исследователей, усугубилась и детерминирована целым комплексом причин макро- и мезоуровней [5]. К их числу следует отнести реформу пенсионной системы в аспекте изменения возраста выхода на пенсию, цифровизацию, тенденцию инновирования производства, «смену поколений» и конкуренцию молодых и пожилых соискателей на рынке труда [6; 7; 8; 9].

Говоря о реформе пенсионного возраста, стартовавшей в 2019 г. (ее окончание планируется к 2028 г.), следует уточнить, что изначально она не получила поддержки у населения и воспринята скептически российскими работодателями. Это и понятно. Возрастная граница выхода на пенсию у женщин в 60 лет и у мужчин, соответственно, в 65 лет является для нанимателя обременением, что, в свою очередь, генерирует дополнительные обязательства перед возрастными наемными работниками [10]. Предпенсионера защищает закон: его нельзя уволить, штатный возрастной работник не торопится освобождать рабочее место с наступлением пенсионного возраста. Аналогично не в пользу нанимателя складывается ситуация, связанная с наймом и ротацией сотрудников: трудоустройство соискателей пенсионного возраста затруднено ввиду существующих стереотипов об их возрасте и продуктивности. Все это в совокупности влияет на спрос и предложение на рынке труда и провоцирует его напряжение.

Обзор результатов исследований

Рассмотрим результаты социологических опросов, проводимых различными сайтами и ВЦИОМ. Так, Исследовательским центром портала Superjob.ru эйджизм назван самым распространенным типом дискриминации в трудовой сфере. 66 % респондентов говорят о личном подобном опыте либо опыте наблюдения возрастной дискриминации коллег [11].

Согласно трудовому праву, требование к возрасту, полу и другим непрофессиональным качествам соискателей в объявлениях о поиске сотрудников является незаконным, поэтому эйджизм имеет латентную форму, особенно если речь идет о подборе и отборе персонала. Многие сайты, связанные с работой, предоставляют работодателям возможность выставлять желаемый возраст кандидата. Данные сайта Superjob.ru, посвященные исследованию вопросов рекрутинга в 2023 г., свидетельствуют о том, что работодатели охотно откликаются на обращения соискателей возрастной группы до 30 лет; с увеличением возраста соискателей снижается и интерес нанимателей. В самой возрастной группе (после 50 лет) выявлен и самый низкий процент откликов на резюме [10].

При анализе текстов объявлений о вакансиях часто можно обнаружить информацию, связанную с предпочтительным возрастом соискателей. В них нет очевидных ограничений для кандидатов, однако требования о возрасте часто завуалированы в некоторых формулировках. Например: «Ищем сотрудника в наш молодой дружный коллектив». Сделан акцент на использовании социальных платформ, современных устройств, специализированных знаний, которые у молодых сотрудников служат основой их способностей. Работодатели не видят смысла нанимать работников, у которых отсутствуют профессиональные компетенции компьютерной грамотности, быстрой обучаемости и способности активно применять новые знания, а также готовности работать

в условиях совмещения трудовых функций. Иными словами, то, что сегодня по умолчанию диктует рынок труда и является обязательным для большинства профессий.

Ограничение прослеживается и в определенных сферах деятельности. В профессиях, предполагающих большие физические нагрузки, наниматели при прочих равных условиях предпочтут более молодых соискателей, поскольку они выносливее и сильнее с учетом возраста. В компьютеризированных областях работодатели подвержены бытующему стереотипу о большей целесообразности обучения молодого сотрудника по сравнению с возрастным. При изучении статистики можно обнаружить, например, в Росстате две передовые отрасли, в которых минимально задействованы соискатели пенсионного возраста. К ним отнесены информационные технологии и разработка программного обеспечения. Но и финансы, торговля, туризм, консультирование и реклама также не могут продемонстрировать положительную динамику [12].

Возрастные соискатели в России часто сталкиваются с завуалированными формами отказа на собеседовании. Некоторые работодатели предпочитают не оглашать прямо причину отказа, а использовать различные неочевидные формулировки. Например, они могут заявить, что кандидат «не соответствует требованиям вакансии» или «не подходит по опыту», или «не соответствует заработной плате, предполагаемой на этой должности». Такие формулировки могут маскировать дискриминацию по возрасту, хотя в действительности причина отказа заключается именно в возрасте соискателя. Это создает дополнительные трудности для возрастных соискателей при поиске работы и может приводить к ухудшению их трудового положения [13].

Вместе с тем в ситуации кадрового голода, о которой единодушно говорят аналитики и исследователи, наблюдается тенденция к положительным изменениям. Специалисты утверждают, что наниматели все чаще прислушиваются к рекомендациям психологов и социологов о том, что самым продуктивным возрастом для карьеры является 45+, отказываются от установления возрастных барьеров, которым следовали ранее, и все чаще привлекают предпенсионеров к закрытию вакансий [4].

По нашему мнению, неопытную молодежь, требующую обучения, рассматривают сегодня работодателями в качестве так называемого демографического окна возможностей (возраст от 15 до 29 лет; к 2030 г. прогнозируют численность около трех миллионов). Хотя недавно (в доковидный период) эта возрастная группа была подвержена дискриминации по возрастному признаку [14].

Аналитические обзоры сайтов о работе выявляют еще одну тенденцию, позволяющую осторожно говорить о постепенном наступлении на эйджизм в сфере труда и сужении его предметного поля. Так, по результатам исследований SuperJob рынка труда за постковидный период, следствием демографической ямы стало не только старение соискателей, что особенно отчетливо наблюдается среди рабочих профессий, но и рост доли возрастных соискателей в общем количестве обращений на вакансии. Кроме того, в перспективе рынок труда столкнется с ситуацией существенного сокращения доли самой экономически активной возрастной группы (от 30 до 39 лет). Речь идет о цифре в 7 млн человек. Соответственно, будет наблюдаться рост до 4 млн граждан возрастного диапазона от 40 до 59 лет. С учетом данного обстоятельства перед нанимателями стоит задача актуализации стратегии найма: не только формирования современной молодежной политики, но и разработки передовой технологии по закреплению штатных и привлечению новых возрастных сотрудников [15].

Социальные аспекты эйджизма в трудовой сфере

На основе материалов отечественных исследований можно выстроить причинно-следственную связь между факторами, провоцирующими эйджизм, и его социальными эффектами. Среди наиболее распространенных сегодня стереотипов, бытующих в практике найма, является мода на молодость. Современное информационное пространство навязывает потенциальному нанимателю с помощью индустрии красоты, технологий маркетинга и средств массовой информации (СМИ) предпочтительные эталоны внешности и атрибуты привлекательности. На практике это выражено в подсознательном стремлении работодателей нанимать молодых, привлекательных, антиэйдж-работников. Гиперболизированное значение внешних привлекательных характеристик соискателя порой превалирует над его компетентностью, а неприкрытые возрастные изменения ассоциируются с вредными привычками и неспособностью к самоорганизации [16].

Часто выявляемым в исследованиях фактором, провоцирующим эйджизм, можно назвать профессиональное выгорание из-за переоценки ценностей возрастными работниками и смещения ценностных ориентаций с карьерных предпочтений в пользу личного пространства и жизни за пределами работы. Нельзя не упомянуть бытующее ложное представление нанимателя о несовпадении ориентиров у представителей разных поколений работников и их неспособности к кооперации, что провоцирует конфликтные ситуации в жизни трудового коллектива.

Еще один значимый повод к проявлению дискриминации, на наш взгляд, — необъективная оценка компетентности возрастных работников и занижение актуальности их профессионализма. Концепция обучения в течение жизни (*long life learning*), а также навязываемые СМИ утверждения о стремительном устаревании базовых профессиональных знаний обесценивают возрастного сотрудника в глазах работодателя, необоснованно снижая тем самым его самооценку [17]. Между тем в зарубежной управленческой практике именно возрастным работникам присваивают статус эксперта, которые могут быть полезны и производству, и трудовому коллективу в условиях неполной занятости. В целом очевидными негативными социальными эффектами эйджизма являются ухудшение социального самочувствия индивидов и внутригруппового взаимодействия при решении производственных задач, а также психологическое выгорание и фрустрация.

Выводы

Подводя итог, можно утверждать, что основной долгосрочной тенденцией российского рынка труда можно считать старение трудовых ресурсов. Вместе с тем данные объективные процессы далеко не всегда воспринимаются объективно российскими работодателями. Их не всегда адекватное восприятие ситуации сопровождается проявлениями эйджизма в отношении возрастных и молодых работников без опыта работы требуемой квалификации. Эйджизм сопровождается рядом негативных социальных эффектов, провоцируя напряжение в российском социуме и на рынке труда, что в совокупности нарушает социальное равновесие в условиях нестабильности экономики и социальных вызовов. В этой связи и для исследователей, и для управленцев одним из критически важных направлений междисциплинарных исследований в рамках изученной проблематики являются поиск конструктивных решений, выработка современных алгоритмов преодоления эйджизма в частности и дискриминации в трудовой сфере в целом.

Список источников

1. Дискриминация на рынке труда: современные проявления, факторы и практики преодоления (по материалам круглого стола Лаборатории социально-трудовых отношений ИЭ РАН, 27 мая 2014 г.) / отв. ред. И. В. Соболева. М.: Институт экономики РАН, 2014. 152 с.
2. Зудина А. А. Работники старших возрастов в российском неформальном секторе: масштаб, динамика и структура занятости // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30. № 2. С. 72–97. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-72-97
3. Сабурова А. А., Абдрахманова З. Р. Эйдджизм как социальная проблема современности // Россия в пространстве глобальных трансформаций: в фокусе наук о человеке, обществе, природе и технике: материалы Междунар. междисциплинарной науч. конф. / сост., отв. и науч. ред. В. П. Шалаев. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. С. 56.
4. Еремичева Г. В. Кадровый дефицит — важнейший тренд современного рынка занятости // Институциональные возможности и ресурсы российских работников в поиске согласия: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. Ю. Бочарова, Ю. В. Васькиной, С. Г. Климовой, З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2023. С. 61–71.
5. Калабина Е. Г., Газизова М. Р. Эйдджизм: основные направления исследований в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 56. С. 98–108. DOI: 10.17223/19988648/56/7
6. Карманов М. В., Золотарева О. А. Эйдджизм как актуальный объект статистического исследования // Социология и право. 2020. № 1. С. 14–20. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-1-14-20
7. Кречун Л. Г., Дербенева А. А., Перица Д. В., Тонких Н. В. Эйдджизм — острая социальная проблема современного рынка труда // Достойный труд — основа стабильного общества: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. за выпуск И. А. Кулькова, А. Ю. Коковихин, Е. Б. Дворяджина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2016. С. 132–135.
8. Субботина Т. Н., Асатрян Н. Л. Анализ эйдджизма на рынке труда: возрастная дискриминация // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 12-2. С. 169–174. DOI: 0.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174
9. Аксакова Е. Эйдджизм — дискриминация, всколыхнувшая весь мир // Agesecrets.ru. 2018. 29 января. URL: <https://agesecrets.ru/vozrast/ejdzhizm-diskriminatsiya-vskolyhnuvshaya-ves-mir> (дата обращения: 21.06.2024).
10. Рекрутинг 2023: тренды и перспективы // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2023. 14 декабря. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114373/rekruting-2023/> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Самый сложный возраст для поиска работы — предпенсионный, проще всего трудоустроиться в возрасте 30–35 лет // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2021. 25 марта. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112750/samyj-slozhnyj-vozrast-dlya-poiska-raboty/> (дата обращения: 15.05.2024).
12. Парфенова О. А. Траектории продленной занятости после 60 лет у представителей творческих и интеллектуальных профессий // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21. № 3. С. 539–550. (На англ.). DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-3-539-550
13. Климова С. Г. Самозанятые россияне старшего возраста как группа прекариата // Персонал старшего возраста как человеческий капитал современного общества: условия, возможности, ограничения: сб. материалов дискуссионной площадки VI Всерос. социологического конгресса «Социология и общество: традиции и новации в социальном развитии регионов» (Санкт-Петербург, 9 декабря 2021 г.) / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, 2022. С. 17–24.
14. Зудина А. А. «Поколение локдауна»: динамика молодежного рынка труда в условиях пандемии COVID-19 // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 2. С. 6–31. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-6-31

15. Рынок труда в 2023: тенденции и прогнозы SuperJob // Исследовательский центр портала Superjob.ru. 2023. 4 декабря. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114374/rynok-truda-v-2023/> (дата обращения: 15.05.2024).
16. Клепикова Е. Ф., Колосницына М. Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15. № 1. С. 69–88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104
17. Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная взрослость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. Т. 26. № 1. С. 258–262. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10

References

1. Soboleva I.V., ed. Discrimination in the labor market: Modern manifestations, factors and practices of overcoming (based on materials from the round table of the Laboratory of Social and Labor Relations of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, May 27, 2014). Moscow: Institute of Economics of the RAS; 2014. 152 p. (In Russ.).
2. Zudina A.A. Older workers in the Russian informal sector. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2021;30(2):72-97. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-72-97
3. Saburova A.A., Abdrakhmanova Z.R. Ageism as a social problem of modern times. In: Shalaev V.P., comp., ed. Russia in the space of global transformations: In the focus of sciences on man, society, nature and technology. Proc. Interdiscipl. sci. conf. Yoshkar-Ola: Volga State Technological University; 2016:56. (In Russ.).
4. Eremicheva G.V. Personnel shortage is the most important trend in the modern employment market. In: Bocharov V.Yu., Vas'kina Yu.V., Klimova S.G., Saralieva Z.Kh., eds. Institutional capabilities and resources of Russian workers in search of consent: Coll. sci. pap. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2023:61-71. (In Russ.).
5. Kalabina E.G., Gazizova M.R. Ageism: The main directions of research in modern conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University. Journal of Economics*. 2021;(56):98-108. (In Russ.). DOI: 10.17223/19988648/56/7
6. Karmanov M.V., Zolotareva O.A. Agency as an actual object of statistical research. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2020;(1):14-20. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2020-1-14-20
7. Krechun L.G., Derbeneva A.A., Perina D.V., Tonkikh N.V. Ageism is an acute social problem of the modern labor market. In: Decent work is the foundation of a stable society. Proc. 8th Int. sci.-pract. conf. Ekaterinburg: Ural State University of Economics; 2016:132-135. (In Russ.).
8. Subbotina T.N., Asatryan N.L. Analysis of ageism in the labor market: Age discrimination. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*. 2022;(12-2):169-174. (In Russ.). DOI: 10.24412/2411-0450-2022-12-2-169-174
9. Aksakova E. Ageism is a discrimination that has shaken the world. Agesecrets.ru. Jan. 29, 2018. URL: <https://agesecrets.ru/vozrast/ejdzhizm-diskriminatsiya-vskolyhnuvshaya-ves-mir> (accessed on 21.06.2024). (In Russ.).
10. Recruiting 2023: Trends and prospects. SuperJob. Dec. 14, 2023. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114373/rekruting-2023/> (accessed on 15.05.2024). (In Russ.).
11. The most difficult age to find a job is pre-retirement; it is easiest to find a job at the age of 30-35. SuperJob. Mar. 25, 2021. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112750/samyj-slozhnyj-vozrast-dlya-poiska-raboty/> (accessed on 15.05.2024). (In Russ.).
12. Parfenova O.A. Paths of extended employment among intellectual and creative workers aged 60 and above. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*. 2023;21(3):539-550. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-3-539-550
13. Klimova S.G. Self-employed older Russians as a precariat group. In: Saralieva Z.Kh., ed. Senior personnel as human capital of modern society: Conditions, possibilities, limitations. Coll. mater. of the discussion platform of the 6th All-Russ. sociol. Congr. "Sociology and society: Traditions and innovations in social development of regions" (St. Petersburg,

- December 09, 2021). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; 2022:17-24. (In Russ.).
14. Zudina A.A. "Lockdown generation": Youth labor market dynamics during the COVID-19 pandemic. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology.* 2024;33(2):6-31. (In Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-2-6-31
15. Labor market in 2023: SuperJob trends and forecasts. SuperJob. Dec. 04, 2023. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114374/rynok-truda-v-2023/> (accessed on 15.05.2024). (In Russ.).
16. Klepikova E.F., Kolosnitsyna M.G. Ageism at the Russian labour market: Wage discrimination. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta = Russian Management Journal.* 2017;15(1):69-88. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104
17. Grigoryeva I., Parfenova O., Galkin K. Conference "extended adulthood / delayed ageing in a time of post-COVID and uncertainty". *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2023;26(1):258-262. (In Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10

Информация об авторах

С. О. Снисаренко — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

И. В. Носкова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Ю. А. Ивахненко — магистрант кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

S. O. Snisarenko — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems of Sociological Sciences; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

I. V. Noskova — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems of Economic Sciences; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

Ju. A. Ivahnenko — master's student at the Department of Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 13.08.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 13.08.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 314.15

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-473-481

О миграционном аспекте поведения сельского населения как элементе моделирования демографического поведения

Галина Николаевна Гайдукова

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, sgn04@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>

Аннотация. Статья посвящена проблеме построения модели демографического поведения населения, в частности ее структурного элемента — миграционного поведения. По мнению автора, депопуляция сельского населения имеет множество последствий, включая уменьшение рабочей силы, ухудшение сельской инфраструктуры и в итоге углубление экономических проблем. Антикризисные меры, направленные на развитие сельских территорий, требуют пристального внимания к изменению модели демографического поведения сельских жителей, в том числе и ее миграционного аспекта. Цель статьи — исследование миграционного поведения сельских жителей Центрально-Черноземного экономического района. Выводы сделаны автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики о миграционных процессах на сельских территориях Центрально-Черноземного экономического района, а также на базе социологических исследований, проведенных в 2021–2024 гг., направленных на выявление и анализ ключевых факторов и тенденций социально-демографического развития. Анализ статистической информации миграционных процессов на сельских территориях Белгородской, Воронежской, Курской, Липецкой и Тамбовской областей не позволяет выявить устойчивую тенденцию, поскольку временной фактор не является при этом определяющим. В сложившейся ситуации опросные методы дают более точную информацию, отражающую миграционные настроения, миграционную готовность и миграционную активность сельского населения. Результаты социологической диагностики позволили обосновать ряд тенденций в миграционном поведении сельских жителей.

Ключевые слова: миграционные процессы, сельское население, социально-демографическое развитие, демографическое поведение, Центрально-Черноземный экономический район, сельская территория

Для цитирования: Гайдукова Г. Н. О миграционном аспекте поведения сельского населения как элементе моделирования демографического поведения // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 473–481. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-473-481>

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

The migration aspect of rural population behavior as an element of demographic behavior modeling

Galina N. Gaidukova

North-West Institute of Management Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, sgn04@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>

Abstract. The article discusses the construction of a model for demographic behavior, in particular its structural element, migration behavior. According to the author, rural depopulation has many consequences, including a decrease in the labour resources, deterioration of rural infrastructure and, ultimately, exacerbation of economic problems. Anti-crisis measures aimed at the development of rural areas require close attention to changing the model of demographic behavior of rural residents, including its migration aspect. The article examines the migration behavior of rural residents of the Central Black Earth Economic Region, drawing on Federal State Statistics Service data on rural migration in the region, as well as on 2021–2024 sociological studies on key factors and trends in socio-demographic development. Analysis of statistical information on rural migration in Belgorod, Voronezh, Kursk, Lipetsk, and Tambov regions does not provide a stable trend, since the time factor is not decisive. In the current situation, survey methods provide more accurate information highlighting migration sentiments, readiness, and activity of the rural population. The results of sociological diagnostics were used to substantiate a number of trends in the migration behavior of rural residents.

Keywords: migration processes, rural population, socio-demographic development, demographic behavior, Central Black Earth Economic Region, rural territory

For citation: Gaidukova G.N. The migration aspect of rural population behavior as an element of demographic behavior modeling. *Sociology and Law*. 2024;16(4):473-481. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-473-481>

Acknowledgments: The study is part of State Assignment project FZWG-2023-0006 “Regulating the demographic behavior of the rural population in the Central Black Earth Economic Region as the main mechanism of social reproduction amid depopulation”.

Введение

Миграционные процессы в современных условиях играют одну из ключевых ролей в усилении депопуляции населения сельских территорий. Это явление характерно для многих стран, в которых экономическая жизнь сосредоточена именно в городах. В современной структуре миграционных потоков преобладает безвозвратная и маятниковая миграция рабочей силы и безвозвратная миграция учащейся молодежи, что в итоге приводит к депопуляции сельского населения и существенной деформации его половозрастной структуры. Ю. В. Копылова пишет: «На сегодняшний день для сельских территорий приобретает все большую актуальность проблема занятости населения. Модернизация и автоматизация сельскохозяйственных производственных процессов, высвобождает экономически активное население из этой отрасли» [1, с. 135]. Поиск работы и лучших условий жизни становится одной из главных причин миграции из сельских районов в города. Городские территории, несомненно, предлагают более высокие уровни доходов и доступ к более качественным услугам, в частности в сферах досуга, образования, здравоохранения.

Депопуляция сельского населения имеет множество последствий, включая уменьшение рабочей силы, ухудшение сельской инфраструктуры и в итоге углубление экономических проблем. Антикризисные меры, направленные на развитие сельских территорий, требуют пристального внимания к изменению модели демографического поведения сельских жителей, в том числе и ее миграционного аспекта.

Модель миграционного поведения сельского населения сложна и многогранна, сочетает в себе комплекс экономических, социальных и культурных аспектов. Понимание специфики влияния этих факторов имеет ключевое значение для разработки мероприятий, направленных на сокращение депопуляции, возврат и удержание населения на сельских территориях, повышение качества жизни.

Материалы и методы

Миграционное поведение населения представляет собой совокупность действий и решений людей, связанных с территориальным перемещением с одного места жительства на другое. Миграционное поведение может быть обусловлено множеством факторов, включая экономические (трудовую миграцию), социальные (образовательную миграцию), экологические и вопросы безопасности (вынужденную миграцию).

Общие вопросы развития миграционных процессов исследованы в полной мере как в отечественной, так и в зарубежной науке. Общие теоретические аспекты миграции представлены в работах А. Г. Вишневского [2], В. В. Комаровского [3], Дж. Р. Логан, Х. Шин [4], Дж. Борхас [5], Н. Г. Деханова и других авторов [6]. Однако рассмотрение специфики миграции сельского населения не получило такого широкого распространения, что находит отражение лишь в ряде работ [7; 8; 9; 10]. В свою очередь, вклад миграционных процессов в модель демографического поведения населения сельских территорий остается до настоящего времени недостаточно изученным.

Выводы в статье сделаны нами на основе данных Федеральной службы государственной статистики, характеризующих миграционные процессы на сельских территориях Центрально-Черноземного экономического района, а также на базе социологических исследований, проведенных в 2021–2024 гг., направленных на выявление и анализ ключевых факторов и тенденций социально-демографического развития. Социологические исследования включали в себя:

- массовый анкетный опрос населения (2021). Выборочная совокупность составила 1 125 респондентов. Выборка районированная, квотная. К квотным признакам отнесены место жительства, пол, возраст. Статистическая погрешность планировалась не более 2 %;
- экспертный опрос (2021–2024). Выборочная совокупность составила 30 экспертов ежегодно. Критериями отбора экспертов послужили стаж научно-исследовательской работы в сфере социологии, наличие научных публикаций о проблемах социально-демографического развития.

В рамках построения структурно-аналитической модели демографического поведения населения сельских территорий определяющими элементами миграционного поведения были следующие: миграционные настроения, миграционная готовность, миграционная активность, миграционное движение населения.

Результаты и обсуждения

Миграция из сельской местности в города, являющаяся в современных условиях следствием урбанизации, включает в себя добровольное перемещение

отдельных лиц и домохозяйств в поисках лучших экономических перспектив, более высокого уровня жизни и расширения возможностей по повышению качественных ее характеристик. Такие миграционные процессы, конечно, служат результатом индивидуального выбора, который, однако, тесно переплетен с более широкими структурными и системными факторами. Данная модель миграции, с одной стороны, отражает взаимообусловленное влияние экономической глобализации, технических достижений и тенденций урбанизации, с другой — в совокупности формирует существенные проблемы для сельских территорий, связанных с их депопуляцией.

Анализ миграционного прироста в субъектах Центрально-Черноземного экономического района не позволяет выявить устойчивую тенденцию, поскольку временной фактор не является в данном случае определяющим, как видно на рисунке 1. Так, для Воронежской и Липецкой областей миграционный приток в 2021–2023 гг. был стабильным, как и миграционный отток сельских жителей в Тамбовской области. Проведение специальной военной операции (далее — СВО) в 2022–2023 гг. стало главной причиной значительного оттока сельского населения Белгородской области, особенно вынужденного переезда жителей сельских приграничных территорий региона, подвергающихся ежедневным обстрелам. Несмотря на отрицательное миграционное сальдо сельского населения Белгородской области с другими регионами страны, в 2023 г. оно «перекрыто» миграционным приростом в обмене населением с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, а также с Херсонской и Запорожской областями.

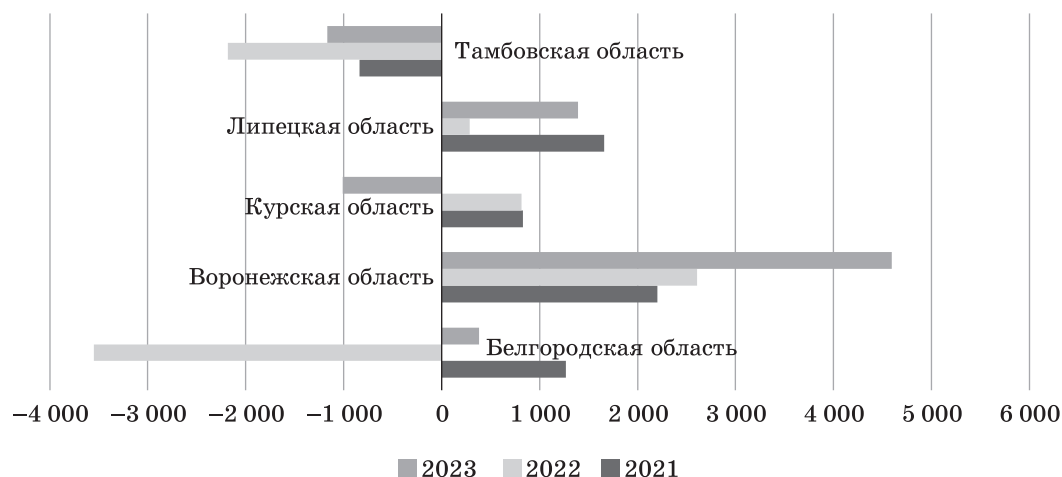

Рис. 1. Миграционный прирост сельского населения в субъектах Центрально-Черноземного экономического района в 2021–2023 гг., чел.

Fig. 1. Migration increase of the rural population in the Central Black Earth Economic Region entities in 2021–2023, people

Источник: разработано автором.

Для глубокого понимания активности миграционных настроений сельских жителей необходимы комплексные исследования, включающие в себя социологические опросы, экономический анализ и экологическую оценку. Эти данные помогут сформировать полное представление о текущих тенденциях и возможных направлениях миграционных потоков. В сложившейся ситуации опросные методы могут дать более точную информацию, отражающую миграционные настрое-

ния (эмоциональную предрасположенность к миграции) и миграционные установки, в том числе миграционную готовность и миграционную активность сельского населения.

Проведенное социологическое исследование свидетельствует об активных миграционных настроениях жителей сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района, как видно на рисунке 2. 48,5 % опрошенных хотели бы переехать, но 27 % не имеют такой возможности, не хотят переезжать 38 % селян. Наибольшую миграционную активность демонстрируют респонденты возрастных когорт 18–29 и 30–45 лет.

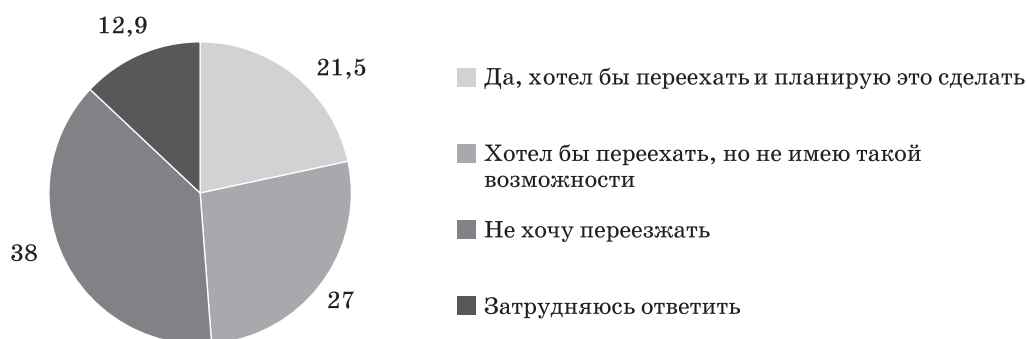

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотели бы Вы переехать из Вашего населенного пункта?», %

Fig. 2. Distribution of responses to the question “Would you like to move from your residential place?”, %

Источник: разработано автором.

Вместе с тем каждый третий опрошенный не хочет менять регион проживания и в качестве места переезда рассматривает районный/областной центр, что отражено на рисунке 3. Каждый пятый рассматривает возможности переезда в другой регион. Высока доля затруднившихся ответить (31,3 %). Это свидетельствует о том, что у данной части населения миграционные вопросы не актуализированы в повседневной повестке.

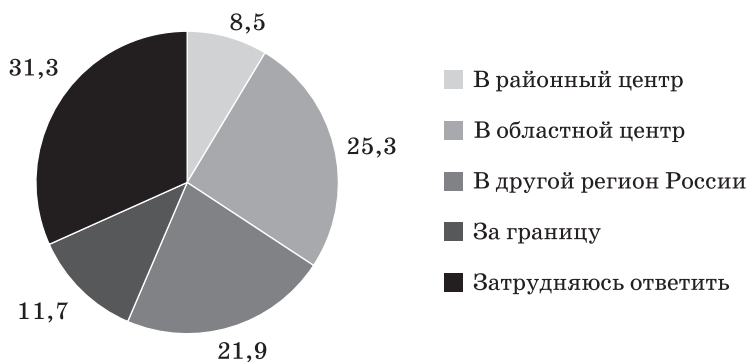

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы хотели бы переехать из Вашего населенного пункта, то куда именно?», %

Fig. 3. Distribution of responses to the question “Where exactly would you like to move from your residential place, if so?”, %

Источник: разработано автором.

Определяя тенденции, характеризующие миграцию населения на их сельской территории, респонденты считают, что уезжающих больше, чем приезжающих (42,1 %). Противоположной точки зрения придерживаются 14,8 % сельских жителей, как показано на рисунке 4.

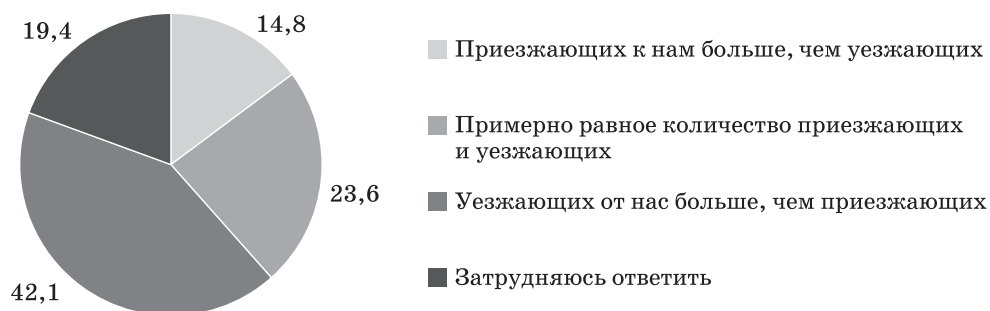

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие тенденции характеризуют миграцию населения на Вашей сельской территории?», %

Fig. 4. Distribution of responses to the question
“What trends characterize migration in your rural area?”, %

Источник: разработано автором.

Большинство респондентов уверены в том, что для их сельской территории характерно снижение численности молодежи; 26,3 % указывают на сохранение ее на прежнем уровне, только 8,8 % склоняются к мнению об увеличении количества молодых людей.

Основными причинами сложившейся ситуации, по мнению респондентов, выступают отсутствие или дефицит достойно оплачиваемой работы, отсутствие перспектив развития и самореализации, а также слабая социальная и культурная инфраструктура села, как видно на рисунке 5. На отсутствие проблем в сфере миграционной активности сельских жителей указали только 9,2 % опрошенных.

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие тенденции характеризуют численность молодежи на Вашей сельской территории?», %

Fig. 5. Distribution of responses to the question
“What trends characterize the number of young people in your rural area?”, %

Источник: разработано автором.

Мнения экспертов однозначно свидетельствуют о том, что и в среднесрочной перспективе, и в долгосрочной для сельских территорий будет характерным миграционный отток населения, как следует из таблицы 1. Кроме того, большинство в экспертном сообществе (86,7 %) обращают внимание на усиление миграционного оттока и вследствие этого снижение качества человеческого капитала как основную угрозу социально-демографической безопасности сельских территорий Центрального Черноземья.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, какие тенденции будут характерны для миграционных процессов на сельских территориях Центрального Черноземья в ближайшие пять и десять лет?», %

Table 1. Distribution of responses to the question “What trends do you think will be characteristic of migration processes in rural areas of the Central Black Earth Region in the next five and ten years?”, %

Вариант ответа	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
В ближайшие пять лет:				
отток населения	58,4	65	56,3	83,3
миграционный баланс	32	5	28	13,3
приток населения	6	20	6,3	
затрудняюсь ответить	3,6	5	9,4	3,3
В ближайшие десять лет:				
отток населения	76,9	35	18,8	63,3
миграционный баланс	10,3	20	28,1	16,7
приток населения		20	6,3	
затрудняюсь ответить	12,8	25	37,5	20

Источник: разработано автором.

Экспертное сообщество в рамках исследования, проведенного в 2023 г., выделило тенденции, способствующие и препятствующие миграционному притоку на сельские территории Центрально-Черноземного экономического района вследствие проведения СВО. Ключевыми факторами миграционного притока указаны сохранение и даже рост уровня нестабильности в соседних государствах, что повлечет за собой миграцию в Россию (58,3 %), а также увеличение привлекательности жизни на сельских территориях как более автономных в аспекте самообеспечения ресурсами для выживания (41,7 %). Вместе с тем основными причинами миграционного оттока сельского населения названы сохранение и повышение уровня военно-политической нестабильности, что повлечет отток населения в другие регионы или страны (88,2 %) и города (35,3 %), а также то, что сельские территории Центрального Черноземья в первую очередь испытают последствия кризисных явлений в экономике, сферах занятости и дохода (23,5 %).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ миграционного поведения сельского населения Центрально-Черноземного экономического района позволяет сформулировать ряд выводов, включая следующие тенденции:

1. Нестабильность миграционных процессов во времени, что объясняется влиянием на них множества факторов социокультурного, экологического, геополитического и иного характера (пандемия коронавирусной инфекции 2020–2021 гг., проведение СВО и др.).

2. Высокая миграционная активность сельских жителей, которая направлена на переезд в городские поселения, но преимущественно внутри своего региона. Усиление указанных процессов, особенно в наиболее экономически активной возрастной группе жителей 18–45 лет, приводит к деформации половозрастной структуры сельских территорий и потере их демографического потенциала.

3. Значительный отток населения с сельских территорий в целом и молодежи в частности, вызванный отсутствием или дефицитом достойно оплачиваемой работы, отсутствием перспектив развития и самореализации, слабой социальной и культурной инфраструктурой села.

Дополнительным условием миграционного оттока населения с сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района стало проведение СВО. Жизнь и здоровье, как физическое, так и психологическое, сельских жителей приграничных территорий Белгородской и Курской областей в связи с непрекращающимися обстрелами постоянно подвергаются угрозе, что вынуждает людей покидать свои дома. Кроме того, на указанных территориях зачастую наблюдаются разрушения инфраструктуры, потеря рабочих мест и элементарных условий для жизни. Такая совокупность факторов усиливает депопуляцию сельских территорий и требует комплексных мероприятий государственного воздействия для достижения социальной, ресурсной и демографической устойчивости.

Список источников

1. Копылова Ю. В. Миграционные процессы на селе и альтернативная занятость сельского населения // *Аграрный вестник Урала*. 2023. Т. 23. № 10. С. 134–144. DOI: 10.32417/1997-4868-2023-23-10-134-144
2. Вишневский А. Г. Демографические и миграционные процессы // *Всемирная история: в 6 т. Т. 6. Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций*. Кн. 1. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2017. С. 22–55.
3. Комаровский В. В. Динамика безвизовой трудовой миграции в период пандемии 2019–2021 гг. // *Социально-трудовые исследования*. 2022. № 1. С. 90–102. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102
4. Logan J. R., Shin H.-j. Immigrant incorporation in American Cities: Contextual determinants of Irish, German, and British intermarriage in 1880 // *International Migration Review*. 2012. Vol. 46. No. 3. P. 710–739. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2012.00902.x
5. Borjas G. Foundational essays in immigration economics. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2021. 530 p.
6. Деханова Н. Г., Сушко В. А., Холоденко Ю. А. Внутренняя миграция как следствие региональной дифференциации в современной России // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 7. С. 48–57. DOI: 10.24158/tipor.2023.7.6
7. Калачикова О. Н., Будилов А. П. Отток молодежи из сельской местности: мотивы и возможности регулирования // *Социальное пространство*. 2018. № 3. С. 1–9. DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.1
8. Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // *Демографическое обозрение*. 2024. Т. 11. № 2. С. 21–43. DOI: 10.17323/demreview.v11i2.21825
9. Kanishchev V., Lyamin S., Zhukov D. Demographic strategies of the Russian rural population: Intersubjective nonlinearity versus economic viability // *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2022. Vol. 30. No. 2. P. 579–604. DOI: 10.47836/pjssh.30.2.09
10. Якушева У. Е., Максимов А. М., Малыгина М. В. Факторы миграции населения в сельских районах европейской части Российской Арктики // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023. Т. 16. № 5. С. 188–209. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.11

References

1. Kopylova Yu.V. Migration processes in rural areas and alternative employment of rural population. *Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2023;23(10): 134-144. (In Russ.). DOI: 10.32417/1997-4868-2023-23-10-134-144
2. Vishnevskii A.G. Demographic and migration processes. In: Chubar'yan A.O., ed. World history. In 6 vols. Vol. 6. The world in the 20th century: The era of global transformations. Bk. 1. Moscow: Nauka; 2017:2-55. (In Russ.).
3. Komarovskiy V.V. Dynamics of visa-free labor migration during the pandemic in 2019-2021. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labour Research*. 2022;(1):90-102. (In Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-90-102
4. Logan J.R., Shin H.-j. Immigrant incorporation in American Cities: Contextual determinants of Irish, German, and British intermarriage in 1880. *International Migration Review*. 2012;46(3):710-739. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2012.00902.x
5. Borjas G. Foundational essays in immigration economics. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.; 2021. 530 p.
6. Dekhanova N.G., Sushko V.A., Kholodenko Yu.A. Internal migration as a consequence of regional differentiation in modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. 2023;(7):48-57. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.7.6
7. Kalachikova O.N., Budilov A.P. Youth urbanization: Motives and regulation options. *Sotsial'noe prostranstvo = Social Area*. 2018;(3):1-9. (In Russ.). DOI: 10.15838/sa.2018.3.15.1
8. Mkrtchyan N.V. Migration of the rural population in Russia in the 2010s. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2024;11(2):21-43. (In Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v11i2.21825
9. Kanishchev V., Lyamin S., Zhukov D. Demographic strategies of the Russian rural population: Intersubjective nonlinearity versus economic viability. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 2022;30(2):579-604. DOI: 10.47836/pjssh.30.2.09
10. Yakusheva U.E., Maksimov A.M., Malygina M.V. Rural areas population' migration factors in the European part of the Russian Arctic. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(5): 188-209. (In Russ.). DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.11

Информация об авторе

Г. Н. Гайдукова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента; 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43.

Information about the author

G. N. Gaidukova — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management; 57/43 Sredniy Ave., V.I., St. Petersburg 199178, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 16.10.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 16.10.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 159.944.4

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-482-488

Профессиональное выгорание как фактор демотивации социальных работников

Мунира Джураевна Махмудова

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент,
Узбекистан, info@nlibrary.uz

Аннотация. В статье утверждается, что в современном мире социальные работники сталкиваются с высокими требованиями и стрессами, что делает их особенно уязвимыми к профессиональному выгоранию. Автором проведен анализ взаимосвязи между профессиональным выгоранием и демотивацией среди социальных работников, а также выявлены эффективные стратегии предотвращения и снижения уровня выгорания. Результаты исследования указывают на значительную связь между уровнем профессионального выгорания и снижением мотивации к работе, что отражается на качестве оказываемых социальных услуг и общем уровне удовлетворенности профессией. Выявлены ключевые факторы, способствующие выгоранию, включая чрезмерную рабочую нагрузку, недостаточную поддержку со стороны коллег и руководства, а также сложности во взаимодействии с клиентами. На основе полученных данных разработан ряд рекомендаций для улучшения условий труда и снижения риска профессионального выгорания. К ним отнесены внедрение программ психологической поддержки и обучения навыкам совладания со стрессом, пересмотр нагрузки и рабочих процессов, усиление роли организационной культуры в поддержке благополучия сотрудников. Исследование говорит о необходимости комплексного подхода к проблеме профессионального выгорания в сфере социальной работы, включая изменения на уровне организаций и разработку индивидуальных стратегий самопомощи, профессионального развития социальных работников. Предложенные меры, по мнению автора, могут способствовать повышению уровня профессионального удовлетворения и эффективности важной социальной работы.

Ключевые слова: социальная работа, трудовая мотивация, демотивация, профессиональное выгорание, факторы, социальные услуги, социальные службы, повышение мотивации, условия труда, инновация

Для цитирования: Махмудова М. Д. Профессиональное выгорание как фактор демотивации социальных работников // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 482–488. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-482-488>

Original article

Professional burnout as a demotivation factor among social workers

Munira D. Makhmudova

National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan,
info@nlibrary.uz

Abstract. In the modern world, social workers face high demands and stress levels, making them especially susceptible to professional burnout. This article examines the relationship between professional burnout and demotivation among social workers and identifies effective

strategies for prevention and mitigation. The study results indicate a significant relationship between burnout levels and decreased work motivation, impacting on the quality of social services and overall profession satisfaction. Contributing factors include excessive workloads, lack of support from colleagues and management, and challenges in client interactions. Based on the data obtained, a number of recommendations were developed to improve work settings and reduce burnout risks. These include implementing psychological support programs, training in stress management, revising workloads and workflows, and strengthening organizational culture to promote employee well-being. The study suggests the need for a comprehensive approach to the problem of professional burnout of social workers, including organizational changes and development of individual self-help and professional development strategies. According to the author, these measures aim to improve professional satisfaction and enhance the effectiveness of social work.

Keywords: social work, work motivation, demotivation, professional burnout, factors, social services, welfare departments, increasing motivation, working conditions, innovation

For citation: Makhmudova M.D. Professional burnout as a demotivation factor among social workers. *Sociology and Law. 2024;16(4):482-488. (In Russ.).* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-482-488>

Введение

В современном мире, в котором социальные службы играют ключевую роль в поддержке уязвимых слоев населения, профессионализм и эмоциональное благополучие социальных работников приобретают особое значение. Несмотря на высокую социальную значимость и востребованность профессии, социальные работники сталкиваются с рядом вызовов, среди которых профессиональное выгорание занимает одно из ведущих мест. Это состояние, характеризующееся эмоциональным истощением, деперсонализацией и снижением профессиональной эффективности, становится не только причиной личных страданий, но и фактором демотивации, подрывающим качество и эффективность социальной работы.

Настоящая статья посвящена анализу профессионального выгорания как значимого фактора демотивации социальных работников. Особое внимание уделено механизмам возникновения выгорания, его последствиям для психоэмоционального состояния специалистов и качества оказываемых ими услуг. В контексте исследования рассмотрены как индивидуальные стратегии преодоления и адаптации к профессиональным стрессам, так и организационные подходы к управлению рисками выгорания и повышению мотивации персонала.

Цель исследования — выявление основных факторов, способствующих развитию профессионального выгорания среди социальных работников, и разработка рекомендаций по минимизации его влияния на эффективность социальной работы. Для достижения поставленной цели использован метод анализа научной литературы.

Теория

Исследование профессионального выгорания и его влияния на демотивацию социальных работников имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку способствует разработке эффективных стратегий по улучшению условий труда, профессионального развития и психологической поддержки специалистов. Это, в свою очередь, направлено на повышение качества социальных услуг для населения.

В рамках настоящего исследования предполагается также изучить влияние внешних и внутренних факторов на уровень профессионального выгорания. Среди внешних факторов особое внимание уделено рабочей нагрузке, сложности задач, взаимодействию с клиентами и организационной культуре. Внутренние факторы включают в себя личностные характеристики социальных работников, в частности уровень эмпатии, стратегии совладания со стрессом и мотивационные аспекты. Особенность исследования видится в попытке интеграции различных подходов и теорий, связанных с профессиональным выгоранием, для создания комплексной модели понимания и предотвращения данного явления в сфере социальной работы.

Кроме того, предполагается осветить вопросы, связанные с последствиями профессионального выгорания не только для индивидуального благополучия социальных работников, но и для общества в целом. Ухудшение качества оказываемых услуг, снижение уровня доверия к социальным службам и увеличение текучести кадров в рассматриваемой сфере негативно сказываются на социальной поддержке населения, что делает проблему выгорания социальных работников актуальной не только для профессионального сообщества, но и для общества в целом.

Таким образом, научное исследование профессионального выгорания социальных работников как фактора демотивации представляет собой многоаспектную задачу, требующую комплексного подхода. Ожидается, что результаты настоящей работы будут способствовать развитию эффективных стратегий по улучшению благополучия социальных работников и повышению качества социальных услуг, предоставляемых населению.

С. Маслах [1], В. Б. Скофели [2] и М. П. Леитер в работе «Теоретические основы профессионального выгорания» определяют профессиональное выгорание как состояние эмоционального истощения, деперсонализации и снижения личной эффективности, которое может возникать у тех, кто работает с людьми в течение длительного времени. Стресс и эмоциональное истощение, как пишет Б. Х. Стам [3], являются существенными проблемами среди социальных работников из-за высоких требований и эмоциональной нагрузки вследствие их работы.

Результаты исследования Х. Ким и М. Стонер под названием «Связь между выгоранием и качеством работы» [4] свидетельствуют о том, что выгорание негативно влияет на качество предоставляемых социальных услуг, снижая удовлетворенность клиентов и эффективность деятельности. Д. К. Сиберт в работе «Выгорание и демотивация» [5] размышляет о том, как профессиональное выгорание приводит к снижению мотивации среди социальных работников, увеличивая их желание покинуть профессию. Согласно позиции С. Л. Морров [6], организационные стратегии, включая поддержку руководства, улучшение условий труда и развитие профессионального сообщества, могут существенно снизить риск профессионального выгорания. Индивидуальные стратегии совладания, по мнению Дж. Ли и С. Э. Миллер [7], развитие личных стратегий совладания со стрессом, таких как тайм-менеджмент, самоуход и профессиональное развитие, помогают снизить уровень профессионального выгорания. Несмотря на значительный вклад в изучение профессионального выгорания среди социальных работников, в литературе все еще существуют пробелы; очевидными становятся необходимость более глубокого изучения влияния культурных и демографических факторов, а также разработка и тестирование комплексных программ профилактики выгорания.

Результаты

Факторы, способствующие профессиональному выгоранию, могут быть внешними и внутренними.

К внешним факторам относятся высокая рабочая нагрузка, неопределенность трудовых отношений, недостаточная организационная поддержка, сложные взаимоотношения с клиентами. Внутренние факторы, в том числе личностные характеристики, включают в себя склонность к эмпатии, уровень стрессоустойчивости, профессиональные амбиции и ожидания.

Важно помнить о том, что профессиональное выгорание может привести к снижению качества предоставляемых услуг и удовлетворенности клиентов, увеличению количества ошибок и недочетов в деятельности. В связи с этим лицам, ответственным за организацию процесса социальных служб, необходимо разработать стратегию преодоления и предотвращения профессионального выгорания. Речь идет о введении гибкого графика работы, предоставлении возможностей для профессионального развития, усилении поддержки со стороны руководства. Личные стратегии совладания с профессиональным выгоранием, включая развитие навыков тайм-менеджмента, самообслуживания, а также поиск социальной поддержки тоже являются эффективными методами в борьбе против выгорания.

Нельзя не учитывать тот факт, что существует взаимосвязь между профессиональным выгоранием и личной жизнью. Это, в свою очередь, требует глубокого изучения и методологических подходов. В перспективе можно изучить то, каким образом профессиональное выгорание влияет на семейные отношения, социальную активность и общее качество жизни социальных работников.

Вышеизложенное требует всестороннего и глубокого подхода к проблеме борьбы против профессионального выгорания. Технологические инновации играют ключевую роль в борьбе с профессиональным выгоранием, предлагая новые подходы и решения для поддержки психологического благополучия и повышения эффективности работы. Эти инновации охватывают широкий спектр инструментов и платформ, в том числе мобильные приложения для медитации и самопомощи, системы управления задачами для оптимизации рабочего процесса, программы для мониторинга благополучия сотрудников и виртуальные платформы для обучения и развития навыков.

Мобильные приложения Headspace [8] и Calm [9] предлагают пользователям медитации упражнения на осознанность и сессии релаксации, которые помогут снизить уровень стресса и предотвратить выгорание. Эти инструменты делают практику самопомощи доступной и удобной, позволяя пользователям заниматься медитацией в любое время и в любом месте.

Технологии, в том числе Asana, Trello и Microsoft Teams, помогают в организации работы, планировании задач и управлении проектами. Они позволяют социальным работникам эффективно распределять ресурсы, устанавливать приоритеты и отслеживать прогресс выполнения задач. Это способствует снижению рабочего стресса и предотвращению перегрузок.

Платформы Limeade и Welltok предназначены для мониторинга и улучшения благополучия сотрудников. Они предоставляют инструменты для опросов, анкетирования и анализа данных о самочувствии сотрудников, позволяя работодателям своевременно выявлять признаки стресса или выгорания и предпринимать соответствующие меры. Онлайн-платформы, в частности Coursera, Udemy и LinkedIn Learning, предлагают курсы и тренинги по развитию личных и профессиональных навыков, включая управление стрессом, тайм-менеджмент и осознанность. Эти ресурсы позволяют социальным работникам повышать квалификацию и находить новые способы для того, чтобы справляться с профессиональными вызовами.

Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения могут анализировать большие объемы данных о поведении и благополучии сотрудников,

выявляя закономерности и предсказывая риски развития профессионального выгорания. Это дает возможность разрабатывать персонализированные программы поддержки и вмешательства.

Выводы и рекомендации

Исходя из полученных результатов, можно выделить основные направления рекомендаций.

Рекомендации для практики социальной работы

Улучшение условий труда. Организациям, занимающимся социальной работой, следует обратить внимание на оптимизацию рабочей нагрузки, предоставление достаточного времени на отдых и восстановление сил между рабочими заданиями. Важно создать среду, в которой социальные работники чувствуют поддержку и понимание со стороны руководства и коллег.

Программы профессионального развития. Регулярное обучение и профессиональное развитие помогают повысить уровень компетентности социальных работников, что способствует уменьшению чувства профессионального выгорания. Включение модулей по стратегиям совладания со стрессом и управлению эмоциональным выгоранием может быть особенно полезным.

Психологическая поддержка. Введение регулярных сессий с психологом или консультантом для обсуждения профессиональных трудностей и эмоциональных вызовов может способствовать снижению уровня стресса и профилактике выгорания.

Рекомендации для организационной политики

Разработка политики по предотвращению профессионального выгорания. Организации должны разработать и внедрить комплексную политику по управлению стрессом и профилактике выгорания, которая включает в себя меры по улучшению рабочей среды, обеспечению поддержки и развитию персонала.

Создание системы раннего выявления признаков выгорания. Важно обучать руководителей и коллег распознаванию первых признаков профессионального выгорания среди социальных работников для своевременного оказания поддержки и предотвращения развития более актуальных проблем.

Рекомендации для дальнейших исследований

Изучение долгосрочных эффектов профилактических программ. Необходимы дальнейшие исследования, направленные на оценку эффективности различных программ и стратегий по предотвращению профессионального выгорания в долгосрочной перспективе.

Межкультурные исследования. Целесообразно проводить исследования в разных культурных и социально-экономических контекстах, чтобы понять, каким образом культурные различия влияют на восприятие и управление профессиональным выгоранием.

Итак, профессиональное выгорание остается актуальной проблемой в сфере социальной работы, влияя на личное благополучие социальных работников, качество и эффективность предоставляемых ими услуг. Настоящее исследование говорит о важности комплексного подхода к решению этой проблемы, включая изменения в организационной культуре, улучшение условий труда и предоставление ресурсов для профессионального и личностного развития. Создание благоприятной рабочей среды, в которой работники чувствуют поддержку со сто-

роны коллег и руководства, служит ключевым фактором в борьбе с профессиональным выгоранием. Это требует не только внедрения формальных программ и политик, но и построения культуры взаимоуважения, открытости и заботы в коллективе.

Кроме того, акцент на профессиональном развитии и обучении, особенно в областях, связанных с управлением стрессом и эмоциональным интеллектом, может значительно повысить уровень удовлетворенности работой и уменьшить риск выгорания. Психологическая поддержка и доступ к консультационным услугам должны стать нормой, а не исключением, для всех работников социальной сферы. В дополнение к практическим мерам необходимы дальнейшие исследования для изучения эффективности внедряемых стратегий и программ, понимания уникальных вызовов, с которыми сталкиваются социальные работники в различных контекстах. Межкультурные исследования в этой области призваны пролить свет на глобальные и локальные аспекты проблемы, помочь в разработке универсальных и специфических подходов к ее решению.

Список источников

1. Maslach C., Leiter M. P. Understanding the burnout experience: Recent research and its implications for psychiatry // *World Psychiatry*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 103–111. DOI: 10.1002/wps.20311
2. Schaufeli W. B., Enzmann D. The burnout companion to study and practice: A critical analysis. London: Taylor & Francis Ltd, 1998. 232 p. (Issues in Occupational Health Series). DOI: 10.1201/9781003062745
3. Stamm B. H. The concise ProQOL manual. Pocatello, ID: ProQOL.org, 2010. 74 p. URL: <https://www.illinoisworknet.com/WIOA/Resources/Documents/The-Concise-ProQOL-Manual.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
4. Kim H., Stoner M. Burnout and turnover intention among social workers: Effects of role stress, job autonomy and social support // *Administration in Social Work*. 2008. Vol. 32. No. 3. P. 5–25. DOI: 10.1080/03643100801922357
5. Siebert D. C. Personal and occupational factors in burnout among practicing social workers: Implications for researchers, practitioners, and managers // *Journal of Social Service Research*. 2005. Vol. 32. No. 2. P. 25–44. DOI: 10.1300/J079v32n02_02
6. Morrow S. L. Quality and trustworthiness in qualitative research in counseling psychology // *Journal of Counseling Psychology*. 2005. Vol. 52. No. 2. P. 250–260. DOI: 10.1037/0022-0167.52.2.250
7. Lee J. J., Miller S. E. A self-care framework for social workers: Building a strong foundation for practice // *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*. 2013. Vol. 94. No. 2. P. 96–103. DOI: 10.1606/1044-3894.4289
8. Healthier people. Better business // Headspace. URL: <https://www.headspace.com/> (дата обращения: 15.07.2024).
9. Anxiety and stress relief whenever you need it // Calm. URL: <https://www.calm.com/stress-anxiety> (дата обращения: 15.07.2024).

References

1. Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: Recent research and its implications for psychiatry. *World Psychiatry*. 2016;15(2):103-111. DOI:10.1002/wps.20311
2. Schaufeli W., Enzmann D. The burnout companion to study and practice: A critical analysis. London: Taylor & Francis Ltd; 1998. 232 p. (Issues in Occupational Health Series). DOI: 10.1201/9781003062745
3. Stamm B.H. The concise ProQOL manual. Pocatello, ID: ProQOL.org; 2010. 74 p. URL: <https://www.illinoisworknet.com/WIOA/Resources/Documents/The-Concise-ProQOL-Manual.pdf> (accessed on 15.07.2024).

4. Kim H., Stoner M. Burnout and turnover intention among social workers: Effects of role stress, job autonomy and social support. *Administration in Social Work*. 2008;32(3):5-25. DOI: 10.1080/03643100801922357
5. Siebert D.C. Personal and occupational factors in burnout among practicing social workers: Implications for researchers, practitioners, and managers. *Journal of Social Service Research*. 2005;32(2):25-44. DOI: 10.1300/J079v32n02_02
6. Morrow S.L. Quality and trustworthiness in qualitative research in counseling psychology. *Journal of Counseling Psychology*. 2005;52(2):250-260. DOI: 10.1037/0022-0167.52.2.250
7. Lee J.J., Miller S.E. A self-care framework for social workers: Building a strong foundation for practice. *Families in Society: The Journal of Contemporary Social Services*. 2013; 94(2):96-103. DOI: 10.1606/1044-3894.4289
8. Healthier people. Better business. Headspace. URL: <https://www.headspace.com/> (accessed on 15.07.2024).
9. Anxiety and stress relief whenever you need it. Calm. URL: <https://www.calm.com/stress-anxiety> (accessed on 15.07.2024).

Информация об авторе

М. Д. Махмудова — докторант; 100174, Узбекистан, Ташкент, Алмазарский район, Университетская ул., д. 4.

Information about the author

M. D. Makhmudova — doctoral student; 4 University st., Almazor district, Tashkent 100174, Uzbekistan.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.08.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 22.08.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 316.354

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-489-500

Контуры отношений со временем (изучение племен и субкультур в компании «Эльба Мебель»)

Игорь Сергеевич Вознесенский^{1✉}, Роман Леонидович Боярков²

¹ Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, igor@voznensenskiy.info✉

² Альтшу Университет, Санкт-Петербург, Россия, RomanBoyarkov@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, что предметное поле социальных наук постоянно расширяется. Одним из новых направлений социальной антропологии становится корпоративная антропология. Запрос на исследования в этом направлении исходит в первую очередь от организаций, называемых «живыми». В статье представлен опыт трансформации культуры организации в рамках авторского исследовательского проекта по корпоративной антропологии, проводимой в компании «Эльба Мебель». В процессе исследования особое внимание уделено изучению отношений со временем в организации, которое выступает как ценный социальный ресурс труда. Значение данного ресурса резко возрастает в условиях современной инновационной экономики, связанных с появлением серии различных рисков, включая риски социального, психологического и организационного характера. Понимание особенностей отношений со временем дает как моментальный эффект, проявляемый в более успешной организации труда и межличностном взаимодействии, так и существенно раздвигает горизонт планирования. По результатам полевого исследования доказано, что использование методик корпоративной антропологии позволяет существенно раздвинуть границы подходов, наработанных в тайм-менеджменте, и дает возможность организациям эффективно использовать этот ресурс для повышения персональной продуктивности сотрудников и предприятия в целом.

Ключевые слова: социология управления, время, тайм-менеджмент, корпоративная культура, корпоративная антропология, акторно-сетевая теория (АСТ), симметричная антропология, полевое исследование

Для цитирования: Вознесенский И. С., Боярков Р. Л. Контуры отношений со временем (изучение племен и субкультур в компании «Эльба Мебель») // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 489–500. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-489-500>

Original article

Contours of attitudes toward time: A study of tribes and subcultures within the Elba Mebel company

Igor S. Voznesensky^{1✉}, Roman L. Boyarkov²

¹ Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, igor@voznensenskiy.info✉

² Altshu University, St. Petersburg, Russia, RomanBoyarkov@yandex.ru

Abstract. This article explores the expanding scope of social sciences. One of the new fields of social anthropology is corporate anthropology. The request for research in this field comes primarily from organizations called “living”. The article presents insights from a research project conducted at Elba Mebel, aimed at transforming the company’s organizational culture. Special attention is given to the relationship with time, which serves as a crucial social resource in the workplace. This resource becomes increasingly valuable within the modern innovative economy, where social, psychological, and organizational risks are ever-present. Understanding time relationships provides immediate benefits, such as improved labor organization and interpersonal interactions, while also enabling more comprehensive long-term planning. The results of this field study demonstrate that the use of corporate anthropology methods enables to significantly expand conventional time management approaches, helping organizations better utilize time as a resource to enhance both employee productivity and overall enterprise performance.

Keywords: sociology of management, time, time management, corporate culture, corporate anthropology, actor-network theory (ANT), symmetrical anthropology, field research

For citation: Voznesensky I.S., Boyarkov R.L. Contours of attitudes toward time: A study of tribes and subcultures within the Elba Mebel company. *Sociology and Law*. 2024;16(4): 489-500. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-489-500>

Введение

«Эльба Мебель» — один из крупнейших в России производителей мягкой и корпусной мебели, имеющий почти три десятилетия опыта успешной работы и совершенствования технологий. Данная компания владеет двумя собственными фабриками в Санкт-Петербурге и Москве, более чем сорока фирменными салонами в пяти городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Ростове-на-Дону и Краснодаре. Компания «Эльба Мебель» ежемесячно производит 16 тыс. единиц продукции [1], выстраивает свою стратегию, опираясь на миссию и ценности, делает стратегическую ставку на интегральное развитие сотрудников. Отражение такого смысла в мебели как продукте через категорию вещи, а не предметов мебели, потенциально может быть использовано на следующих этапах трансформации корпоративной культуры [2, с. 94].

В ходе подготовительного этапа сформулированы две цели проекта:

- провести апробацию корпоративно-антропологического подхода, оценить возможности его применения для организационного развития;
- выявить самобытные культурные практики отдельных подразделений.

В целях проведения исследования, осуществленного в 2023 г., заказчиком определены четыре салона: два из них находятся в Москве, еще два — в Санкт-Петербурге.

Материалы и методы

В работе использован ряд методов: включенное наблюдение на локациях; неструктурированные сфокусированные глубинные интервью с сотрудниками; сбор и анализ историй; интегральный анализ отношений со временем; изучение пространства; дискурс-анализ; моделирование. Антропологическая оптика предполагает особое внимание к речи и языку. Поэтому пристальное внимание обращено на ключевые слова проекта с учетом того, что их анализ способен открыть неочевидные аспекты культурного кода.

Понятия, используемые в работе

«Культура и субкультура» (по Т. Щепанской) — в качестве рабочего будем использовать определение культуры как коммуникативной сети, состоящей из каналов коммуникации и средств коммуникаций [3, с. 30].

«Каналы коммуникации» — для каждой культуры характерны определенные типы межличностных связей. Кроме синхронных каналов коммуникаций, культура предполагает наличие диахронных, то есть способность самовоспроизводиться во времени.

«Средство коммуникации» — знаки и символы, описание которых актуализирует определение культуры как знаковой системы, средства кодирования временной трансляции социальных (коммуникативных) структур. Говоря о конкретной знаковой системе, мы фиксируем ее атрибутику и символику. Например, применительно к знаковой системе времени в организации обращено внимание на календари с ее символикой, часы, поздравления с днями рождения сотрудников и т. д.

«Мебель» (от фр. *meuble*, от лат. *mobile* — «движимый, подвижный») — совокупность передвижных или встроенных изделий для обстановки жилых и общественных помещений и различных зон пребывания человека. Лингвист А. Вежбицкая, анализируя слово «мебель», пишет, что оно «не таксономическое, а *собира- тельное* (курсив автора), которое соотносится с разнородной совокупностью предметов различных типов... [4, с. 5]. Понятие «мебель» может быть отнесено к «размытым» терминам, что применительно к компании, связанной с производством и продажей мебели, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что данный тип продукта компании имплицитно влияет на один из ценностных контуров отношений в компании, в частности ценность разнообразия, носителем которой выступает фактор времени.

«Контурные отношений» — понятие «контур» в названии статьи соответствует, во-первых, морфологии дизайна исследования, предполагающего раскрытие уникальности; во-вторых, задаче проведения границ между различными блоками отношений, которые могут быть очень зыбкими, что, в частности, свойственно отношениям со временем [5, с. 131].

«Отношения» — Б. Д. Эльконин, описывая онтологию отношений, обращал внимание на «про-явленность значения слова “отношение” как особой динамической предметности» [6]. Сложно найти нечто более динамичное, чем время. Но и в повседневности, и в производственном процессе эта динамика может застывать, переходить в спящий режим.

Ход исследования

Ретроспективно в исследовании можно выделить три взаимосвязанных контура организации содержания деятельности по проекту: методический, технический и этический.

Методический контур

Проведено 16 глубинных интервью. Выборка структурирована следующим образом: директор филиала (региона), два человека; директор салона, два человека; старший менеджер, два человека; менеджер салона, девять человек, промоутер, один человек. Суммарно время живых диалогов с руководителями филиалов и сотрудниками салонов составило 24 часа. Это позволило собрать массив данных, позволяющих их анализировать, в частности, в аспекте отношений со временем в организации.

Транскрибирование

Выбран сложный и затратный путь, предполагающий полное транскрибирование всех интервью, который позволяет пережить каждое интервью как минимум четыре раза: во время сбора, транскрибирования, перечитывания транскриптов и кодирования. Благодаря этому транскрипт служит не только инструментом управления данными, но и аналитическим инструментом, позволяющим глубже осмысливать данные [7, с. 173].

Кодирование и квантификация данных

На этапе кодирования применена классификация кодов М. Б. Майлза и А. М. Хубермана, как следует из таблицы 1 [8].

Таблица 1

Классификация кодов Майлза и Хубермана

Table 1. Miles and Huberman code classification

Коды	Характеристика
Описательные	Как средства для суммирования массивов данных
Интерпретирующие	Присваиваются более сложной, более «закулисной» сети мотивов
Коды-паттерны	Фиксируют возникающие паттерны в данных

Источник: [8].

Схематизация кодов

На этапе схематизации появилась возможность реконструировать корпоративный дискурс, моделируя его схемы из полученных кодов. При обработке интервью применено кодирование выделенных цитат двумя типами кодов: фокусами, которыми были ключевые темы исследования, и метками, представлявшими собой своеобразные узловые точки корпоративного дискурса. Можно согласиться с определением понятия «узловые точки» как знаков в социальной организации значений, согласно методологии Э. Лакло и Ш. Муфф [9]. В данном случае они выполняют функцию организации дискурса [10, с. 85]. Ее необходимость определена объемом материала для анализа, представленного 648 выделенными значимыми цитатами и 149 ценностными метками, полученными на стадии отбора, группировки и формулирования гипотез.

Продуктивным оказался метод двойной рефлексивности Т. Шанина, который состоит в использовании саморефлексии и критического анализа исследователем собственных предположений, предубеждений и взглядов в процессе исследования [11, с. 317]. Этот метод помогает понимать и осознать свои предубеждения, а также изучать и оценивать их влияние на результаты исследования. Применение метода двойной рефлексивности обеспечивает достоверность результатов благодаря тому, что требует от исследователей критически анализировать выдвигаемые предположения.

Технический контур можно рассматривать как своеобразный мостик к одному из актуальных направлений социальной антропологии, в частности антропологии техники (от англ. *anthropology of technology*). Согласно ей, технологии становятся акторами социальной жизни, начинают участвовать в разных типах отношений, даже в распределении ресурсов. Эти положения в полной мере соотносятся с технологиями фиксации времени, измерения его изменений, практиками организации времени, прежде всего тайм-менеджмента. Безусловно, они позволяют рассматривать время как сложный социальный ресурс труда. Особенно четко эти новации

проявляются в деятельности живых организаций, которые становятся своеобразным символом настоящего исторического времени, отличающегося резкой сменой технологических, концептуальных и человеческих парадигм [12; 13; 14].

В связи с такими комплексными трансформациями в предметной области корпоративной антропологии исследователи выделяют пять типов отношений: 1) с другими в собственной группе; 2) лидером и властью; 3) посторонними, клиентами и конкурентами; 4) временем, пространством и космологией; 5) отношениями. С учетом этого видится необходимость дополнить их шестым типом — отношениями с самим собой в корпоративном контексте [15]. Их можно определить как *self skills*, в которых заинтересованы в первую очередь человеко-ориентированные компании. Если эти *self skills* рассматривать как компетентностный язык формирования «онтологической заботы о себе, то выясняется, что в рамках этого шестого типа отношений выстраиваются мостики к предыдущим пяти типам [16]. Однако социальная прочность таких конструкций различается, и наиболее устойчивую связь можно обнаружить с отношениями со временем. Это вполне объяснимо, поскольку прежде чем превратиться в социальный ресурс труда, время воспринимается как исключительно ценное личное достояние. Чтобы в организации продуктивно развивались отношения со временем, каждый сотрудник должен осознать собственные отношения с ним.

Именно на эти моменты обращено внимание при обработке цитат, проведенной с использованием приложения Notion. Все интервью транскрибированы, разделены на отдельные смысловые блоки-цитаты. Каждая из 648 значимых цитат внесена в базу Notion со следующей структурой столбцов: цитата, фокус, метки/гипотезы, салон, информант (таблица 2). Далее выполнен анализ цитат, повторяющиеся темы обозначены как метки/гипотезы (их всего 149). В базе цитат сделана частотная выборка с помощью Notion AI, что отражено на рисунке 1. Данная методика позволила провести одновременно качественный и количественный анализ, осуществить быстрый полнотекстовый или критериальный поиск для перепроверки гипотез.

О ЧЕМ ЕЩЕ ГОВОРЯТ СОТРУДНИКИ

Частотный анализ по 648 цитатам из 16 интервью: чем крупнее слово, тем выше частота употребления.

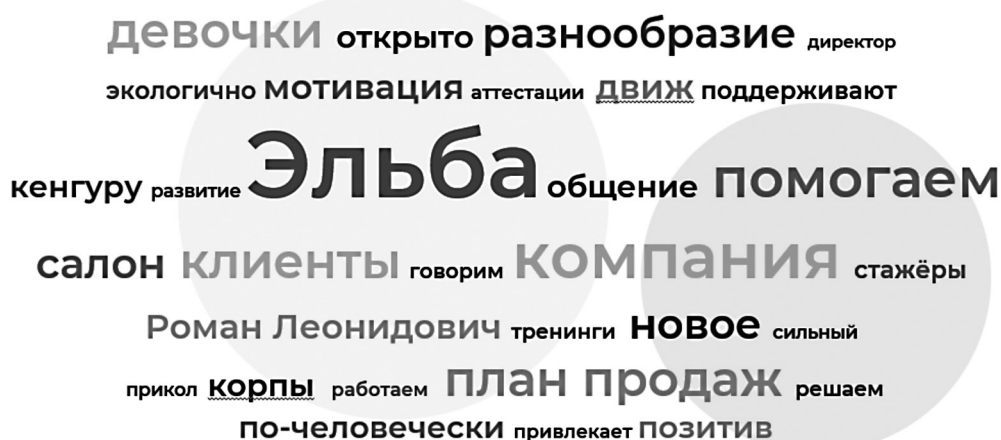

Рис. 1. «Частотное облако» самых употребляемых в интервью слов

Fig. 1. "Frequency cloud" of the most frequently used words in interviews

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Структура и пример таблицы для обработки и кодирования цитат

Table 2. Summary database for processing and coding quotes in Notion

Цитата (прямая речь)	Фокус	Метка/гипотеза	Салон	Информант
«Три года в компании. Подруга собиралась в Эльбу после пандемии. Я сказала: «Я с тобой». Делала ремонт, и мне нравились всякие проекты. Это могла бы быть и другая компания».	Компания в целом	Путь в компанию Дизайн Пришла в компанию Говорит в прошлом	Москва 1	Менеджер Н.
«Были порывы уйти, а сейчас хорошая мотивация (была по отгрузкам, а теперь по продажам)».	Компания в целом	Уйду если Мотивация Говорит в прошлом Говорит в настоящем	Москва 1	Менеджер Н.
«Мне нравятся все изменения. Реагирую положительно. Когда ты сидишь на одном месте, ты не развиваешься».	Компания в целом	Изменения Развитие Говорит в настоящем	Москва 1	Менеджер Н.
«Самое значительное изменение: пришел новый руководитель. Она очень сильный сотрудник. Держится с нами наравне».	Лидерство и власть	Изменения Говорит в прошлом Говорит в настоящем	Москва 1	Менеджер Н.
«Должен остаться наш директор. Если он поменяется — это все. Не представляю компанию без него».	Лидерство и власть	Уйду если Директор Говорит в будущем	Москва 1	Менеджер Н.

Источник: составлено авторами.

Полученные результаты

Анализ отношений со временем в компании «Эльба Мебель» стал ключом к решению главной исследовательской загадки проекта, которая состояла в том, как организация может динамично развиваться и быть устойчивой, если ее главная ценность — комфорт. Однако отношения со временем подтвердили правильность корпоративной ценности «комфорт во всех отношениях», хотя некоторые гипотезы не подтверждены, как видно в таблице 3.

Во-первых, выявлено, что потоковое время сотрудников, которое представляет собой время контакта с клиентом (продажи, рисование дизайнера и расчет нестандартов и др.), позволяет своим ритмом снижать индивидуальное и коллективное напряжение, то есть создавать комфорт. Во-вторых, это состояние закреплено волшебным временем, к которому относятся различные корпоративные события, тимбилдинги, тренинги.

Исследовательские гипотезы и точки удивления
Table 3. Research hypotheses and points of surprise

Гипотезы: комфорт/напряжение	Пояснения и точки удивления
Комфорт — о нем говорят	Чаще всего упоминается это слово из услышанных нами в интервью (более 30 цитат). Какими разными могут быть команды в рамках одной компании, и вместе с тем ценности компании пропитывают каждый салон
Субкультуры (племена): уникальности	
Мебельный Континент (Санкт-Петербург) Богини живут по правилам	«Богинями» называет сотрудниц салона директор, который стремится дополнять свой основной фокус на задачи и правила вниманием развитию отношений в команде
Гранд Каньон (Санкт-Петербург) Все разные, в этом и сила	В салоне представлено равное количество новичков и более опытных. При этом в каждом интервью слышали, как им вместе круто, что они умеют ценить различия друг друга и друг друга дополняют
Румер (Москва) Подружки с улицы желтых фонарей	В команде увидели только женщин, наблюдаются выстроенные доверительные, одновременно неформальные и фокусированные на результатах отношения
Империя (Москва) Тени прошлого, тирания и рестарт	В салоне увидели нового директора, которая выполняет наставническую роль как мастер продаж и находится в начале относительно создания команды
Интегральная карта отношений со временем в компании	
Восприятие времени — линейное. Временная перспектива — фокус на настоящем, горизонт планирования день-месяц. Локус контроля — внутренний. Темп задают руководители и клиенты. Потоковое время — работа с клиентом, проектирование дизайна. Хроностазис — время без клиентов. Волшебное время — события, тимбилдинги, тренинги. Золотой век — сегодня. Отношения с прошлым и будущим в дефиците	Комфорт и потенциальное напряжение: «При работе с клиентами — поток». Потоковое время сотрудников — это время контакта с клиентом: продажи, рисование дизайна и расчет нестандартов. Комфорт: события, праздник, корпоративы, тимбилдинги. Выходя за рамки повседневности, они выполняют функцию сплочения племени, помогают выстраивать горизонтальные связи и создавать общую историю совместно пережитого чуда. Комфорт: мероприятия, связанные с обучением. Иная форма волшебного времени. Кроме сплочения и развития связей, тренинги становятся местом/временем, в котором сотрудники открывают и иницируют новых себя
Комфорт: все помнят и рассказывают истории о первых впечатлениях и шагах в компании	Напряжение: в компании с 28-летней историей почти ничего не слышали о прошлом, его значимых этапах, сохранении и передаче традиций
Комфорт: сотрудники уверены в том, что самое счастливое, беззаботное и успешное время — золотой век — сегодня или на пороге	Напряжение: даже старший персонал говорит о долгосрочных планах компании неконкретно, горизонт планирования линейных сотрудников не превышает один-два месяца

Источник: составлено авторами.

В-третьих, проявились искажения восприятия золотого века, выраженные в дефиците отношений с прошлым и будущим. С одной стороны, косвенно они указывают на комфортное пребывание в настоящем времени. С другой — не может не тревожить тот факт, что у организации с историей практически в три десятилетия не сформированы коллективные воспоминания о прошлом и не выработаны традиции. Еще большее беспокойство вызывает короткий горизонт планирования, неумение заглянуть в будущее, а значит, увидеть не только перспективу развития компании, но и предугадать возможные риски.

Выявление особенностей отношений со временем позволило создать модель корпоративной культуры компании «Эльба Мебель».

Обсуждение

По итогам одного из заключительных этапов полевой работы построена модель корпоративной культуры компании, представленная на рисунке 2. Она дала возможность предварительно соотнести фокусы в исследовании, а именно время и управление, с другими частями организации.

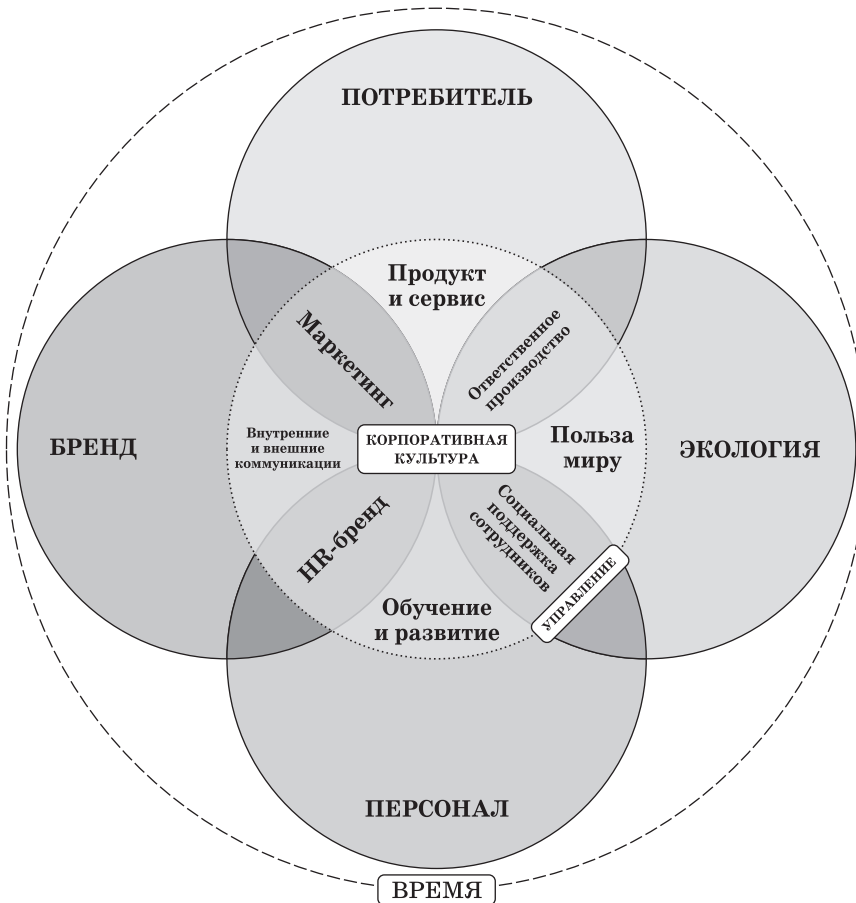

Рис. 2. Модель корпоративной культуры компании «Эльба Мебель»

Fig. 2. Model of the corporate culture of the Elba Mebel company

Источник: составлено авторами.

При создании модели корпоративной культуры для концептуализации гипотез в методологический инструментарий выбрана акторно-сетевая теория (АСТ) и симметричная антропология Б. Латура, которые обеспечивают взгляд на организацию с разных сторон с учетом ее и человеческих, и технических аспектов [17; 18, р. 369]. АСТ предлагает новый подход к анализу корпоративной культуры, утверждая, что не существует разделения на субъекты и объекты, поскольку все элементы в организации являются участниками сети. Особенно четко это проявляется в мебельной компании, в которой работники, клиенты, поставщики, продукты и технологии взаимодействуют друг с другом, образуя сложную сеть. Симметричная антропология предполагает равное отношение к людям и вещам, что ценно при анализе корпоративной культуры, в которой одинаково предметы и технологии играют важную роль. Так, в мебельной компании продукты, станки и компания как таковая могут быть рассмотрены в качестве равноправных участников процесса производства и потребления, каждый из которых вносит свой вклад в формирование корпоративной культуры. Поскольку в АСТ нет групп, но существует группообразование, при котором все акторы постоянно взаимодействуют, создавая не иерархию, а плоскую, динамическую сеть. Эта сеть и определяет их отношения. Благодаря такому материально-семиотическому подходу, расширяющему предметное поле социологии вещей, становится очевидным, что мир вещей в корпоративной антропологии недостаточно сводить к части пространства, а эвристически ценно выделить в дополнительный фокус «отношения с вещами» [19]. Поскольку вещь всегда выступает свидетелем эпохи, этот фокус примыкает к отношениям со временем, что, например, проявляется в случае оставленной в организации новогодней праздничной атрибутики после давно состоявшегося торжества.

Из четырех указанных Латуром основных модальностей бытия в отношении «не-человеков» две видятся значимыми для анализа корпоративной культуры: 1) медиаторы социальных отношений, которые приносят новые компетенции в сообщество, вынуждая остальных изменять свои действия; 2) полноправные участники сборок социальных образований. С помощью методологии появляется возможность установить отношения между двумя неэквивалентными феноменами: «властью и влиянием» и «этикой и ответственностью». Тем самым показано, что властные отношения носят взаимно распределенный характер, а также сделан акцент на важности этического подхода к анализу корпоративной культуры при рассмотрении вещей и людей как равноценных участников. В деятельности мебельной компании всегда присутствует экологический аспект. Кроме того, активно развиваются формы социальной ответственности перед работниками и клиентами, в частности благотворительные и экологические акции.

Ценность методологии АСТ проявилась и в том, что исследователи легитимно поставлены в позицию актора, роль которого состояла в том числе в провоцировании других акторов в компании на размышления об отношениях внутри организации со временем, об их собственной позиции и вкладе в развитие компании и др. Через такие вопросы прослеживается понимание того, как увеличить жизнестойкость организации.

Выводы

Для обеспечения жизнестойкости компании «Эльба Мебель» после обсуждения результатов полевого исследования нами сформулированы предложения в контексте ряда аспектов, включая отношения со временем. К ним относятся следующие проекты:

- проект «Культурный код Эльбы», связанный с разработкой культурного аспекта стратегии развития компании, предполагающий повышение ценности бренда/HR-бренда, целостности внутренних и внешних коммуникаций;
- клуб управляющих, развивающий диалоговые форматы по обмену лучшими практиками и нацеленный на развитие управленческих/лидерских компетенций;
- курс для топ-команды «Темпоральный интеллект», помогающий понять, как стать сильным лидером, используя отношения со временем и позволяющий расширить временную перспективу, выработать навыки синхронизации ритмов внутри команды и управления потоковыми состояниями;
- асинхронный курс по самоорганизации для сотрудников, включающий в себя практики повседневной работы со временем и способствующий снижению организационного стресса в период адаптации новичков;
- костровые сессии, состоящие в совместном проектировании будущего через глубокий диалог путем вовлечения сотрудников и команд в управление изменениями, согласование позиций и принятие стратегических решений.

Несмотря на отличительные черты компании «Эльба Мебель», проведенное исследование показало, что в ее отношениях со временем обнаружены общие проблемы современных организаций, связанные с недооценкой значимости этого фактора как социального ресурса труда. Социологический инструментарий, примененный в ходе данного проекта, может быть распространен на изучение отношений со временем в большинстве бизнес-структур.

Список источников

1. О компании // Эльба Мебель. URL: <https://www.elbamebel.com/company> (дата обращения: 27.05.2024).
2. Эпштейн М. Первопонятия. Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, 2022. 720 с.
3. Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2004. 286 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: сб. ст. / пер. с англ., отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
5. Холбрад М. Контуры отношений: антропология как концептуальная морфология / пер. с англ. // Логос — философско-литературный журнал. 2022. Т. 32. № 2. С. 131–165. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-2-131-165
6. Эльконин Б. Д. Психология развития с позиции культурно-исторической концепции: курс лекций. М.: Авторский клуб, 2022. 344 с.
7. Практики анализа качественных данных в социальных науках: учеб. пособие / отв. ред. Е. В. Полухина. М.: ИД Высшей школы экономики, 2023. 383 с.
8. Miles M. B., Huberman A. M. Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1994. 352 p.
9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. London: Verso, 1985. 197 p.
10. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 350 с.
11. Шанин Т. Двойная рефлексивность // Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 317–344.
12. Вольф Н. Живая организация. Трансформация бизнеса на пути к выдающимся результатам / пер. с англ. Ю. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 288 с.
13. Кукушкин М. Живые. Как корпоративная культура спасает людей и компании. 2-е изд. М.: ИД Университета Синергия, 2021. 328 с.
14. Мейер К., Дэвис С. Живая организация: компания как живой организм: грядущая конвергенция информатики, нанотехнологии, биологии и бизнеса / пер. с англ. А. Стативка. М.: Добрая книга, 2007. 366 с.

15. Браун Д., Крамер И. Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера / пер. с англ. И. Окунькова. М.: Альпина Паблишер, 2018. 240 с.
16. Ковалева Т. М. Группа self skills как компетентностный язык формирования «онтологической заботы о себе» // Тьюторство в открытом образовательном пространстве: языки описания и работы с «самостью» — развитие личности; становление субъектности; формирование self skills: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (XXV Всерос. науч.-практ. конф.), 27–28 октября 2020 г. / науч. ред. Е. А. Волошина, Т. М. Ковалева, А. А. Теров. М.: Ресурс, 2020. С. 17–23.
17. Латур Б. Нового Времени не было: эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; под науч. ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
18. Latour B. On actor-network-theory: A few clarifications plus more than a few complications // *Soziale Welt*. 1996. Vol. 47. No. 4. P. 369–381. DOI: 10.2307/40878163
19. Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. 390 с.

References

1. About the company. Elba Furniture. URL: <https://www.elbamebel.com/company> (accessed on 27.05.2024). (In Russ.).
2. Epshtein M. Primordial concepts. Keys to the cultural code. Moscow: KoLibri; 2022. 720 p. (In Russ.).
3. Shchepanskaya T.B. System: Texts and traditions of the subculture. Moscow: United Humanitarian Publishing; 2004. 286 p. (In Russ.).
4. Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition: Coll. pap. Transl. from Eng. Moscow: Russkie slovari; 1996. 411 p. (In Russ.).
5. Holbraad M. The shapes of relations: Anthropology as conceptual morphology. *Philosophy of the Social Sciences*. 2020;50(6):495-522. DOI: 10.1177/0048393120917917 (In Russ.: *Logos — filosofsko-literaturnyi zhurnal*. 2022;32(2):131-165. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-2-131-165).
6. El'konin B.D. Developmental psychology from the standpoint of the cultural-historical concept: A course of lectures. Moscow: Author's Club; 2022. 344 p. (In Russ.).
7. Polukhina E.V., ed. Practices of qualitative data analysis in the social sciences. Moscow: HSE Publ.; 2023. 383 p. (In Russ.).
8. Miles M.B., Huberman A.M. Qualitative data analysis: An expanded sourcebook. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 1994. 352 p.
9. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics. London: Verso; 1985. 197 p.
10. Jørgensen M.W., Phillips L.J. Discourse analysis as theory and method. London: Sage Publications Ltd.; 2002. 240 p. (Russ. ed.: Phillips L.J., Jørgensen M.W. Diskurs-analiz. Teoriya i metod. Kharkov: Humanitarian Center; 2004. 350 p.).
11. Shanin T. Double reflexivity. In: Kovalev E.M., Shteinberg I.E. Qualitative methods in field sociological research. Moscow: Logos; 1999:317-344. (In Russ.).
12. Wolfe N. The living organization: Transforming business to create extraordinary results. Irvine, CA: Quantum Leaders Publishing; 2011. 210 p. (Russ. ed.: Wolfe N. Zhivaya organizatsiya. Transformatsiya biznesa na puti k vydayushchimsya rezul'tatam. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2022. 288 p.).
13. Kukushkin M. Alive: How corporate culture saves people and companies. 2nd ed. Moscow: Synergy University Publ.; 2021. 328 p. (In Russ.).
14. Meyer C., Davis S.M. It's alive: The coming convergence of information, biology, and business. New York, NY: Crown Business Publishing; 2003. 275 p. (Russ. ed.: Meyer C., Davis S. Zhivaya organizatsiya: kompaniya kak zhivoi organism. Gryadushchaya konvergentsiya informatiki, nanotekhnologii, biologii i biznesa. Moscow: Dobraya kniga; 2007. 366 p.).
15. Braun D., Kramer J. The corporate tribe: Organizational lessons from anthropology. London: Routledge; 2018. 260 p. (Russ. ed.: Braun D., Kramer J. Korporativnoe plemya.

- Chemu antropolog mozhет nauchit' top-menedzhera. Moscow: Alpina Publisher; 2018. 240 p.).
16. Kovaleva T.M. The self-skills group as a competence language for the formation of "ontological self-care". In: Voloshina E.A., Kovaleva T.M., Terov A.A., eds. Tutoring in an open educational space: Languages of description and work with the "self" — development of personality; formation of subjectivity; formation of self-skills. Proc. 13th Int. sci.-pract. conf. (25th All-Russ. sci.-pract. conf.). (October 27-28, 2020). Moscow: Resurs; 2020:17-23. (In Russ.).
 17. Latour B. Nous n'avons jamais été modernes: Essai d'anthropologie symétrique. Paris: La Découverte; 2006. 210 p. (Russ. ed.: Latour B. Novogo Vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ.; 2006. 240 p.).
 18. Latour B. On actor-network-theory: A few clarifications plus more than a few complications. *Soziale Welt*. 1996;47(4):369-381. DOI: 10.2307/40878163
 19. Vakhshain V. Sociology of things: Coll. pap. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 390 p. (In Russ.).

Информация об авторах

И. С. Вознесенский — старший преподаватель кафедры социологии и управления; 125319, Москва, Ленинградский пр., д. 64.

Р. Л. Боярков — кандидат политических наук, методический директор; 194044, Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 61а, офис 304/4.

Information about the authors

I. S. Voznesenskiy — senior lecturer at the Department of Sociology and Management; 64 Leningradskiy Ave., Moscow 125319, Russia;

R. L. Boyarkov — PhD in Politology, methodical director; office 304/4, 61A Bolshoy Sampsonievskiy Ave., St. Peterburg 194044, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 316.776

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-501-508

Вебкам-индустрия в молодежной среде (социологический анализ)

Ирина Викторовна Ангарская

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия, iraangarskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4449-4933>

Аннотация. В статье представлены результаты изучения мотивов вовлечения молодежи в вебкам-индустрию. Целенаправленный отбор информантов, которые занимались вебкам-моделингом не менее двух лет, показал, что экономические потребности, желание следовать модным тенденциям, образ жизни, зачастую основанный на культуре потребления, гонке за дорогими товарами, а также отсутствие семейной привязанности и высокая склонность к частым добрачным сексуальным отношениям являются причинами вовлечения в рассматриваемую деятельность.

Ключевые слова: вебкам-индустрия, молодежь, девиантное поведение, рискованное сексуальное поведение

Для цитирования: Ангарская И. В. Вебкам-индустрия в молодежной среде (социологический анализ) // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 501–508. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-501-508>

Original article

Webcam industry in the lives of young people: A sociological analysis

Irina V. Angarskaya

Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, iraangarskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4449-4933>

Abstract. The article explores the factors driving young people to participate in the webcam industry. A purposive sample of informants with at least two years of experience in webcam modeling revealed that economic needs, a desire to follow fashion trends, a consumption-driven lifestyle, pursuit of expensive goods, lack of familial affection, and a high tendency for frequent premarital sexual relationships are among the primary reasons for engagement in this activity.

Keywords: webcam industry, youth, deviant behavior, risky sexual behavior

For citation: Angarskaya I.V. Webcam industry in the lives of young people: A sociological analysis. *Sociology and Law. 2024;16(4):501-508. (In Russ.).* <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-501-508>

Введение

Сектором социологии девиантного поведения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) на протяжении многих лет проводятся обширные исследования, посвященные аспектам сексуального поведения в различных половозрастных группах. Основной целью исследований является изучение рискованного сексуального поведения разных групп населения, в том числе среди студенческой молодежи. По результатам этих исследований можно заключить, что сексуальная культура в российском обществе в течение последних нескольких десятилетий существенно трансформировалась, произошла девальвация традиционных ценностей половой морали. Наблюдаются рост рискованного сексуального поведения, проявляющийся в снижении возраста начала половой жизни; рост количества половых партнеров; увеличение сексуальных связей без использования контрацептивов, расширение сферы предоставления различных услуг сексуального характера и др. [1] Так, на основе исследования, проведенного среди студентов от 18 до 23 лет (всего 153 респондента), установлено, что 15,46 % имели или вступали в добрачные сексуальные отношения в форме дружбы с выгодой или дружеских отношений без эмоциональных уз. Кроме того, по данным исследований сектора, многие молодые мужчины и женщины 15–19 лет вступали в добрачные сексуальные отношения. Подростки, которые были респондентами, имели такой опыт, как свидания (72 %), поцелуи (92 %), прикосновения (тактильное контактирование) (62 %) и добрачные половые сношения (73,6 %) [2].

По различным социологическим оценкам, более половины девушек к девятнадцати годам успевают сменить от трех до шести партнеров. Почти каждый второй подросток 15–17 лет с опытом половой жизни имел двух и более половых партнеров в течение последних двенадцати месяцев. При этом среди юношей наличие двух и более половых партнеров распространено в два раза больше, чем среди девушек.

Интернет изменил формы рискованного сексуального поведения в подростковой и молодежной среде. В настоящей статье предпринята попытка выявить мотивы и факторы рискованного сексуального поведения в сети Интернет среди студенческой молодежи, а именно приобретение и предоставление виртуальных сексуальных услуг через веб-камеру. Вебкам-индустрию можно охарактеризовать как оказание коммерческих онлайн-услуг сексуального характера в режиме реального времени посредством общения веб-модели и зрителей (мемберов) в видеочате для удовлетворения сексуальных и иных потребностей последних, организованном на сайте, хостинге или иной тематической платформе [3]. Модели вебкам-индустрии транслируют эротические шоу в прямом эфире для зрителей в мире, в отличие от традиционной порнографии, они напрямую взаимодействуют с клиентами (мемберами) во время своих выступлений. В свою очередь, клиенты могут влиять на направления выступления, при этом у вебкам-модели есть выбор: какие шоу предложить или какие действия выполнить.

По данным зарубежных социологических исследований, 30 % потребителей данных услуг пишут о том, что после общения с вебкам-моделями их эмоциональное состояние улучшается. В исследованиях говорится о том, что у мемберов часто выражена зависимость от этих услуг. В действительности их сексуальные отношения нарушаются, или они не стремятся построить какие-либо отношения с реальными партнерами [4].

Данная индустрия большими темпами набирает популярность среди молодежи. Причин может быть несколько: во-первых, доступность (услуги предостав-

ляют через интернет); во-вторых, анонимность (тот, кто покупает виртуальные секс-услуги может скрывать свою личность); низкая стоимость и своего рода законность. Зависимость от виртуального секса обычно возникает у молодых людей, испытывающих неудовлетворенность собой, в действительности у них могут отсутствовать сексуальные отношения. При этом зависимость может развиваться как у юношей, так и у девушек.

Вебкам-индустрия сегодня является «прибыльным бизнесом» и оценивается, по разным источникам, в миллиарды долларов. По данным IBISWorld, рынок предоставления сексуальных услуг через интернет в мировом масштабе возрос на 7 % с 2018 по 2023 г. [5] В нашей стране вебкам-индустрия также растет быстрыми темпами, по данным исследования, проведенного компанией Statista. Объем рынка онлайн-развлечений в России составил около 1,2 млрд долл. в 2021 г., и к 2025 г. он возрастет до 1,8 млрд долл. [6] В целом вебкам-индустрия представляет собой увеличение рынка проституции, а не просто вытеснение традиционной проституции. Усугубляет ситуацию то, что в молодежной среде рынок вебкам-моделинга эротизируется и не осознается молодыми людьми как проституция или порнография. Настораживает и тот факт, что в интернете все больше растет спрос на низкий возрастной сегмент в предоставлении данных услуг.

Методические обоснование

Статья основана на результатах многометодного исследования, изучающего, как интернет повлиял на рискованное сексуальное поведение среди студенческой молодежи. Данные собраны разными способами, включая контент-анализ социальных сетей, в которых распространен контент вебкам-моделинга (Telegram, VK, TikTok и др.), а также сайтов, через которые предоставляют услуги вебкам-моделинга. Проведены качественные интервью с вебкам-моделями (всего в интервью участвовали тринадцать респондентов). Кроме того, проведен опрос мемберов, то есть людей, которые покупают сексуальные услуги в онлайн-секторе (всего семь ответов).

Результаты исследования

По данным опроса вебкам-моделей в студенческой среде, экономический фактор стал сильнейшей движущей силой для вовлечения в онлайн-проституцию. Этот фактор делится на две составляющие: полное удовлетворение основных потребностей и соблюдение определенного образа жизни, навязанного культурой потребления.

Одна из опрошенных вебкам-моделей рассказывает, что она впервые занялась данной деятельностью, поскольку ее смущало то, что по сравнению со сверстниками в колледже она не могла позволить себе купить дорогие атрибуты (брендовую одежду, дорогой телефон и т. п.). Изначально она хотела иметь возможность покупать хорошую одежду, хорошие мобильные телефоны и вести «достойный», по ее словам, образ жизни. Сутенерами в этом режиме обычно выступают сверстники, которые ранее вовлечены в данную сферу. Мотивы вовлечения в вебкам-индустрию из-за стремления к гедонистическому образу жизни подтверждаются ответами большинства других опрошенных респондентов. Рост онлайн-проституции в эпоху нового тысячелетия среди студенческой молодежи обусловлен стремлением к потребительскому образу жизни, желанием следовать растущей популярной культуре, особенно относительно моды (иметь возможность покупать

дорогие вещи), а путь вебкам-модели кажется «легким способом заработать хорошие деньги», по словам респондентов.

Наряду с девальвацией традиционных ценностей, еще одним значимым фактором вовлечения студенческой молодежи в рискованное сексуальное поведение в сети Интернет является утрата национальных корней. Молодое поколение пережило и переживает декультурацию в различных аспектах. Юноши и девушки поглощают чужую массовую культуру через рекламу, фильмы, песни и другие материалы, они покупают стиль жизни, а не предметы первой необходимости. Товары воспринимаются ими как признак, а не как полезность. Данное явление К. Маркс называл «товарным фетишизмом» [7], а Э. Фромм — «рыночным типом личности» [8]. Психология тотального потребления приводит к созданию гиперреальности по отношению к потребителям, которые теряют первоначальную реальность и заменяют ее псевдореальностью или реальностью, сформированной средствами массовой информации (СМИ).

Зачастую в СМИ работа вебкам-моделинга преподносится как определенный стиль жизни. Так, из некоторых опросов веб-моделей выявлено, что причиной их гедонистического поведения стало влияние рекламы из различных СМИ, в том числе электронных. В последних сделан акцент на излишнем гедонизме, развязном, аморальном поведении, низких религиозных убеждениях и отсутствии воспитания. Опрос респондентов, практикующих предоставление виртуальных сексуальных услуг, показал, что среди них распространены два основных образа жизни. Во-первых, они пытаются идти в ногу с современными тенденциями, поэтому им приходится покрывать свои расходы, предоставляя сексуальные услуги в интернете. Во-вторых, практикующие вебкам-моделинг в большинстве случаев ведут нездоровый образ жизни: курят, употребляют алкоголь и наркотики. Эти молодые люди считают, что заниматься такой деятельностью неправильно, и стараются скрыть ее. У многих из них присутствует страх относительно того, что об этом узнает семья.

Еще одним фактором системного роста вебкам-индустрии среди представителей молодого поколения служит легкость распространения порнографического контента в социальных сетях и слабое соблюдение законов об электронных транзакциях. Вебкам-индустрия — это сравнительно новое явление в социальной жизни, и возникают сложности квалификации действий ее субъектов с точки зрения закона. В. С. Соловьев пишет о том, что администраторам вебкам-студий не грозит ответственность по ст. 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) об организации занятия проституцией, так как организация оказания сексуальных услуг онлайн и вовлечение в такую деятельность не подпадают под действие указанных норм, а привлечение моделей к административной ответственности за занятие проституцией по ст. 6.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях исключено [9]. Сложность квалификации таких деяний обусловлена использованием онлайн-трансляции и специальных средств анонимности в сети Интернет, международным характером и разнообразием действующих субъектов. В России сегодня вебкам-индустрия не урегулирована уголовным законом и нормами других отраслей права [10].

Конечно, интернет, как способ связи, играет большую роль в организации предоставления вебкам-услуг. Большинство участников опроса считают, что без интернета они не смогут продолжать работать в вебкам-индустрии, у них не будет возможности предлагать свои услуги. В частности, Анастасия (18 лет, предоставляет услуги вебкам) пишет: *«Без этого не было бы рабочей жизни, это не работает вне интернета... Потому что я не смогу войти в систему, я не смогу обмениваться мгновенными сообщениями, использовать прямую трансляцию*

через веб-камеру». Другие участники опроса описывали интернет как «чрезвычайно важный» (Инна, 22 года, предоставляет вебкам-услуги), «фундаментально важный» (Яна, 21 год, предоставляет вебкам-услуги), «на сто миллионов процентов важный» (Юрий, 22 года, предоставляет вебкам-услуги), «абсолютно важный» (Полина, 19 лет, предоставляет вебкам-услуги), «абсолютно необходимый» (Юлия, 20 лет, предоставляет вебкам-услуги), «главная важная вещь в моей трудовой жизни» (Алина, 20 лет, предоставляет вебкам-услуги).

По результатам опроса становится очевидным, большинство вебкам-моделей утверждали, что им не нужен специальный сайт для продвижения своих услуг, так как они могли в этих целях использовать каталоги готовых сайтов по услугам вебкам-моделинга. В нашей выборке большинство респондентов предпочли не использовать личные страницы в социальных сетях для привлечения клиентов, и причины этого почти всегда связаны с проблемами конфиденциальности. Так, Татьяна (22 года) объяснила, что не использует социальные сети для работы, поскольку это то, что она использует в личной жизни, и что она «очень строго относится к тому, чтобы все это было разделено»; Инна (20 лет) указала, что «если вы зайдете в социальные сети... вас, скорее всего, раскроют и будут пытаться шантажировать». В большинстве случаев опрошенные вебкам-модели беспокоились о том, что клиенты могут снимать и выкладывать их выступления на порносайтах или получить личную информацию, которая может быть использована для преследования или шантажа.

Опрос покупателей виртуальных сексуальных услуг среди студенческой молодежи показал, что, по мнению большинства из них, интернет значительно снижает денежные затраты в получении таких услуг. Респонденты пишут о том, что могут просматривать объявления и другие сайты, производить оплату услуг, не выходя из собственного дома, и к тому же анонимность — значимый для них аспект покупки такого рода услуг. Опрос покупателей в формате онлайн секс-услуг показал, что при выборе моделей они отдают предпочтение более молодым (от 18 до 23 лет).

Относительно эмоциональных рисков укажем, что данные в контексте интервью с вебкам-моделями показывают, что большинство из них страдают от психологических проблем, в частности эмоциональных, вследствие отсутствия социальной поддержки и негативной мотивации к работе. После года работы в данной индустрии у многих моделей появляется чувство, что их используют. Например, Анастасия пишет: «В душу ни один клиент тебе не заглядывает, тебя рассматривают как мясо». Наступает период, когда модели чувствуют себя никчемными, впадают в депрессию, испытывают стресс, пропадает интерес к сексу в действительности. Чаще всего психологическим фактором, который толкает девушек и юношей к такому виду заработка, являются отсутствие привязанности к семье, большая занятость и безразличие родителей. Один из участников исследования объяснил, что его работа в вебкам-индустрии началась не только вследствие экономических мотивов, он «просто хотел найти отдушину и завести друзей», так как в семье он не чувствовал поддержки. Многие респонденты утверждают, что в этой сфере они нашли друзей, других веб-моделей, с такими же проблемами, как у них («они могли слушать и быть внимательными, и наконец-то я почувствовала себя нужной»). Эти результаты совпадают с результатами исследований, проведенных в нескольких странах, за пределами России [11; 12], по итогам которых выявлены причины вовлечения молодежи в вебкам-индустрию. Таким образом, экономические факторы, психологические факторы (отсутствие привязанности со стороны семьи), факторы социального образа жизни, ранний интерес к сексуальной сфере и раннее начало половой

жизни, расстройства социального поведения — все это движущая сила вовлечения студенческой молодежи в вебкам-моделлинг.

Выводы

Вебкам-индустрия является популярным видом онлайн-развлечений в молодежной среде, который порождает множество проявлений рискованного сексуального поведения. Распространенной целью практикующих вебкам-моделлинг в молодежной среде служит социально-экономический мотив, желание соответствовать определенному стилю жизни, пропагандируемому растущими тенденциями популярной культуры в области моды и развлечений. Молодое поколение оторвано от национальных культурных ценностей, в том числе из-за потери межличностного общения в семье и благополучного социального окружения. Влияние вебкам-индустрии на общество и индивидуумов требует дальнейшего изучения и регулирования. В настоящее время вебкам-сервисы способствуют формированию новых моделей сексуального поведения в молодежной среде и их ожиданиям в отношении интимной жизни. Современные исследования рассмотренной проблемы в основном сосредоточены на экономических или психологических аспектах, при этом недостаточно внимания уделено культурным и социальным последствиям. Дальнейшие междисциплинарные исследования данной проблемы помогут учитывать влияние вебкам-контента на формирование новых норм и ожиданий в области сексуального поведения в молодежной среде, будут способствовать предотвращению рискованного поведения рассмотренной возрастной категории.

Список источников

1. Позднякова М. Е. Рискованное сексуальное поведение как фактор распространения ВИЧ-инфекции в России. Часть 1 // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 3. С. 99–113. DOI: 10.19181/snsr.2018.6.3.6005
2. Брюно В. В. Рискованное сексуальное поведение современных подростков в России. Часть II // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 1. С. 113–126. DOI: 10.19181/snsr.2019.7.1.6273
3. Ruberg B. How camming made streaming: Retelling the history of live streaming through webcam modeling // J. Brewer, B. Ruberg, A. L. L. Cullen, C. J. Persaud, eds. Real life in real time: Live streaming culture. Cambridge, MA: The MIT Press, 2023. P. 27–40. DOI: 10.7551/mitpress/14526.003.0005
4. Stegeman H. M., Velthuis O., Jokubauskaite E., Powell T. Hypercategorization and hypersexualization: How webcams organize performers and performances // Sexualities. 2023. DOI: 10.1177/13634607231170174
5. Adult entertainment market. Report code A74829 // Allied Market Research. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/press-release/adult-entertainment-market.html> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Токарева Т. А. Вебкам-индустрия и ее влияние на социальные нормы // Молодой ученый. 2024. № 32. С. 110–113.
7. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Прогресс, 1981. 216 с.
8. Фромм Э. Иметь или быть? Психоанализ и религия. Искусство любить: исследование природы любви / пер. с англ. Н. Петренко, О. Иванчук. Киев: Ника-Центр, 1998. 392 с.
9. Соловьев В. С. Криминологические риски цифросексуализма // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 47–56. DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-5
10. Куфлева В. Н., Литовченко А. И. Вебкам-индустрия — новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7. С. 75–81. DOI: 10.24158/per.2022.7.12

11. Cunningham S., Sanders T., Scoular J. et al. Behind the screen: Commercial sex, digital spaces and working online // *Technology in Society*. 2018. Vol. 53. P. 47–54. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.11.004
12. Dominguez-Whitehead Y., Whitehead K. A., Bowman B. Confessing sex in online student communities // *Discourse, Context & Media*. 2017. Vol. 20. P. 20–32. DOI: 10.1016/j.dcm.2017.05.002

References

1. Pozdnyakova M.E. Risky sexual behavior as a factor of HIV infection spread in Russia. Part 1. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2018;6(3):99-113. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6005
2. Bruno V.V. Risky sexual behavior of modern teenagers in Russia. Part II. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociological Science and Social Practice*. 2019;7(1):113-126. (In Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.1.6273
3. Ruberg B. How camming made streaming: Retelling the history of live streaming through webcam modeling. In: Brewer J., Ruberg B., Cullen A.L.L., Persaud C.J., eds. *Real life in real time: Live streaming culture*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2023:27-40. DOI: 10.7551/mitpress/14526.003.0005
4. Stegeman H.M., Velthuis O., Jokubauskaite E., Powell T. Hypercategorization and hypersexualization: How webcams organize performers and performances. *Sexualities*. 2023. DOI: 10.1177/13634607231170174
5. Adult entertainment market. Report code A74829. Allied Market Research. URL: <https://www.alliedmarketresearch.com/press-release/adult-entertainment-market.html> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Tokareva T.A. The webcam industry and its impact on social norms. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2024;(32):110-113. (In Russ.).
7. Marx K. Economic and philosophical manuscripts 1844. Transl. from German. Moscow: Progress; 1981. 216 p. (In Russ.).
8. Fromm E.S. To have or to be? New York, NY: Harper & Row Publishers; 1976. 215 p. Fromm E.S. *Psychoanalysis and religion*. New Haven, CT: Yale University Press; 1950. 119 p. Fromm E.S. *The art of loving*. New York, NY: Harper & Row Publishers; 1956. 133 p. (Russ. ed.: Fromm E. Imet' ili byt'? Psikhoanaliz i religiya. Iskustvo lyubit': issledovanie prirody lyubvi. Kiev: Nika-Center; 1998. 392 p.).
9. Solovyev V.S. Criminological risks of digisexuality. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020;(3):47-56. (In Russ.). DOI: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-47-5
10. Kufleva V.N., Litovchenko A.I. The webcam industry — a new threat to public morality. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*. 2022;(7): 75-81. (In Russ.). DOI: 10.24158/pep.2022.7.12
11. Cunningham S., Sanders T., Scoular J., et al. Behind the screen: Commercial sex, digital spaces and working online. *Technology in Society*. 2018;53:47-54. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.11.004
12. Dominguez-Whitehead Y., Whitehead K.A., Bowman B. Confessing sex in online student communities. *Discourse, Context & Media*. 2017;20:20-32. DOI: 10.1016/j.dcm.2017.05.002

Информация об авторе

И. В. Ангарская — научный сотрудник сектора социологии девиантного поведения; 117218, Москва, Кржижановского ул., д. 24/35, корп. 5.

Information about the author

I. V. Angarskaya — researcher of the Sector of Sociology of Deviant Behavior; 24/35 Krzhizhanovskogo st., bldg. 5, Moscow 117218, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 10.10.2024; одобрена после рецензирования 12.11.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 10.10.2024; approved after reviewing 12.11.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 001.89

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-509-517

Особенности и основные формы организации, участия молодежи в научной деятельности в современной России

Вера Александровна Федотова

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, fedotova888@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0412-0408>

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей и основных форм организации, а также участия молодежи в научной деятельности в современной России. Цель — выявление ключевых аспектов, способствующих активному вовлечению молодых людей в исследовательскую деятельность. Автор предлагает структурированный подход к научным разработкам в университетах и исследовательских институтах. Обсуждается необходимость комплексного подхода, включающего в себя обеспечение инфраструктуры, поддержку на уровне учебных заведений и государства, развитие наставничества и доступ к информационным ресурсам. Особое внимание, по мнению автора, следует уделить разработке образовательных программ, интегрирующих академические и практические аспекты научной работы, внедрению инновационных форм обучения, таких как научный диспут. Кроме того, рассмотрены меры по стимулированию участия студентов в научных исследованиях через доступ к научным библиотекам и удобному программному обеспечению для анализа данных. Основные выводы исследования говорят о важности систематического обновления информационной базы и активизации участия молодежи в научных мероприятиях, что способствует более целенаправленному распределению ресурсов и усилий.

Ключевые слова: молодежь, научная деятельность, научно-исследовательская работа, поддержка молодых ученых, наставничество

Для цитирования: Федотова В. А. Особенности и основные формы организации, участия молодежи в научной деятельности в современной России // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 509–517. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-509-517>

Original article

Features and organizational forms of youth participation in scientific activity in modern Russia

Vera A. Fedotova

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,

St. Petersburg, Russia, fedotova888@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0412-0408>

Abstract. The article is focused on the study of the features and main organizational forms of youth participation in scientific activity in modern Russia. The study aims to identify key factors driving young people's engagement in research activities. The author proposes a structured approach to research and development at universities and research institutes. The article highlights the importance of an integrated approach, involving the provision of infrastructure, support by educational institutions and the state, mentorship, and access to information resources. Special emphasis is placed on developing educational programs that

integrate academic and practical elements and introducing innovative learning methods such as scientific debate. In addition, the article discusses measures to promote student involvement in research, including access to scientific libraries and data analysis tools. The main findings of the study indicate the importance of continuous updating the information base and greater youth participation in scientific events, contributing to a more efficient distribution of resources and efforts.

Keywords: youth, scientific activity, research work, support of young scientists, mentorship

For citation: Fedotova V.A. Features and organizational forms of youth participation in scientific activity in modern Russia. *Sociology and Law*. 2024;16(4):509-517. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-509-517>

Введение

В современной России активизация участия молодежи в научной деятельности играет ключевую роль в формировании конкурентоспособности национальной экономики. Профессиональные и исследовательские навыки молодых специалистов становятся решающим фактором на рынке труда, на котором требования к квалификации постоянно возрастают. Исследования показывают, что сочетание профессиональных компетенций и способности к научному поиску способствует повышению эффективности работы предприятий и организаций.

Основные формы организации и участия молодежи в научной деятельности включают в себя участие в научных конференциях, семинарах, грантовых курсах, а также разработку собственных проектов, исследований. Важную роль играют университеты и научные центры, которые предоставляют студентам и аспирантам доступ к лабораториям, библиотекам и исследовательским ресурсам. Это обеспечивает молодым ученым необходимую поддержку в развитии их научных проектов и исследований. Кроме того, государство и частный сектор в России предпринимают шаги для стимулирования научной деятельности молодежи. Программа грантов и стипендий, поддерживающая молодых исследователей в продвижении инновационных проектов и развитии научных исследований, имеет большое значение в стимулировании интереса молодежи к занятию наукой. Такие программы предоставляют финансовые ресурсы, необходимые для проведения исследований, а также создают дополнительную мотивацию в виде возможности публикации результатов в авторитетных изданиях и представления их на престижных научных мероприятиях [1].

Современные профессиональные стандарты, отражающие требования к высокому уровню исследовательских навыков, стимулируют учебные заведения к активному внедрению научно-исследовательской работы в программы обучения студентов. Это позволяет молодым людям с ранних этапов обучения приобретать необходимые компетенции для успешной карьеры в сфере науки и исследований.

В современной России активно обсуждается и реализуется ряд программ, направленных на поддержку и развитие научной деятельности среди молодежи. Одним из ярких примеров таких инициатив служит программа «Приоритеты 2030», которая, по словам вице-премьера Российской Федерации (РФ) Д. Чернышенко, прогнозирует значительное увеличение численности молодых ученых и магистрантов к 2030 г. Это свидетельствует о важности и актуальности указанных программ для стимулирования научной активности среди студентов и аспирантов.

Программа «Приоритеты 2030» также подразумевает значительную поддержку региональных университетов, что должно способствовать сбалансированному

развитию научных школ в стране и укреплению научного потенциала РФ. Это создает предпосылки для формирования нового поколения ученых, способных внести значительный вклад в развитие науки и инноваций [2].

Специфика научной деятельности молодежи в России заключается в разнообразии форм участия и организационных моделей. Все больше вузов внедряют активные методы обучения, в том числе научные диспуты, кейс-методы и проектно-ориентированное обучение, что позволяет студентам не только глубже погружаться в изучаемые дисциплины, но и развивать креативное мышление, коммуникативные навыки и умение работать в команде.

Кроме того, значимым аспектом в подготовке молодых ученых является психологическая поддержка, направленная на формирование уверенности в своих силах и способности преодолевать научные и профессиональные вызовы. Участие в научных конференциях и семинарах, а также возможность публикации своих работ в научных журналах способствуют профессиональному росту и научному сотрудничеству. В последние несколько лет все чаще в рамках системы высшего образования появляется такая должность, как штатный психолог, в функциональные обязанности которого входит предупреждение, выявление и устранение девиантных форм поведения среди студенческой молодежи. Однако наблюдается необходимость в выявлении и работе с талантливой молодежью в рамках оказания им психологической поддержки с целью развития профессионального, научно ориентированного становления. Таким образом, мы видим риски в том, что, с одной стороны, наблюдается пассивная роль студенческой молодежи в процессах управления в системе высшего образования, с другой — отсутствие действенных механизмов выявления и учета запросов талантливой молодежи при проектировании образовательных программ, формальных механизмов раннего и эффективного поиска, сопровождения и обучения научно ориентированной, талантливой студенческой молодежи в системе высшего образования. Следовательно, требуют уточнения и усовершенствования механизмы вовлечения молодежи в научную деятельность.

Теория

Научная деятельность молодых ученых в России организована на разных уровнях образования, она начинается со школьного периода и продолжается в процессе получения степеней бакалавра, магистра, аспиранта в высших учебных заведениях. При этом, если речь идет о раннем выявлении и развитии одаренной, талантливой, научно ориентированной молодежи, то важно учитывать исследования и детско-родительских отношений, поскольку совокупное мнение родителей может выступить как отражение потребностей детей [3]. В процессе обучения в системе высшего образования студенты активно вовлечены в научно-исследовательскую работу (НИОКР), что позволяет им не только углублять знания в выбранных областях, но и приобретать ценные навыки проведения исследований и разработок [4].

Рассмотрение темы организации и участия молодежи в науке позволяет выявить основные проблемы и перспективы в этой области. Исследования таких авторов, как Е. И. Файнберг [1], А. А. Зуев, А. А. Осмоловская [5], И. Е. Ильина [6] и др., подтверждают значимость интеграции молодых ученых в активные научные процессы и создание условий для их развития. Е. И. Файнберг в своей работе акцентирует внимание на необходимости усиления конкурентоспособности РФ через вовлечение молодежи в предпринимательство и волонтерство, в том числе в научной сфере.

А. А. Зуев, М. В. Комарова рассматривают в своих исследованиях программу грантов и стипендий, что активно поддерживает молодых ученых в их стремлении внедрять инновационные идеи и разрабатывать значимые научные проекты. Эта инициатива, по мнению упомянутых авторов, нацелена на стимулирование развития новаторских исследований и предоставление необходимых ресурсов для талантливых исследователей, стремящихся к научным открытиям.

В работах А. А. Бесчасной отражены аспекты научной деятельности как инструмент профессиональной социализации [7]. По мнению авторов, если студенты участвуют в научно-исследовательской деятельности, они осваивают не только новые знания и творческие подходы к решению проблемных ситуаций, но и изучают изменения в профессиональной сфере [8].

В работах С. В. Алиевой и Р. А. Мардахаева [9], а также А. С. Калинина и Е. Ю. Воронкина [10] сделан акцент на роли наставничества и разработке платформ для научно-методических мероприятий как элементов, способствующих углублению профессиональных компетенций и научного сотрудничества. Таким образом, анализируя представленные исследования, можно заключить, что в России существует ряд инициатив и методологий, направленных на укрепление научной деятельности молодежи. Однако для достижения более значимых результатов необходима дальнейшая работа по интеграции лучших практик и расширению поддержки на всех уровнях государственной и образовательной политики.

Преподаватели выполняют особую роль в этом процессе, поскольку именно они могут вдохновить студентов на занятие наукой, помочь им найти интересные направления исследований и поддержать на всех этапах научной работы. Эффективное наставничество и создание благоприятной исследовательской культуры в вузах служат ключевыми элементами в формировании нового поколения ученых, способных к продуктивной научной деятельности [5].

Исследовательская работа молодых ученых зависит от сотрудничества различных учреждений, включая университеты, научно-исследовательские центры и коммерческие организации. Эти институты обеспечивают необходимую инфраструктуру и оказывают поддержку, что критически важно для проведения научных работ. М. Н. Степанова и Н. В. Кузнецова утверждают, что активное участие студентов в научной деятельности способствует их профессиональному росту и развитию научной сферы в целом [6].

Современная научная деятельность в России характеризуется высокими требованиями к молодым ученым, включая не только наличие глубоких знаний, но и способность к эффективной командной работе с опытными научными руководителями и практикующими специалистами. В этом контексте профессиональные кафедры и специализированные научные отделения имеют огромное значение, предоставляя методическую поддержку и ресурсы, необходимые для успешного проведения исследований. Благодаря этим структурам, студенты имеют доступ к передовому оборудованию, актуальным научным публикациям и широким возможностям для обмена знаниями и опытом, что существенно способствует развитию их научного потенциала.

Е. Г. Гиндес, И. А. Троян, Л. А. Кравченко пишут о необходимости внесения изменений в законодательные и нормативные документы РФ. Они указывают на отсутствие единой концептуально-правовой базы в области наставничества, что затрудняет процесс его организации и реализации на уровне высших учебных заведений. Исследователи акцентируют внимание на том, что, несмотря на наличие закона о труде, который регламентирует оплату профориентационной деятельности, наставничество все-таки не имеет четкого статуса в рамках трудово-

го договора. Это приводит к тому, что функции наставника часто выполняются как дополнительная нагрузка без соответствующего вознаграждения и признания.

Для решения этих проблем Гиндес и его коллеги предлагают разработать и внедрить комплексные образовательные программы, которые бы интегрировали научные и практические аспекты работы наставников. Они считают, что важно не только обеспечить нужную инфраструктуру и систематическую поддержку со стороны учебных заведений и государства, но и стимулировать интерес молодежи к науке через инновационные формы обучения, например научный диспут. Кроме того, авторы указывают на значимость систематического обновления информационной базы и активизации участия студентов в научных исследованиях. Они предлагают создание программ наставничества, которые бы включали в себя доступ к современным информационным ресурсам и возможности для развития профессиональных навыков [7].

Система наставничества, в которой опытные ученые берут на себя роль наставников, играет ключевую роль в развитии профессиональных умений студентов. Наставничество мотивирует молодежь к проведению собственных исследований и экспериментов. В результате это приводит к улучшению качества научных работ и формированию нового поколения ученых, которые будут готовы принимать вызовы, связанные с решением сложных и объемных научных задач [11].

Л. А. Закляпина, А. А. Рясов и Н. А. Уваров в своей научной работе акцентировали внимание на использовании активного метода обучения, такого как «научный стендап», и методического приема «шеринг» в процессе преподавания теоретических дисциплин [12]. Эти подходы, по мнению авторов, способствуют не только улучшению усвоения материала, но и развитию коммуникативных навыков и креативности студентов, что является необходимым элементом в их профессиональном становлении и научной деятельности.

Кроме того, одной из современных форм научного познания, отражающей новые возможности для вовлечения молодежи в науку и участия в научных исследованиях широкой общественности, служит развитие гражданской науки [13]. Современные образовательные стратегии ставят во главу угла активное взаимодействие студентов с научным материалом. Такие методы, как игровое обучение, использование кейсов и творческих заданий в рамках учебных проектов, позволяют не только глубже изучать теоретические аспекты, но и приобретать практические навыки и опыт, которые будут способствовать успешной научной и профессиональной деятельности в будущем.

Особое внимание в работе авторов уделено и психологической подготовке студентов к научной деятельности. Они пишут о том, что успешное вовлечение в научные исследования требует не только фундаментальной теоретической подготовки, но и развития уверенности в своих силах, умения работать в команде и преодолевать возникающие трудности. Эти аспекты, по мнению ученых, должны быть интегрированы в процесс обучения через методы активного и интерактивного обучения [13].

Результаты и обсуждение

Эффективность научно-исследовательской работы напрямую зависит от наличия ряда процессов и алгоритмов. В университетах и научных центрах разрабатывают и внедряют структурированные методы исследований, что обеспечивает студентам и аспирантам возможность систематически подходить к научной работе. Это включает в себя выбор темы, планирование экспериментов, сбор и анализ данных, что позволяет молодым ученым осуществлять исследования

на высоком уровне, обеспечивая тем самым качественный и научно значимый результат [14].

Второй значимый аспект — доступ к ресурсам и инфраструктуре. Современные лаборатории, оснащенные передовыми компьютерами и офисной техникой, играют ключевую роль в проведении научных исследований [15].

Практическая компонента считается ключевой в обучении научным дисциплинам. Студенты и аспиранты активно вовлечены в реализацию реальных проектов, что дает им возможность применения полученных теоретических знаний в практической деятельности. Сотрудничество с промышленными предприятиями и научно-исследовательскими центрами предоставляет молодым специалистам бесценный опыт и способствует налаживанию профессиональных контактов.

Участие в международных исследовательских проектах и взаимодействие с ведущими зарубежными учеными углубляет профессиональную компетентность молодых исследователей. Это не только помогает расширить их научные горизонты, но и стимулирует активный обмен знаниями, идеями и передовыми методиками в различных областях научных изысканий. Такие практико-ориентированные подходы и международное сотрудничество играют особую роль в подготовке квалифицированных и конкурентоспособных молодых ученых, способных вносить значимый вклад в развитие науки [16].

Одним из ключевых моментов является систематизация информации о научных мероприятиях. Эту информацию собирают на всех уровнях, от кафедр до общей базы данных вуза. Классификация и систематизация научных событий по профильным направлениям способствует более эффективному планированию деятельности студентов, а также целенаправленному распределению ресурсов и усилий [17].

Студенты должны иметь возможность участвовать в значимых научных инициативах, выполнять курсовые и дипломные работы под руководством квалифицированных научных наставников, а также организовывать и проводить студенческие научные конференции и семинары. Главный акцент сделан не только на освоении теоретических основ, но и на развитии практических навыков проведения исследований, анализа данных и формулирования обоснованных научных выводов.

На уровне кафедр следует проводить работу по созданию четких алгоритмов для студентов, включая определение перспективных научных направлений, таких как управление человеческими ресурсами. Эти процедуры направлены на оказание помощи учащимся в структурировании процесса: от зарождения идеи до подачи заявки на получение патента. Регулярная подготовка студентов способствует эффективной трансляции научных знаний и углублению профессиональной специализации [9].

По нашему мнению, процесс вовлечения студентов в научное творчество должен начинаться с ранних этапов обучения и постепенно углубляться. Главное, чтобы уже на первом курсе студенты начинали приобщаться к научной деятельности. Необходимо обеспечивать не только участие в научных конференциях и семинарах, но и поддерживать неформальное общение в рамках научных клубов. Обучение в рамках культурного образования, наряду с внеклассной деятельностью, позволяет студентам приобретать и развивать знания, навыки и умения, которые они могут применять на практике и демонстрировать на практических курсах и семинарах. Внеклассные мероприятия, например научные клубы, могут предоставить учащимся возможность лучше понять себя и выразить свое мнение. Внедрение современных технологий способствует стимулированию интереса и активности студентов в научной сфере.

Выводы

В результате проведенного исследования нами выявлена необходимость структурированного подхода к научным разработкам в университетах и исследовательских институтах. Основные выводы указывают на важность систематического обновления информационной базы и активизации участия молодежи в научных мероприятиях. Предложенные меры, такие как обеспечение доступа к научным библиотекам и современному программному обеспечению для анализа данных, а также развитие образовательных программ, интегрирующих академические и практические аспекты, способствуют более целенаправленному распределению ресурсов и усилий. Внедрение инновационных форм обучения, в частности научного диспута, и поддержка на уровне учебных заведений, государства играют ключевую роль в развитии научной деятельности. Таким образом, комплексный подход к развитию научных исследований, включающий в себя обеспечение инфраструктуры, наставничество и доступ к информационным ресурсам, служит основополагающим фактором для успешного вовлечения молодых ученых в научную деятельность и повышения эффективности их работы.

Список источников

1. Файнберг Е. И. Усиление конкурентоспособности Российской Федерации посредством вовлечения молодежи в предпринимательство и волонтерство // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2024. Т. 15. № 1. С. 109–113. DOI: 10.24412/2587-6236-2024-142-109-113
2. В России к 2030 году прогнозируется рост числа молодых ученых // Научная Россия. 2021. 11 августа. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/v-rossii-k-2030-godu-prognoziruet-sa-rost-cisla-molodyh-ucenyh> (дата обращения: 08.06.2024).
3. Бесчасная А. А. Детство и родительство в исследованиях ВЦИОМ // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3. С. 58–61. DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58
4. Ткаченко А. В., Пехова В. А., Маковкина Д. В. Роль научных исследований в формировании профессиональных компетенций // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 1. С. 163–166.
5. Зуев А. А., Осмоловская А. А., Внутских А. Ю. Формы поддержки молодых ученых в Российской Федерации // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018. № 1. С. 240–250.
6. Ильина И. Е., Жарова Е. Н., Королева Н. Н. Поддержка молодых исследователей: зарубежные практики и возможность их применения в России // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 3. С. 352–376. DOI: 10.15507/1991-9468.100.024.202003.352-376
7. Бесчасная А. А., Фортунатов В. В. Анализ вакансий кадровых интернет-агентств как инструмент настройки профессиональной подготовки // Актуальные вопросы защиты интеллектуальной собственности и таможенного дела: сб. докладов конф. и форума-фестиваля (Санкт-Петербург, 21–26 марта 2023 г.) / под общ. ред. А. Г. Гетман. СПб.: Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2023. С. 77–80.
8. Бесчасная А. А., Федотова В. А. Научная работа студентов как инструмент профессиональной социализации // Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала: материалы V Всерос. мультимедийной науч.-практ. конф. (Хабаровск, 1–14 марта 2023 г.) / под ред. М. В. Надоружной, Ю. А. Тюриной. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2023. С. 91–95.
9. Алиева С. В., Мардахаев Р. А. Роль наставничества в профессиональном становлении молодого специалиста // Вестник экспертного совета. 2021. № 3. С. 17–23.
10. Калинин А. С., Воронкин Е. Ю. Разработка информационной платформы для организации научно-методических мероприятий // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2020. Т. 7. № 1. С. 154–161. DOI: 10.33764/2618-981X-2020-7-1-154-161

11. Норова Ш. У., Хазратова К. Н. Роль образования в подготовке квалифицированных специалистов // *Academy*. 2021. № 2. С. 65–67.
12. Закаляпина Л. А., Рясов А. А., Уваров Н. А. Использование активного метода обучения «научный стендап» и методического приема «шеринг» в преподавании теоретических дисциплин // *Kant*. 2018. № 3. С. 46–50.
13. Василенко Н. В., Кузьмина К. А., Федотова В. А. Гражданская наука: институциональные основы и тенденции развития в России. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2023. 230 с.
14. Балер М. А. Молодые ученые: потенциал, проблемы, перспективы // *Технологии гражданской безопасности*. 2021. Т. 18. № 3. С. 171–184. DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.S.24.171
15. Гиндес Е. Г., Троян И. А., Кравченко Л. А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32. № 8-9. С. 110–129. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129
16. Ахметова А. Т. Наставничество в вузе как ориентир в будущей профессии // *E-Scio*. 2021. № 3. С. 167–171.
17. Васильева Е. Е., Комарова М. В. Особенности организации научного творчества студенческой молодежи в высших учебных заведениях // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2017. № 2. С. 189–198.

References

1. Fainberg E.I. Strengthening the competitiveness of the Russian Federation through engaging youth in entrepreneurship and volunteering. *Vestnik Universiteta mirovykh tsivilizatsii*. 2024;15(1):109-113. (In Russ.). DOI: 10.24412/2587-6236-2024-142-109-113
2. The number of young scientists in Russia is predicted to increase by 2030. Scientific Russia. Aug. 11, 2021. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/v-rossii-k-2030-godu-prognoziruet-sa-rost-cisla-molodyh-ucenyh> (accessed on 08.06.2024). (In Russ.).
3. Beschasnaya A.A. Childhood and parenthood in the research of WCIOM. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2021;(3):58-61. (In Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2021_3_58
4. Tkachenko A.V., Pekhova V.A., Makovkina D.V. The role of the scientific research in the formation of the professional competences. *Zhurnal nauchnykh statei Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*. 2017;19(1):163-166. (In Russ.).
5. Zuev A.A., Osmolovskaya A.A., Vnutskih A.Yu. Forms of support for young scientists in the Russian Federation. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki: teoriya i praktika = Social Sciences and Humanities: Theory and Practice*. 2018;(1):240-250. (In Russ.).
6. Ilina I.E., Zharova E.N., Koroleva N.N. Support for young researchers: Foreign practices and the possibility of their application in Russia. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2020;24(3):352-376. (In Russ.). DOI: 10.15507/1991-9468.100.024.202003.352-376
7. Beschasnaya A.A., Fortunatov V.V. Analysis of vacancies of online recruitment agencies as a tool for adjusting professional training. In: Getman A.G., ed. Current issues of intellectual property protection and customs matters. Proc. conf. and forum-festival (St. Petersburg, March 21-26, 2023). St. Petersburg: North-West Institute of Management — branch of RANEPa; 2023:77-80. (In Russ.).
8. Beschasnaya A.A., Fedotova V.A. Students' scientific work as a tool for professional socialization. In: Nadorozhnaya M.V., Tyurina Yu.A., eds. Social and pedagogical technologies in the socialization of future professionals. Proc. 5th Multiformat sci.-pract. conf. (Khabarovsk, March 1-14, 2023). Khabarovsk: Far Eastern State Transport University; 2023:91-95. (In Russ.).
9. Aliyeva S., Mardakhaev R. The role of mentoring in the professional development of a young specialist. *Vestnik ekspertnogo soveta*. 2021;(3):17-23. (In Russ.).
10. Kalinin A.S., Voronkin E.Yu. Development of an information platform for organizing scientific and methodological events. *Interesko Geo-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*. 2020;7(1):154-161. (In Russ.). DOI: 10.33764/2618-981X-2020-7-1-154-161

11. Norova Sh.U., Khazratova K.N. The role of education in training qualified specialists. *Academy*. 2021;(2):65-67. (In Russ.).
12. Zakalyapina L.A., Rysov A.A., Uvarov N.A. The use of the active method of teaching “scientific stand up” and methodical technique “sharing” in the teaching of theoretical disciplines. *Kant*. 2018;(3):46-50. (In Russ.).
13. Vasilenko N.V., Kuz'mina K.A., Fedotova V.A. Citizen science: Institutional foundations and development trends in Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics; 2023. 230 p. (In Russ.).
14. Baler M. Young scientists: Potential, problems, prospects. *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti = Civil Security Technology*. 2021;18(S):171-184. (In Russ.). DOI: 10.54234/CST.19968493.2021.18.S.24.171
15. Gindes E.G., Troyan I.A., Kravchenko L.A. Mentorship in higher education: A concept, a model and development prospects. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(8-9):110-129. (In Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129
16. Akhmetova A.T. Mentoring at the university as a guide to the future profession. *E-Scio*. 2021;(3):167-171. (In Russ.).
17. Vasilyeva E.E., Komarova M.V. Peculiarities of organization of scientific work of students in higher educational institutions. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2017;(2):189-199. (In Russ.).

Информация об авторе

В. А. Федотова — младший научный сотрудник Института управления и информационных технологий, аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

V. A. Fedotova — junior researcher of the Institute of Management and Information Technologies, postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.06.2024; одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 21.06.2024; approved after reviewing 25.07.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 316.346.32

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-518-530

О деятельности деструктивных молодежных движений

Антон Константинович Яковенко

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, berserker86@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3573-1273>

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ феномена молодежных движений, их роли в социальных процессах и влияния на развитие общества. На основе исторического и сравнительного анализа выявлены ключевые факторы, определяющие характер и направленность молодежных движений, а также специфика их проявления в России на современном этапе. Особое внимание уделено изучению деструктивных молодежных движений, в частности феномена «Колумбайн»*, его причин, механизмов распространения и мер противодействия. Предложены практические рекомендации по совершенствованию государственной молодежной политики и системы профилактики деструктивных явлений в молодежной среде. Статья адресована широкому кругу читателей, включая ученых, специалистов по работе с молодежью, педагогов, психологов, представителей власти и общественности.

Ключевые слова: молодежь, молодежные движения, социализация, самореализация, деструктивное поведение, «Колумбайн»*, насилие, профилактика, интернет, социальные сети, ценности, идентичность, государственная молодежная политика, образование, воспитание, семья, общество

Для цитирования: Яковенко А. К. О деятельности деструктивных молодежных движений // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 518–530. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-518-530>

Original article

On the activities of destructive youth movements

Anton K. Yakovenko

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,

St. Petersburg, Russia, berserker86@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3573-1273>

Abstract. This article offers a comprehensive analysis of youth movements, focusing on their role in social processes and their influence on societal development. Based on historical and comparative analysis, the study identifies key factors shaping the nature and trajectory of youth movements, with particular attention to their manifestations in contemporary Russia. Special attention is paid to destructive youth movements, in particular the Columbine* phenomenon, exploring its causes, mechanisms of spread, and countermeasures. The article provides practical recommendations for improving the state youth policy and the system of preventing destructive behaviors among young people. The article is addressed to a broad audience, including scientists, youth workers, teachers, psychologists, government officials, and the public.

Keywords: youth, youth movements, socialization, self-actualization, destructive behavior, Columbine*, violence, prevention, Internet, social networks, values, identity, state youth policy, education, upbringing, family, society

For citation: Yakovenko A.K. On the activities of destructive youth movements. *Sociology and Law*. 2024;16(4):518-530. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-518-530>

Введение

Сегодня молодежь является объектом внимания и изучения среди социологов не просто в качестве социально-демографической группы, но и как будущее общества, его инновационный потенциал и движущая сила развития. Именно молодое поколение определяет вектор социальных, экономических, политических и культурных изменений, что обуславливает повышенный интерес исследователей из различных областей знания, таких как социология, психология, культурология, политология и др., к изучению молодежи, ее ценностей, установок, образа жизни и социальной активности [1]. Особое внимание в научном дискурсе уделено молодежным движениям, которые, с одной стороны, выступают ярким индикатором социальных тенденций, отражая настроения и устремления молодого поколения, с другой — становятся активной движущей силой развития, катализатором изменений, а также проявлений негативных сторон жизни молодежи и деструктивной активности.

В условиях глобализации и цифровизации роль молодежных движений приобретает еще большую значимость, поскольку они активно используют новые технологии и социальные сети для распространения своих идей, мобилизации сторонников, организации акций и протестов. Благодаря возможностям цифровой коммуникации и сетевого взаимодействия, воздействие молодежных движений на общество становится более масштабным и всеобъемлющим, а их потенциал, как конструктивный, так и деструктивный, многократно усиливается. Это ставит перед исследователями новые задачи по изучению трансформации молодежных движений в цифровую эпоху, их адаптации к новым условиям и влияния на социальные процессы.

Изучение молодежных движений позволяет глубже понять процессы социализации молодежи, механизмы формирования их идентичности, мировоззрения и ценностных ориентаций. Эти знания имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку они необходимы для выработки эффективных стратегий государственной молодежной политики, направленной на создание условий для гармоничного развития личности молодого человека, его успешной социализации и самореализации, а также для профилактики рискованного и девиантного поведения. Понимание мотивов, потребностей и устремлений молодежи, вовлеченной в различные движения, позволяет находить адекватные способы взаимодействия с ними, предотвращать негативные последствия и использовать позитивный потенциал молодежной активности для развития общества.

Участие молодежи в движениях — естественное явление, продиктованное возрастными особенностями и потребностями [2]. Это неотъемлемая часть процесса социализации, проявляющаяся в стремлении молодых людей найти единомышленников, разделяющих их взгляды и интересы; в потребности принадлежать к референтной группе и ощущать сопричастность к общей деятельности и жизни общества в целом. Молодежные движения предоставляют платформу для самовыражения, самоутверждения и самореализации молодых людей, позволяют им почувствовать себя частью чего-то большего и значимого, обрести смысл и цель в жизни. Поэтому при изучении молодежных движений нужно учитывать не только социальный контекст, но и психологические особенности молодежи, ее внутренние мотивы и потребности.

Теория

Понятие «молодежное движение» является многогранным, и исследователи интерпретируют его с различных позиций [3]. В историческом контексте можно выделить несколько этапов в изучении данного феномена, каждый из которых

характеризуется особенностями и научными подходами. В начале XX в. социологи сосредоточились преимущественно на изучении криминальных молодежных группировок [4]. Этот интерес обусловлен ростом молодежной преступности в США, вызванным рядом факторов, таких как миграционные процессы, урбанизация и социально-экономические проблемы. Молодежные банды представляли значительную угрозу общественному порядку, что побуждало исследователей к поиску причин их возникновения, изучению структуры и способов функционирования с целью разработки эффективных мер противодействия.

В 60-е гг. XX в. фокус исследований сместился в направлении протестной активности молодежи и ее стремления к символическому сопротивлению против своего классового происхождения [4]. Этот период характеризовался студенческими волнениями, антимилитаристскими движениями и борьбой за гражданские права. Молодежь стала восприниматься как носитель новых идей и ценностей, стремящийся к изменению устаревших социальных институтов и норм. Исследователи сосредоточились на изучении мотивов и форм молодежного протеста, его роли в социальных трансформациях.

В конце XX — начале XXI в. основное внимание уделяют изучению разнообразия культурных идентичностей и необязательности участия в сообществах, в которых доминирует потребительство [4]. Глобализация, развитие информационных технологий и рост потребления привели к тому, что молодежные движения стали более разнообразными, гибкими и менее формализованными. На смену жестким идеологическим рамкам пришли более свободные формы самовыражения, построенные на личных интересах, хобби и стиле жизни. Исследователи сосредоточились на изучении новых форм молодежной активности, таких как онлайн-сообщества, флешмобы, субкультуры.

Несмотря на разнообразие исследовательских подходов, можно выделить несколько общих характеристик, присущих большинству молодежных движений. Во-первых, это общность молодых людей, объединенных общими интересами, ценностями и целями [5, с. 89]. Эта общность может базироваться на увлечении музыкой, спортом, компьютерными играми, защите окружающей среды, политических взглядах и др. Именно общность интересов создает основу коммуникации, взаимодействия и формирования групповой идентичности, что служит ключевым фактором в развитии и функционировании молодежных движений.

Во-вторых, у молодежных движений обычно существуют лидеры, авторитетные фигуры, которые оказывают значительное влияние на формирование идеологии и стратегии движения [6, с. 229]. Лидеры могут быть как формальными, избранными или назначенными, так и неформальными, выделяющимися благодаря личным качествам, харизме и авторитету. Они играют ключевую роль в мобилизации сторонников, организации деятельности движения и представлении его интересов во внешнем мире. Исследование лидерства в молодежных движениях позволяет понять механизмы их функционирования и развития.

В-третьих, большинство молодежных движений характеризуется определенной степенью организованности, которая может проявляться в разных формах [6, с. 229]. Это могут быть как формальные структуры с уставом, программой, распределением ролей и ответственности, так и более свободные формы организации, построенные на горизонтальных связях и сетевом взаимодействии. Степень организованности зависит от целей, задач, масштаба движения, а также от социально-политического контекста, в котором оно существует. Изучение организационных форм молодежных движений позволяет понять их потенциал и ограничения.

В-четвертых, важной характеристикой молодежных движений являются их динамичность и изменчивость [4]. Они возникают, развиваются, трансформируются, теряют актуальность и исчезают в зависимости от социально-политической ситуации, культурных тенденций и иных факторов. Например, некоторые молодежные движения зарождаются в ответ на конкретные события (войны, экономические кризисы, природные катастрофы) и теряют актуальность после их завершения. Другие движения более долговечны и способны адаптироваться к изменяющимся условиям, трансформируя свои цели, формы и методы деятельности. Изучение динамики молодежных движений позволяет понять их роль в социальных изменениях и прогнозировать их развитие.

Ученые выделяют молодежь как отдельную социальную группу, которая ввиду возрастной специфики имеет отличительные черты и закономерности в поведении [7]. Молодые люди обладают большей энергией, энтузиазмом, стремлением к изменениям и инновациям. Они более открыты новому опыту, склонны к риску и экспериментам, что делает их значимым ресурсом для развития общества. Вместе с тем неокрепшая психика и недостаточный жизненный опыт делают молодежь более уязвимой к внешним воздействиям, манипуляциям и рискованному поведению. Молодые люди часто стремятся к самоутверждению, признанию и принадлежности к группе, что может приводить к их вовлечению в деструктивные движения и сообщества. Понимание возрастных особенностей молодежи видится важным для изучения молодежных движений и разработки адекватных стратегий взаимодействия с ними.

В этом контексте возникает вопрос о том, как определить понятие «молодежное движение». Одни исследователи считают, что любые формы молодежной активности можно отнести к этому понятию. Другие делают акцент на наличии определенной организованности, структуры и идеологии. В настоящей статье будем придерживаться следующего определения: молодежное движение — это объединение молодых людей, связанных общими интересами, целями и ценностями, характеризующееся определенной организованностью и направленностью на достижение конкретных результатов [2]. Такое определение позволяет отграничить молодежные движения от остальных форм молодежной активности, таких как молодежные субкультуры или спонтанные молодежные объединения. Оно указывает на наличие общих интересов и ценностей как основы для объединения, организованный характер деятельности и ориентацию на достижение целей.

Молодежные движения играют важную роль в жизни общества, выполняя ряд значимых функций. Во-первых, они способствуют развитию гражданской активности и формированию социальной ответственности у молодежи. Участие в движениях позволяет молодым людям приобретать опыт общественной деятельности, учиться отстаивать свои интересы, взаимодействовать с другими людьми и организациями. Во-вторых, молодежные движения предоставляют возможности для реализации творческого потенциала, развития талантов и способностей среди молодых. Многие движения связаны с различными видами искусства, спорта, науки, что позволяет молодым людям раскрывать и совершенствовать свои таланты. В-третьих, молодежные движения могут выступать как инструмент социальных изменений, привлекая внимание к актуальным проблемам и предлагая пути их решения. Они могут влиять на общественное мнение, политические решения, стимулировать диалог между различными социальными группами.

Однако молодежные движения также могут нести в себе риски и опасности, особенно если их деятельность направлена на разрушение общественных ценностей, пропаганду насилия и нетерпимости. Некоторые движения могут способствовать радикализации молодежи, вовлекать их в экстремистские и криминаль-

ные группировки. Другие могут способствовать распространению ложных идей, стереотипов, предрассудков, манипулировать сознанием молодых людей. Поэтому изучение молодежных движений должно включать в себя анализ не только их позитивного потенциала, но и возможных негативных последствий.

Молодежные движения деструктивного толка представляют собой существенную угрозу для общества, поскольку их деятельность направлена на разрушение общественных норм, ценностей и устоев [2]. Они пропагандируют насилие, нетерпимость, экстремизм, формируют у молодежи деструктивные установки и модели поведения, что может приводить к совершению преступлений, террористических актов и массовым беспорядкам. Деструктивные молодежные движения несут в себе значительный разрушительный потенциал, поскольку они не только нарушают стабильность и безопасность общества, но и оказывают негативное влияние на формирование личности молодых людей, искажая их ценностные ориентиры и жизненные перспективы.

В социологии деструктивные молодежные движения рассматривают как проявление социальной девиации, то есть отклонения от общепринятых норм и правил поведения [7]. Такое отклонение может быть обусловлено различными факторами: социально-экономическими проблемами, кризисом идентичности, психологическими трудностями, влиянием криминальной субкультуры, пропагандой в средствах массовой информации (СМИ) и др. Социальная девиация в форме деструктивных молодежных движений представляет собой сложный феномен, требующий комплексного анализа с учетом различных социальных, психологических и культурных факторов. Понимание природы и механизмов социальной девиации позволяет разрабатывать эффективные стратегии профилактики и коррекции деструктивного поведения молодежи.

Деструктивные молодежные движения могут проявляться в разных формах: от вандализма и хулиганства до организованной преступности и терроризма [8]. Эти формы отличаются по степени общественной опасности, масштабам и последствиям, но все они несут в себе угрозу для нормального функционирования общества. Вандализм и хулиганство, хотя и являются менее опасными формами, но способствуют формированию атмосферы беспорядка и безнаказанности, снижают уровень общественной безопасности. Организованная преступность и терроризм представляют собой крайние проявления деструктивности, угрожающие основам государства и общества.

Причины возникновения деструктивных молодежных движений многообразны и взаимосвязаны. Они могут быть обусловлены социально-экономическими проблемами, такими как бедность, безработица, социальное неравенство [2]. В условиях экономической нестабильности и ограниченных возможностей молодежь может испытывать чувство фрустрации, безнадежности, несправедливости. Это может толкать их на поиск виновных в их проблемах и приводить к формированию радикальных взглядов, направленных против власти, богатых, представителей других национальностей или социальных групп. Социально-экономическое неблагополучие создает благоприятную почву для распространения экстремистских идей, поскольку они дают простые и понятные объяснения сложным проблемам и предлагают радикальные способы их решения.

Еще одной важной причиной может быть кризис идентичности, характерный для подросткового и юношеского возраста [9, с. 74]. В этот период молодые люди ищут свое место в мире, стремятся к самоопределению, формированию собственной системы ценностей. Они могут экспериментировать с разными ролями, образами, идеями, что может приводить к их вовлечению в деструктивные группы, в которых они находят поддержку и признание. Кризис идентичности дела-

ет молодых людей особенно уязвимыми для влияния радикальных идеологий, которые предлагают простые и четкие ответы на сложные вопросы самоопределения и дают ощущение принадлежности к особой группе «избранных».

Психологические проблемы, в том числе низкая самооценка, трудности в общении, депрессия, также могут способствовать вовлечению молодежи в деструктивные движения [2]. В таких группах они могут найти компенсацию своих проблем, чувство принадлежности, возможность самоутвердиться за счет других. Психологическая уязвимость и неустойчивость личности в сочетании с отсутствием поддержки со стороны семьи и близкого окружения создают предпосылки для вовлечения молодых людей в деструктивные группы, которые обещают решение всех проблем и дают иллюзию силы и значимости.

Влияние криминальной субкультуры — это не менее значимый фактор, способствующий формированию деструктивных молодежных движений [2]. В среде, в которой преступность романтизирована, а криминальные авторитеты пользуются уважением, молодежь может воспринимать насилие и преступления как норму поведения. Пропаганда насилия в СМИ и компьютерных играх также может оказывать негативное влияние на молодежь, формируя у них агрессивные установки и снижая чувствительность к насилию. Криминальная субкультура создает искаженную систему ценностей, в которой насилие, жестокость и пренебрежение законом воспринимают как проявления силы и «крутости», что может привлекать молодых людей, стремящихся к самоутверждению и признанию в своей среде.

Для более глубокого понимания этого явления важно разграничить понятия «субкультура» и «контркультура» [5]. Субкультура — часть общей культуры общества, которая отличается от нее системой ценностей и норм, стилем жизни. Субкультуры могут быть разными: музыкальными, спортивными, художественными, религиозными и др. Они не обязательно несут в себе деструктивный потенциал, и многие из них играют положительную роль в жизни общества, способствуя самовыражению, социализации, развитию творческих способностей [4]. Например, субкультуры, связанные с творчеством (музыкальные группы, художественные объединения), спортом, волонтерством, могут формировать у молодежи позитивные ценности, навыки сотрудничества, социальную ответственность. Субкультуры выполняют важные функции в процессе социализации молодежи, предоставляя возможности для самоидентификации, общения с единомышленниками, реализации своих интересов и способностей.

Контркультура — это форма протеста против доминирующей культуры общества, отрицающая ее ценности и нормы. Она характеризуется стремлением к радикальным изменениям, бунтом против устоявшихся традиций, часто пропагандирует асоциальное поведение и деструктивные идеи. Примеры контркультур — хиппи, панки, анархисты, различные экстремистские группировки. Контркультура выражает неприятие существующего социального порядка и стремится к его разрушению или радикальному преобразованию. В отличие от субкультур, которые могут мирно сосуществовать с доминирующей культурой, контркультуры находятся в состоянии конфликта с ней и активно противопоставляют себя общепринятым нормам и ценностям [10].

Граница между субкультурой и контркультурой не всегда четкая, и некоторые молодежные движения могут сочетать в себе элементы обоих явлений. Например, ряд музыкальных субкультур, изначально возникших как протестные, со временем могут интегрироваться в общество и стать частью массовой культуры. Вместе с тем некоторые субкультуры могут радикализироваться и приобретать черты контркультуры, особенно в условиях социальной нестабильности и обострения

конфликтов. Поэтому при анализе молодежных движений важно учитывать их динамику и трансформацию во времени, социально-культурный контекст, в котором они существуют.

В контексте настоящей работы особый интерес представляют деструктивные молодежные движения, которые могут быть определены как контркультурные, поскольку они противопоставляют себя основным общественным ценностям и пропагандируют деструктивные идеи и модели поведения. Деструктивные контркультуры представляют наибольшую опасность для общества, поскольку они не только отрицают существующий социальный порядок, но и активно стремятся к его разрушению, используя для этого различные средства, от пропаганды до прямого насилия. Они эксплуатируют естественное стремление молодежи к протесту и самоутверждению, направляя его в разрушительное русло.

В современном мире огромную роль в формировании и распространении деструктивных молодежных движений играет интернет [2]. Онлайн-сообщества и социальные сети становятся площадкой для объединения единомышленников, распространения пропаганды, вербовки новых членов. Анонимность и отсутствие границ в интернете способствуют быстрому распространению деструктивных идей, формированию замкнутых групп, в которых усиливается влияние радикальных лидеров. Интернет предоставляет деструктивным движениям беспрецедентные возможности для расширения своего влияния, вербовки новых сторонников и координации своих действий. При этом традиционные механизмы социального контроля и противодействия деструктивным явлениям оказываются малоэффективными в виртуальном пространстве.

Для эффективного противодействия деструктивным молодежным движениям необходимо применять комплексный подход, учитывающий все факторы, способствующие их возникновению и развитию [3]. Это должны быть меры, направленные на решение социально-экономических проблем, поддержку семей, создание условий для самореализации молодежи, формирование у них позитивных ценностных ориентаций, развитие критического мышления, противодействие пропаганде насилия и нетерпимости. Важная роль в профилактике деструктивных явлений отведена институтам социализации: семье, школе, молодежным организациям, которые должны обеспечивать молодым людям возможности для конструктивного самовыражения, развития своих способностей и реализации потенциала.

Кроме того, необходима целенаправленная работа по дискредитации деструктивных идеологий и разоблачению их пропаганды, особенно в интернет-пространстве. Это требует активного участия гражданского общества, экспертного сообщества, СМИ в формировании информационной повестки и продвижении позитивных ценностей. Важно создавать привлекательные альтернативы деструктивным движениям, предлагать молодежи конструктивные модели самореализации и общественного участия.

Таким образом, деструктивные молодежные движения — это вызов для современного общества. Они несут угрозу социальной стабильности, безопасности и развитию, оказывают разрушительное влияние на личность молодого человека. Понимание причин и механизмов формирования деструктивных движений, их типологии и форм проявления видится необходимым условием для разработки эффективных стратегий профилактики и противодействия этому негативному явлению. Только комплексный подход, учитывающий социальные, экономические, психологические и культурные факторы, обеспечит успешное решение этой проблемы и создаст условия для позитивной самореализации молодежи.

Движение «Колумбайн»*, получившее название от трагедии, произошедшей в американской школе «Колумбайн»* в 1999 г., считают одним из самых опасных

и резонансных проявлений деструктивной активности молодежи [9, с. 74]. Это движение представляет собой существенную угрозу для общества, поскольку оно не только пропагандирует насилие и нетерпимость, но и побуждает последователей к совершению массовых убийств в образовательных учреждениях. Изучение этого феномена имеет критическое значение не только для понимания причин и механизмов возникновения подобных трагедий, но и для разработки эффективных стратегий их предотвращения и противодействия распространению деструктивной идеологии в молодежной среде.

«Колумбайн»* — это не просто серия изолированных случаев насилия, а целое движение, обладающее собственной идеологией, символикой, методами вербовки и распространения. Последователи этого движения, называющие себя «колумбайнерами», идентифицируют себя с убийцами Эриком Харрисом и Диланом Климболдом, романтизируют и героизируют их деяния, стремятся к подражанию и даже превосходству в числе жертв [9, с. 74]. Они формируют собственные онлайн-сообщества, в которых общаются, обмениваются информацией, планируют свои действия и поддерживают друг друга в деструктивных намерениях. Эти сообщества становятся своеобразными «эхо-камерами», усиливающими радикальные взгляды и побуждающими к насилию.

«Колумбайн»* стал своеобразным культурным феноменом, который привлекает внимание определенной части молодежи, склонной к насилию, отчуждению, депрессии. Эта субкультура романтизирует образы «школьных стрелков», представляя их как борцов против несправедливости общества, мучеников и героев. Она эксплуатирует характерные для подросткового возраста чувства одиночества, непонимания, обиды, трансформируя их в ненависть и агрессию, направленную против школы, учителей, одноклассников, которые воспринимаются как воплощение враждебного мира [11].

В России движение «Колумбайн»* стало активно распространяться с 2013 г., а его пик пришелся на 2018 г. [9, с. 76] Этот период совпал с ростом социальной напряженности, экономической нестабильности, политической апатии в российском обществе. Молодежь, испытывающая чувство фрустрации, безнадежности, отчуждения, оказалась особенно восприимчивой к деструктивной идеологии «Колумбайна»*, которая давала простые ответы на сложные вопросы и предлагала иллюзорный выход из кризиса идентичности через насилие и саморазрушение.

Трагедия в Керченском политехническом колледже, произошедшая 17 октября 2018 г., стала самым масштабным массовым убийством в учебном заведении в новейшей истории Европы [9, с. 76]. Этот инцидент не только потряс общество жестокостью и бессмысленностью, но и высветил немало проблем в системе профилактики и противодействия деструктивным молодежным движениям в России. Он показал, что идеология «Колумбайна»* уже пустила корни в российской молодежной среде и требует решительных мер на всех уровнях, от семьи и школы до правоохранительных органов и общества в целом.

Для эффективного противодействия движению «Колумбайн»* необходимо применять комплексный подход, направленный на выявление и нейтрализацию факторов, способствующих его распространению [2]. Этот подход должен включать в себя как превентивные, так и репрессивные меры, учитывающие специфику исследуемого феномена и особенности молодежной психологии.

Одна из ключевых превентивных мер — развитие системы психологической помощи в образовательных учреждениях [12]. Это подразумевает создание школьных психологических служб, укомплектованных квалифицированными специалистами, способными не только выявить учащихся, испытывающих психологические проблемы, склонность к агрессии или депрессии, но и оказать им своевременную

и эффективную помощь. Важно также проводить регулярные психологические тестирования и тренинги, направленные на развитие у учащихся навыков конструктивного общения, управления эмоциями, разрешения конфликтов. Эти меры помогут создать в школах атмосферу психологической безопасности и доверия, в которой каждый ученик сможет получить поддержку и понимание.

Другой важной превентивной мерой является проведение просветительской работы среди молодежи и родителей [2]. Необходимо информировать их об опасности движения «Колумбайн»*, его признаках, способах вербовки, последствиях. Важно разъяснять молодым людям, что насилие не является решением проблем, что романтизация убийц — ложный и деструктивный путь, ведущий к разрушению личности и жизни. Родителям следует объяснять важность внимательного отношения к детям, поддержания доверительных отношений, своевременного обращения за помощью к специалистам в случае возникновения тревожных сигналов.

Создание благоприятного психологического климата в школах — еще один ключевой фактор профилактики суицидального поведения* [2]. Это подразумевает формирование атмосферы взаимоуважения, доверия, толерантности, в которой каждый ученик чувствует себя ценным и значимым членом коллектива. Нужно проводить работу с педагогами, направленную на повышение их психологической компетентности, развитие навыков конструктивного взаимодействия с учащимися, раннего выявления и разрешения конфликтов. Учителя должны стать не просто трансляторами знаний, но и наставниками, способными поддержать учеников в трудных ситуациях и помочь им найти конструктивные способы самовыражения.

Развитие у молодежи навыков конструктивного разрешения конфликтов — еще одна неотъемлемая составляющая профилактики суицидального поведения* [2]. В школах целесообразно внедрять программы обучения медиации, ненасильственной коммуникации, ведению диалога, поиску компромиссов. Эти навыки помогут молодым людям эффективнее справляться с конфликтными ситуациями, разрешать споры мирным путем, уважать чужие границы и отстаивать свои интересы без применения силы. Изложенный подход будет способствовать формированию культуры мира и ненасилия в школьной среде и обществе в целом.

Противодействие пропаганде насилия и нетерпимости — следующая задача в контексте профилактики «Колумбайна»* [2]. Необходимо ограничивать доступ молодежи к деструктивному контенту в СМИ, интернете, компьютерных играх, пропагандирующему культ насилия, жестокости, превосходства одних людей над другими. Важно проводить просветительскую работу, направленную на формирование у молодежи критического мышления, медиаграмотности, способности анализировать информацию, отличать реальность от вымысла, противостоять манипуляциям. Молодые люди должны осознавать, что действительность отличается от виртуальных миров, что насилие имеет трагические последствия, а не является путем к славе и признанию.

Репрессивные меры, хотя и не решают в полной мере проблему, но станут необходимым дополнением к превентивным стратегиям. Они включают в себя ужесточение наказания за преступления, связанные со суицидальным поведением*, блокировку деструктивного контента в интернете, выявление и пресечение деятельности колумбайнерских сообществ, привлечение к ответственности лиц, пропагандирующих идеологию движения [3, с. 76]. Правоохранительные органы должны иметь необходимые ресурсы и полномочия для эффективного противодействия этой угрозе, тесно сотрудничать с образовательными учреждениями, психологами, родителями в выявлении тревожных сигналов и оперативном реагировании на них [13].

Специфика движения «Колумбайн»* в России требует учета дополнительных факторов. Российские «колумбайнеры» особенно активно используют интернет и социальные сети для общения, пропаганды своих идей, обмена информацией [9, с. 83]. Они также часто прибегают к символике движения, заимствованной из зарубежного опыта, такой как изображения оружия, нацистская атрибутика, фотографии Эрика Харриса и Дилана К्लीболда. Это требует от правоохранительных органов повышения компетенции в области киберпреступности, регулярного мониторинга интернет-пространства, оперативного выявления и блокировки деструктивных онлайн-сообществ [2]. Важно и адаптировать стратегии профилактики, противодействия к российским реалиям, учитывая культурные, социальные, экономические особенности нашей страны [14].

Таким образом, движение «Колумбайн»* представляет собой значительный вызов для российского общества, требующий комплексного и системного подхода. Профилактика и противодействие этой угрозе должны стать общей задачей государства, школы, семьи, общественных организаций и каждого неравнодушного гражданина. Только объединив усилия, проявляя бдительность, мудрость и сострадание, мы сможем защитить наших детей от разрушительного влияния идеологии насилия и ненависти, создать в школах и в обществе атмосферу безопасности, доверия и взаимоуважения. Мы должны дать молодежи позитивные ориентиры, научить их ценить жизнь, верить в себя и в добро, решать проблемы конструктивно и созидательно. Только так мы сможем предотвратить новые трагедии и построить мирное будущее для наших детей.

Выводы

Проведенное исследование феномена молодежных движений позволяет сделать несколько выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, анализ исторической эволюции и современного состояния молодежных движений показывает, что они являются важным индикатором социальных процессов и настроений в обществе. Молодежные движения, от студенческих протестов 60-х гг. XX в. до современных онлайн-сообществ, всегда отражали ключевые проблемы и противоречия своего времени, будь то борьба за гражданские права, противостояние культуре потребления или кризис идентичности в цифровую эпоху. Изучение молодежных движений позволяет диагностировать болевые точки общества и прогнозировать его развитие.

Во-вторых, сравнительный анализ конструктивных и деструктивных молодежных движений выявил ключевые факторы, определяющие их характер и направленность. К этим факторам относятся социально-экономические условия, ценностные ориентации, психологические особенности молодежи, степень ее интеграции в общество, наличие позитивных примеров и возможностей для самореализации. Конструктивные движения возникают в случаях, если молодежь чувствует свою значимость, имеет возможности для развития и участия в жизни общества. Деструктивные движения, напротив, являются следствием социальной исключенности, фрустрации, кризиса ценностей и идентичности.

В-третьих, углубленное изучение движения «Колумбайн»* как наиболее опасной формы деструктивной активности молодежи позволило выявить его специфические черты и механизмы распространения. К ним относятся романтизация насилия, культ «школьных стрелков», активное использование интернета и социальных сетей, наличие собственной субкультуры и символики. Анализ причин распространения «Колумбайна»* в России показал роль социально-экономической нестабильности, кризиса ценностей, недостатков системы воспитания и профи-

лактики. На основе этого анализа нами предложены меры противодействия, включающие в себя развитие психологической службы в школах, просвещение молодежи и родителей, обучение навыкам разрешения конфликтов, ограничение пропаганды насилия, мониторинг интернет-пространства.

В-четвертых, проведенное исследование позволило сформулировать ряд практических рекомендаций по совершенствованию государственной молодежной политики и системы профилактики деструктивных явлений в молодежной среде. Эти рекомендации включают в себя разработку комплексных программ поддержки и развития молодежи, создание условий для ее самореализации и участия в жизни общества, развитие молодежных организаций и волонтерского движения, совершенствование системы образования и воспитания, усиление роли семьи и местных сообществ, повышение медиаграмотности и критического мышления молодежи.

Отдельно укажем, что феномен молодежных движений при всей своей сложности и противоречивости является неотъемлемой частью социальной реальности и требует постоянного внимания и изучения. Только на основе глубокого понимания природы, динамики и факторов развития молодежных движений мы сможем выработать эффективные стратегии взаимодействия с молодежью, направленные на раскрытие ее потенциала, предотвращение деструктивных явлений и построение гармоничного общества. Это задача не только ученых и специалистов, но и общества в целом, каждого из нас. Будущее нашей страны и мира зависит от того, какими вырастут наши дети, какие ценности и идеалы будут определять их жизнь и деятельность.

Список источников

1. Ростова Н. Н. Молодежные субкультуры России и формирование деструктивных тенденций // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. Т. 2. № 2. С. 24–30.
2. Волчецкая Т. С., Авакьян М. В., Осипова Е. В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга* и кибербуллинга в России и зарубежных странах // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578–591. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591
3. Никишин В. Д. Колумбайн* (скулшутинг*): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 11. С. 62–76. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076
4. Жилкин М. Г., Шемчук С. Ю. «ЧВК “Рёдан”»: феномен популярности деструктивной субкультуры // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4. С. 78–84. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.4.78
5. Карасев П. К., Судьин С. А. Профилактика скулшутинга* как управленческая задача: кейс Нижегородской области // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1. С. 88–93. DOI: 10.52452/18115942-2023-1-88
6. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Механизм деятельности сторонников деструктивных интернет-сообществ и портрет их типичного участника (на примере «Групп смерти» и движения «Колумбайн»*) // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 229–234.
7. Белозерова Т. Ю. Молодежные субкультуры: исторический аспект // Политехнический молодежный журнал. 2019. № 12. С. 2. DOI: 10.18698/2541-8009-2019-12-554
8. Чурун С. Н. Молодежное «АУЕ»** как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 49–65. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.03
9. Пучнина М. Ю., Пучнин А. В. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «Колумбайн»* // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 12. С. 74–83. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.181.12.074-083

10. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. Д., Шалагина А. К. Причины девиантного поведения подростков и молодежи // Modern Science. 2020. № 12-4. С. 274–278.
11. Мощенко Д. В. Молодежный экстремизм как социальный феномен // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы VI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н. Р. Балынской (Магнитогорск, 13 мая 2021 г.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, 2021. С. 104–109.
12. Современные молодежные субкультуры в онлайн-среде. Исследование особенностей коммуникации и конфликта. 2023 // Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды (ЦИСМ). 2024. 26 февраля. URL: <https://www.cism-ms.ru/issledovaniya/622/?ysclid=mlt18zqqk0267956503> (дата обращения: 20.04.2024).
13. Завьялова Н. Ю., Лункашу Ю. В. Скулшутинг* как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. 2021. № 3. С. 117–122.
14. Дунаева Н. И., Баранова Ю. М., Филина Т. В. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «Колумбайн»* // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 354–357.

References

1. Rostova N.N. Youth subcultures of Russia and the formation of destructive tendencies. *Vestnik obshchestvennykh i humanitarnykh nauk = Bulletin of Social Sciences and Humanities*. 2021;2(2):24-30. (In Russ.).
2. Volchetskaya T.S., Avakyan M.V., Osipova E.V. The criminological description and prevention of school shootings* and cyberbullying in Russia and abroad. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. 2021;15(5):578-591. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591
3. Nikishin V.D. The Columbine* (school shooting): Essence, legal qualifications, forensic diagnostics. *Lex russica (Russkii zakon) = Lex russica*. 2021;74(11):62-76. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076
4. Zhilkin M.G., Shemchuk S.Yu. PMC “Redan”: The phenomenon of the popularity of a destructive subculture. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*. 2023;(4):78-84. (In Russ.). DOI: 10.26516/2071-8136.2023.4.78
5. Karasev P.K., Sudin S.A. Preventing school shooting* as a governance challenge: The case of Nizhny Novgorod region. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023;(1):88-93. (In Russ.). DOI: 10.52452/18115942-2023-1-88
6. Puchnina M.Yu., Puchnin A.V. The mechanism of activities of supporters of destructive internet communities and portrait of their typical participant (on the example of “Death groups” and movement “Columbine”). *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(3):229-234. (In Russ.).
7. Belozerova T.Yu. Youth subcultures: A historical aspect. *Politekhnikeskii molodezhnyi zhurnal = Polytechnical Student Journal*. 2019;(12):2. (In Russ.). DOI: 10.18698/2541-8009-2019-12-554
8. Chirun S.N. AUE** youth organization as an integrated phenomenon of the Russian post-modernity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(1):49-65. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.03
9. Puchnina M.Yu., Puchnin A.V. An analysis of the activities of the radical ideological movement “Columbine”* followers. *Lex russica (Russkii zakon) = Lex russica*. 2021; 74(12):74-83. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.181.12.074-083
10. Shalagin A.E., Idiyatullova A.D., Shalagina A.K. Causes of deviant behavior of adolescents and young people. *Modern Science*. 2020;(12-4):274-278. (In Russ.).
11. Moshchenko D.V. Youth extremism as a social phenomenon. In: Balynskaya N.R., ed. Current issues in economics and management. Proc. 6th Int. sci.-pract. conf. (Magnitogorsk, May 13, 2021). Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University; 2021: 104-109. (In Russ.).

12. Modern youth subcultures in the online environment: Research of communication and conflict features. 2023. Center for the Study and Network Monitoring of the Youth Environment (CSM). Feb. 26, 2024. URL: <https://www.cism-ms.ru/issledovaniya/622/?ysclid=m1t18zqqk0267956503> (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
13. Zavyalova N.Yu., Lunkashu Yu.V. School shooting* as a moral and legal problem in Russian society. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2021;(3):117-122. (In Russ.).
14. Dunaeva N.I., Baranova Yu.M., Filina T.V. The problem of prevention of destructive aggression on the example of the Columbine* movement. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*. 2022; (75-4):354-357. (In Russ.).

Информация об авторе

А. К. Яковенко — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. K. Yakovenko — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 06.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 17.12.2024.

* Движение «Колумбайн» (скулшутинг) — запрещенная в Российской Федерации террористическая организация (The Columbine movement (school shooting) is a terrorist organization banned in the Russian Federation).

** Движение «АУЕ» признано экстремистской организацией в Российской Федерации (“AUE” movement added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 343.346

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-531-538

Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых транспортных средств

Оксана Геннадьевна Карнаухова¹, Ольга Сергеевна Лейнова²✉

¹ Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий, управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ oksana309@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4499-7936>

² vinolia@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0975-8750>

Аннотация. В статье освещены актуальные в современном российском обществе вопросы криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений, связанных с участием каршеринговых транспортных средств. Разрешение этих проблемных вопросов, по мнению авторов, требует особого внимания. Рассмотрены действия водителей и результаты их оценки в определенных случаях. Приведена статистика с участием данных транспортных средств, а также предлагаются рекомендации по усовершенствованию процесса расследования.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, расследование преступлений, дорожно-транспортное происшествие, аренда автомобилей, каршеринговое транспортное средство, автомобиль, водитель, алкогольное опьянение, скоростной режим, криминалистическая характеристика, личность преступника, механизм следообразования

Для цитирования: Карнаухова О. Г., Лейнова О. С. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых транспортных средств // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 531–538. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-531-538>

Original article

Forensic characteristics of road traffic crimes involving car-sharing vehicles

Oksana G. Karnaukhova¹, Olga S. Leinova²✉

¹ St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

© Карнаухова О. Г., Лейнова О. С., 2024

¹ oksana309@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4499-7936>² vinolia@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0975-8750>

Abstract. The article highlights current issues in modern Russian society related to forensic characteristics of road traffic crimes involving car-sharing vehicles. The authors emphasize the importance of resolving these alerting issues. The article reviews the driver actions and their assessments in certain cases. It also provides the statistics involving these vehicles, and offers recommendations for improving the investigation process.

Keywords: road traffic crimes, crime investigation, road accident, car rental, car-sharing vehicle, car, driver, alcohol intoxication, speed limit, forensic characteristics, criminal identity, trace formation mechanism

For citation: Karnaukhova O.G., Leinova O.S. Forensic characteristics of road traffic crimes involving car-sharing vehicles. *Sociology and Law*. 2024;16(4):531-538. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-531-538>

Введение

Динамично развивающиеся технологии предлагают представителям бизнеса все новые способы зарабатывания денег. Преступники не отстают и осваивают аналогичные способы. Одним из таких способов служат сервисы краткосрочной аренды автомобилей (каршеринг).

Согласно информационно-аналитическому обзору дорожно-транспортной аварийности, за первое полугодие 2024 г. сократилось на 7,7 % (203) количество дорожно-транспортных происшествий (ДТП) по вине водителей транспортных средств, сдаваемых в краткосрочную аренду (каршеринга) а также количество раненых — на 2,2 % (265). Однако увеличилось на 15,4 % (15) количество погибших в таких ДТП [1, с. 13].

На официальном сайте МВД можно изучить размещенные статистические данные о состоянии преступности лишь по двум видам интересующих нас преступлений. Речь идет о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию [2]. По нашему мнению, следует ввести дополнительный вид преступлений, по которым предоставлять статистику и аналитику: «нарушение правил дорожного движения и эксплуатации каршеринговых транспортных средств».

Таким образом, самыми распространенными дорожно-транспортными преступлениями с участием каршеринговых транспортных средств являются вождение в нетрезвом состоянии; управление транспортным средством водителем, не имеющим прав; управление арендованными машинами без регистрации в сервисе каршеринга либо по подложной регистрации.

Теория

Не будем останавливаться на понятии криминалистической характеристики, считаем его устоявшимся, как и его элементы. Поэтому в настоящей статье в качестве элементов криминалистической характеристики рассматриваемого нами вида преступлений рассмотрим следующие: способ совершения преступления, обстановку (данные о месте и времени), личность преступника, механизм следообразования.

Способы совершения дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых автомобилей, как правило, схожи со способами совершения аналогич-

ных преступлений. Однако мы акцентируем внимание на случаях, которые происходят в большинстве аварий: при столкновении с другим транспортным средством, наезде на препятствие, наезде на пешехода и реже — на велосипедиста, мотоциклиста или самокатчика.

Обстановка дорожного происшествия многоэлементна, включает в себя совокупности различных предметов и явлений, образующих некую статичную среду вокруг, при которой автомобиль каршеринга двигался и изменить которую невозможно за короткий промежуток времени (дома, проезжая часть), а также элементы обстановки места происшествия, которые находились в движении, появлялись и исчезали, например мигающий сигнал светофора.

Относительно времени совершения данных преступлений укажем, что самыми аварийными днями, и это ожидаемо, стали выходные. На субботу и воскресенье приходится более трети всех происшествий с каршерингом. Наибольшее количество аварий случилось в период с 20:00 до полуночи. Аварии с самыми тяжелыми последствиями, как правило, происходили ранним утром, с 5:00 до 6:00.

Анализируя вопрос о личности преступника, можно утверждать, что с учетом нашего исследования около 73 % пользователей каршеринга — это лица в возрасте от 26 до 45 лет, стаж их вождения достигает 25 лет. Однако большинство ДТП все-таки происходят по вине наиболее малочисленной категории пользователей, то есть молодых людей от 18 до 25 лет и со стажем вождения до пяти лет [3]. В нескольких случаях машиной управляли подростки младше 18 лет, и аварии случались по их вине. К сожалению, на различных форумах автомобилистов, в социальных сетях, можно видеть большое количество постов с жалобами на водителей каршеринга, размещены ролики об их неадекватной езде.

Данные обстоятельства можно объяснить тем, что молодые люди, только получившие водительские удостоверения, крайне редко имеют финансовые доходы, которые бы позволяли купить и содержать собственный автомобиль. Как правило, водители в таком возрасте садятся за руль автомобилей, подаренных родителями. Именно каршеринг дает возможность быстрого передвижения по городу, перевозки каких-то грузов, решения иных бытовых проблем. За него не нужно платить транспортный налог, покупать ОСАГО, тратиться на текущий ремонт, и личная ответственность при использовании каршеринга также отсутствует. Для молодых людей характерно к тому же желание похвастаться, «покрасоваться», встретить девушку на автомобиле, пусть и арендованном.

Помимо криминалистической характеристики личности преступника по возрасту, считаем необходимым указать на множество пользователей сервисами каршеринга среди мигрантов — граждан Узбекистана и Таджикистана, что также объясняется доступностью и невысокой стоимостью в эксплуатации. При этом закон разрешает эксплуатацию автомобилей на территории Российской Федерации (РФ) как по российским водительским удостоверениям, если водители успешно пройдут испытания для его получения, так и по национальным.

При расследовании данной категории преступлений необходимо установить мотивы, побудившие водителя сесть за руль. Кроме вышеуказанных, водители, севшие за руль арендованного транспорта, называли намерение доехать домой, не пользуясь собственным автомобилем, особенно если они находились в состоянии опьянения. Состояние алкогольного или наркотического опьянения подозреваемого будет особенно важным обстоятельством, подлежащим установлению. Если водитель, заведомо находясь в состоянии опьянения, пренебрегает правилами дорожного движения и садится за руль автомобиля, это говорит о форме вины и прямом умысле [3]. Примером такого ДТП можно назвать аварию в Санкт-

Петербурге, зарегистрированную в январе 2020 г. В частности, на высокой скорости произошло столкновение арендованного автомобиля со столбом на Дальневосточном проспекте. В салоне находились две девушки, получившие тяжелые травмы, и ни одна из них не помнила, кто находился за рулем [4].

Еще более интересный случай произошел в ночь на субботу, 24 декабря 2022 г. Жители Василеостровского района заметили на крыше автомобиля человека. Автомобиль имел признаки ДТП, но при этом двигался по улицам города. Установлено, что водитель насмерть сбил пешехода. От удара мужчину подбросило на крышу каршеринга. Погибший зацепился за элементы кузова и остался лежать наверху автомобиля. В момент аварии водитель находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. Он не заметил, что сбил человека, и продолжил поездку. С трупом на крыше водитель доехал до своего дома, припарковал каршеринг и ушел спать. После его задержания водитель каршеринга рассказал сотрудникам полиции, что ничего не помнит [5].

Обратим внимание и на то, что в случае, если автомобиль каршеринга арендован одним человеком, и он передал управление другому, а тот оказался в ДТП, то нести ответственность будут оба.

В качестве еще одного элемента криминалистической характеристики считаем необходимым рассмотреть механизм следообразования. Традиционно следы, которые образуются при ДТП, классифицируют на следы, которые можно обнаружить на транспортном средстве, и следы, образующиеся на пешеходе в случае наезда на него либо на другом транспортном средстве при столкновении, а также на препятствии при наезде на него (столбе, бордюрном камне).

В результате наезда автомобиля на пешехода на транспортном средстве остаются линейные следы, вмятины и отпечатки ткани одежды жертвы, которые в основном располагаются на передних частях автомобиля (капоте, радиаторной решетке, крыльях). На одежде потерпевшего могут быть образованы разрывы и царапины, а также остаются отпечатки контактирующих частей автомобиля, например бампера, следы краски, смазки и загрязнений. При столкновении с преградой появляются характерные следы, которые располагаются на одинаковом расстоянии от дорожного покрытия. Они могут проявляться в виде вдавлений, царапин и наслоений. У автомобилей с резиновыми шинами порой возникают проколы и разрывы, а на преграде могут остаться частицы резины. Следы столкновения с препятствиями формируются как деформации и царапины на их нижней поверхности, которые могут быть оставлены колесами транспортного средства.

Следы человека играют важную роль в транспортной трасологии. Они помогают установить механизм травмы и повреждения одежды, а также характеристики транспортного средства, что необходимо для его поиска и идентификации. Складки на одежде направлены в сторону, противоположную движению тела потерпевшего. На стороне, обращенной к дороге, будут видны следы волочения: потертости и мелкие разрывы с включениями дорожного покрытия. Характер повреждений зависит от материала одежды и его изношенности. По следам протектора на одежде можно определить режим движения автомобиля. Например, единичный след с четким рисунком указывает на прямолинейное движение, а наличие нескольких следов с искажениями свидетельствует о повороте колеса. Это может произойти, если водитель пытался объехать лежащего человека. Частицы лакокрасочного покрытия имеют большое значение при расследовании рассматриваемого нами вида преступлений, поскольку у автомобилей каршеринговых компаний специфическая цветографическая окраска и опознавательные надписи оператора.

Результаты и обсуждение

Не менее важное значение для эффективного обнаружения следов преступника будет иметь и исследование технологического оснащения автомобиля. Для обнаружения, исследования и изъятия следов рекомендуем пригласить специалиста в области компьютерных технологий.

В современном виде каршеринг стал возможным в первую очередь благодаря развитию технологий. Поэтому технологическая составляющая является неотъемлемым компонентом, о котором компании каршеринга заботятся с первых дней запуска проекта. Укрупненно выделяют следующие элементы, представленные на рисунке 1:

- телематическое устройство в автомобиле;
- серверная (облачная) система — телематическая платформа;
- мобильное приложение пользователя;
- порталы для управления и мониторинга, CRM и т. п.;
- сотовая сеть.

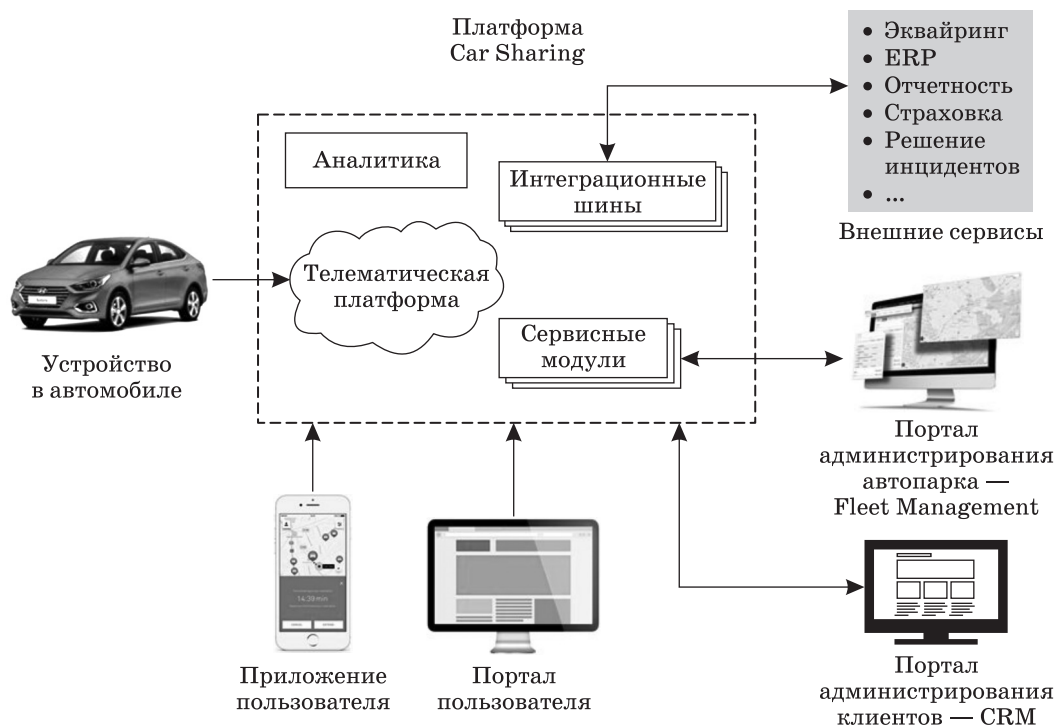

Рис. 1. Технологическая архитектура каршеринга

Fig. 1. Technological architecture of car-sharing

Источник: по данным сайта издания «Трушеринг». URL: <https://truesharing.ru/?ysclid=m2k6jgp7gr763009335> (дата обращения: 17.09.2024).

Таким образом, нами рассмотрены основные элементы криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых транспортных средств. К сожалению, до сих пор при осмотре места происшествия сотрудники правоохранительных органов допускают ошибки и упущения. Качественно не всегда описывают следовую картину, порой не изымают вещественные доказательства, очевидцев и участников ДТП опрашивают поверхностно. Качество

проведения автотехнической экспертизы оставляет желать лучшего. Поскольку главный вопрос, который ставит на разрешение экспертам следователь в случае расследования, гласит о том, имел ли водитель техническую возможность предотвратить данное ДТП, является схожим с математическим уравнением, то при некотором изменении вводных изменится и вывод эксперта. Автотехническая экспертиза должна быть проведена в строгом соответствии с научной методикой и уголовно-процессуальными нормами.

Подводя итоги, укажем, что аппаратно-программный комплекс (АПК) «Безопасный город», который введен в Санкт-Петербурге, помимо основных функций по мониторингу обстановки и обеспечению безопасности и правопорядка на улицах, в том числе эффективен для пресечения и предупреждения дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринговых транспортных средств, а также для собирания доказательственной базы при расследовании рассматриваемого вида преступлений. Эффективными мерами профилактики исследуемой нами группы преступлений считаем взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с представителями каршеринговых сервисов по вопросам предоставления доступа к персональным данным и базам данных телеметрических систем мониторинга, которыми в настоящее время оснащено большинство каршеринговых автомобилей. Так, благодаря телематике, оператор каршерингового сервиса может отследить перемещение автомобиля, обратить внимание на аварийную езду, резкие перестроения и в целом оценить уровень езды. Аккуратный водитель к тому же получает дополнительные бонусы. Так называемый черный список заблокированных пользователей, который каждый сервис каршеринга ведет для внутреннего пользования, рекомендуем объединить в единую базу данных всех сервисов с доступом к ней правоохранительных органов.

Выводы

В заключение выделим несколько ключевых проблем, с которыми сталкиваются лица, проводящие следствие или дознание по делам о дорожно-транспортных преступлениях с участием каршеринговых автомобилей:

1. Определение ответственности — не всегда с первых минут обнаружения признаков происшествия становится очевидным, кто должен нести ответственность: водитель, компания каршеринга или третьи лица. Это может усложнить процесс доказывания.
2. Доступ к данным — получение информации о состоянии автомобиля, истории поездок и действиях водителя может быть затруднительным. Компании каршеринга могут не всегда оперативно предоставлять необходимые данные.
3. Идентификация водителя — в случаях, если автомобиль использован несколькими водителями, порой сложно установить, кто именно управлял транспортным средством в момент ДТП.
4. Страховые вопросы — разные условия страхования у каршеринговых компаний могут усложнять процесс выплаты компенсаций и определение страховщика.
5. Правовые нюансы — законы и правила относительно каршеринга могут варьироваться, в зависимости от региона, что создает дополнительные сложности при расследовании.
6. Технические аспекты — необходимость проверки технического состояния автомобиля и наличия возможных неисправностей может потребовать времени и ресурсов.

7. Психологические факторы — водители каршеринга могут не иметь такой же ответственности и осторожности, как владельцы собственных автомобилей, что может повлиять на их поведение в момент аварии.

Эти факторы делают расследование дорожно-транспортных преступлений с участием каршеринга более сложным и многогранным процессом.

Список источников

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первое полугодие 2024 г.: информационно-аналитический обзор. М.: Научный центр безопасности дорожного движения МВД России, 2024. 36 с.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2021 г. // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. 2021. 25 февраля. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23163626/> (дата обращения: 17.09.2024).
3. Лейнова О. С., Бачиева А. В. Особенности расследования дорожно-транспортных правонарушений с участием каршеринговых транспортных средств // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 мая 2022 г.) / сост. В. В. Горбатов, С. А. Горелов, О. В. Григорьева. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 337–341.
4. Семенова О. Пьяные петербурженки в каршеринге не смогли вспомнить, кто был за рулем // Аргументы и факты — Санкт-Петербург. 2020. 29 января. URL: <https://spb.aif.ru/incidents/stali-izvestny-podrobnosti-o-napavshem-s-nozhom-v-supermarkete-peterburga> (дата обращения: 17.09.2024).
5. Вороненкова Д. На Васильевском острове задержали автомобиль туристов с криминальным прошлым // 78.ru. 2022. 10 декабря. URL: https://78.ru/news/2022-12-10/na_vasilevskom_ostrove_zaderzhali_avtomobil_turistov_s_kriminalnim_proshlim (дата обращения: 17.09.2024).

References

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for the first half of 2024: Information and analytical review. Moscow: Scientific Center for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2024. 36 p. (In Russ.).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January 2021. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Feb. 25, 2021. URL: <https://мвд.рф/reports/item/23163626/> (accessed on 17.09.2024). (In Russ.).
3. Leinova O.S., Bachieva A.V. Peculiarities of the investigation of road traffic violations involving car sharing vehicles. In: Gorbатов V.V., Gorelov S.A., Grigor'eva O.V., comp. Current issues of improving tactical-special, fire and professionally applied physical training in the modern context of practical training of employees of internal affairs bodies. Proc. Int. sci.-pract. conf. (St. Petersburg, May 27-28, 2022). St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022:337-341. (In Russ.).
4. Semenova O. Drunk St. Petersburg women in a car sharing service couldn't remember who was driving. Argumenty i fakty — St. Petersburg. Jan. 29, 2020. URL: <https://spb.aif.ru/incidents/stali-izvestny-podrobnosti-o-napavshem-s-nozhom-v-supermarkete-peterburga> (In Russ.).
5. Voronenkova D. A car of tourists with a criminal past was detained on Vasilevsky Island. 78.ru. Dec. 10, 2022. URL: https://78.ru/news/2022-12-10/na_vasilevskom_ostrove_zaderzhali_avtomobil_turistov_s_kriminalnim_proshlim (accessed on 17.09.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

О. Г. Карнаухова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебных экспертиз; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 5;

О. С. Лейнова — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

O. G. Karnaukhova — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Forensic Expertise; 5, 2nd Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg 190005, Russia;

O. S. Leinova — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 26.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 331.108.62

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-539-547

Судебная практика: нарушения трудовой и служебной дисциплины среди работников и сотрудников МЧС России

Ольга Сергеевна Маторина^{1✉}, Наталья Васильевна Перегудова²,
Оксана Георгиевна Меретукова³

^{1, 2, 3} Всероссийский ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт
противопожарной обороны (ФГБУ ВНИИПО МЧС России), Балашиха,
Московская область, Россия

¹ odp1313@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

² peregudova@vniipo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1531-3333>

³ jrbc2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-4864>

Аннотация. В статье представлен анализ судебной практики, связанной с нарушением дисциплины среди работников и сотрудников (личного состава) МЧС России. Утверждается, что работа по обеспечению безопасности и предотвращению чрезвычайных ситуаций значима и ответственна. Эффективное выполнение задач МЧС России зависит от дисциплины и соблюдения законодательства со стороны личного состава. Приведенный в статье анализ базируется на рассмотрении материалов судебных дел о нарушениях дисциплины, рассмотренных в судебных инстанциях. Статья содержит отдельные примеры из судебной практики, которые иллюстрируют различные аспекты нарушений, связанных с процедурой проведения аттестации и несоблюдением ограничений и запретов, требований о предоставлении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных в условиях противодействия коррупции. По результатам проведенного анализа сделан вывод о том, что несоблюдение правил и законодательно установленных запретов, в частности несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции и правильности проведения с точки зрения закона процедуры аттестации, относится к вопросам поддержания дисциплины среди личного состава МЧС России. Нарушение закона приводит к отказам в удовлетворении судом исковых требований.

Ключевые слова: трудовая дисциплина, служебная дисциплина, сотрудники, конфликт интересов, судебная практика, ограничения, запреты, нарушение

Для цитирования: Маторина О. С., Перегудова Н. В., Меретукова О. Г. Судебная практика: нарушения трудовой и служебной дисциплины среди работников и сотрудников МЧС России // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 539–547. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-539-547>

Judicial practice: Violations of labor and workplace discipline among employees and staff of the Ministry of Emergency Management of Russia

Olga S. Matorina¹✉, Natalia V. Peregudova², Oksana G. Meretukova³

^{1, 2, 3} All-Russian Research Institute for Fire Protection of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters (FGBU VNIPO of EMERCOM of Russia), Balashikha, Moscow region, Russia

¹ odp1313@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3962-6492>

² peregudova@vniipo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-1531-3333>

³ jrcb2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7397-4864>

Abstract. The article presents an analysis of judicial practice related to violations of discipline among employees and staff (personnel) of the Ministry of Emergency Management of Russia. It is maintained that work to ensure safety and prevent emergency situations is significant and responsible. Effective performance of the tasks of the Ministry of Emergency Management of Russia depends on discipline and compliance with the law on the part of the personnel. The analysis provided in the article is based on the consideration of materials of court cases on violations of discipline considered in judicial instances. The article presents individual examples from judicial practice that illustrate various aspects of violations related to the certification procedure and failure to comply with restrictions and prohibitions, requirements for the provision or settlement of a conflict of interest and failure to fulfill the duties established in the context of combating corruption. Based on the analysis results, it was concluded that failure to comply with the rules and legislatively established prohibitions, in particular failure to comply with restrictions and prohibitions, requirements for the prevention or settlement of a conflict of interest, as well as failure to fulfill the duties established for the purpose of combating corruption and the correctness of the certification procedure in terms of the law, relates to issues of maintaining discipline among the personnel of the Ministry of Emergency Management of Russia. Violation of the law leads to the court's refusal to satisfy claims.

Keywords: labor discipline, workplace discipline, employees, conflict of interest, judicial practice; restrictions, prohibitions, violation

For citation: Matorina O.S. Peregudova N.V., Meretukova O.G. Judicial practice: Violations of labor and workplace discipline among employees and staff of the Ministry of Emergency Management of Russia. *Sociology and Law*. 2024;16(4):539-547. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-539-547>

Введение

Дисциплинарное нарушение (нарушение дисциплины труда, дисциплинарный проступок) в трудовом законодательстве и законодательстве, определяющем вопросы прохождения службы сотрудников Федеральной противопожарной службы (ФПС) МЧС России, а также в служебной деятельности представляет собой виновное противоправное действие (бездействие) со стороны сотрудника или работника, которое проявляется в неисполнении (ненадлежащем исполнении) возложенных на субъект трудовых (служебных) отношений обязанностей. Данное нарушение способствует возникновению правовых последствий и ответственности субъекта трудовых отношений за несоблюдение установленных законом правил поведения при выполнении возложенных на него трудовых (служебных) обязанностей.

Термин «дисциплинарное нарушение» широко применяют, и он относится к любым действиям или бездействию работника (сотрудника), которые противоречат установленным требованиям и могут повлечь за собой дисциплинарную ответственность. Нарушение часто проявляется в различных формах, включая опоздания, невыполнение или некачественное выполнение возложенных обязанностей, нарушение правил безопасности, иные формы недопустимого поведения на рабочем месте [1].

В служебной деятельности, особенно для государственных служащих, дисциплинарное нарушение влечет за собой более значительные последствия и может включать в себя, например, нарушение служебной этики, уклонение от выполнения служебных обязанностей в соответствии с должностной инструкцией (должностным регламентом), а также незаконное использование служебного положения. Следовательно, изложенное выше может привести к применению в отношении должностного лица (сотрудника МЧС России) дисциплинарных взысканий и повлечь за собой увольнение со службы.

Для отдельных категорий работников (судьи, следователя, прокурора, преподавателя, государственного служащего и др.) понятие дисциплинарного нарушения имеет расширенное толкование. В это толкование включены также действия, совершенные в быту, которые, следовательно, не связаны с выполнением служебных обязанностей, но нарушают нравственные и моральные нормы. Расширенное толкование обусловлено особым профессиональным назначением категорий работников, а также предъявляемыми к ним повышенными требованиями в связи с осуществлением служебных обязанностей.

Анализируя подход большинства развитых стран к рассматриваемому вопросу, можно заключить, что значимой особенностью понятия дисциплинарных нарушений является отсутствие закрепления составов и привязки последних к соответствующим санкциям. Исключением являются положения ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) [2]. Таким образом, дисциплинарное нарушение характеризуется нарушением позитивной нормы, которая закрепляет трудовые обязанности субъекта трудовых правоотношений, а не соответствием проступка составу запрещающей его нормы.

Субъектом дисциплинарного проступка выступает лицо, состоящее в трудовых отношениях с работодателем, лицо, обладающее деликтоспособностью. Деликтоспособность — это способность лица нести личную ответственность за нарушение обязанностей по трудовому правоотношению, которое может претерпевать неблагоприятные последствия при допущении данных нарушений [3].

Теория

Порядок применения дисциплинарных взысканий к сотруднику МЧС России определен положениями нормативных документов. В их числе — Федеральный закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] и приказ МЧС России от 17 октября 2016 г. № 550 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» [5].

Меры дисциплинарной ответственности применяют за совершение сотрудником дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником возложенных на него служебных обязанностей, предусмотр-

ренных законодательством РФ, приказами, распоряжениями, за совершение виновного противоправного действия (бездействия), порочащего честь и достоинство сотрудника. Основные виды дисциплинарных взысканий включают в себя замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, перевод на нижестоящую должность в ФПС, увольнение по дисциплинарным причинам.

Дисциплинарное взыскание может быть применено в течение месяца со дня обнаружения проступка, но не позднее шести месяцев со дня совершения. Действующее дисциплинарное взыскание можно снять по истечении года, если в течение этого периода сотрудник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию. В период, составляющий шесть месяцев, не включают сроки нахождения в отпуске, периоды командировок и временной нетрудоспособности сотрудника.

Принципы трудового права, регулирующие дисциплинарные взаимоотношения сотрудников МЧС России, закреплены в приказе МЧС России от 17 октября 2016 г. № 550 «Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» [5], принятом на основании Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

Принципами трудового права, заложенными в приведенных документах, являются следующие:

1. Наложение дисциплинарных взысканий осуществляется в строгом соответствии с законодательством РФ, исходя из установленных прав и полномочий руководителей (начальников) МЧС России, обеспечивая прозрачность и справедливость в применении дисциплинарных мер.

2. При применении дисциплинарных взысканий руководители (начальники) должны учитывать тяжесть совершенного сотрудником дисциплинарного проступка и обстоятельства его совершения. Вышестоящий руководитель вправе изменить дисциплинарное взыскание, если оно не соответствует тяжести правонарушения.

3. В целом деятельность руководителей (начальников) по поддержанию дисциплины основана на объективной оценке служебной деятельности подчиненных. Сотрудникам предоставлена возможность дать объяснения, показания в письменной форме перед наложением дисциплинарного взыскания.

4. В обязанности руководителей (начальников) входит проведение служебных проверок, а также анализ состояния дисциплины в структурных подразделениях организации, принятие мер профилактики, направленных на предотвращение нарушений служебной дисциплины сотрудниками.

5. Неукоснительное соблюдение сроков и порядка наложения дисциплинарных взысканий после выявления правонарушения. Определенные временные ограничения применяют к снятию дисциплинарных взысканий.

6. Руководители (начальники) МЧС России обладают определенными правами и полномочиями, что необходимо учитывать при наложении дисциплинарных взысканий. При необходимости руководитель может обратиться с ходатайством к вышестоящему руководству о наложении дисциплинарного взыскания на сотрудника.

7. Руководитель (начальник) несет персональную ответственность за поддержание служебной дисциплины в структурных подразделениях организации.

Эффективность деятельности руководителя (начальника) в данной сфере не оценивают с позиции количества выявленных дисциплинарных проступков. Оценка деятельности руководителя (начальника) зависит от качественного (добросовестного) выполнения должностных обязанностей, ее дают комплексно, по наличию поощрений и наложению дисциплинарных взысканий.

Результаты и обсуждение

По результатам проведенного анализа судебной практики нами приведены в качестве примеров решения судов в контексте нарушений дисциплины среди сотрудников и работников МЧС России, которые представлены в Обзоре практики по рассмотрению в 2012–2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков [6].

Рассмотрим, в частности, следующий пример из судебной практики. Гражданин К. замещал должность начальствующего состава Государственной инспекции по маломерным судам Главного управления (ГИМС ГУ) МЧС России. Жена сотрудника К. являлась учредителем общества с ограниченной ответственностью (ООО). Общество с ограниченной ответственностью жены сотрудника К. осуществляло работы по строительству на водохранилище дамбы-волнолома. Основным значимым фактором было то, что сотрудник К. не проинформировал начальника ГИМС ГУ МЧС России о своей заинтересованности в строительстве и не принял меры по урегулированию конфликта интересов. Данный факт противоречит Федеральному закону от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [7]. В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 15, п. 10 ч. 1 ст. 16, ст. 19, п. 1 ч. 1 ст. 59.2, п. 1.1 ст. 37 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ходе судебного разбирательства установлено, что сотрудник К. нарушил действующее законодательство, и ему отказано в удовлетворении исковых требований [7]. Представленное решение суда подтверждает, что непринятие мер (бездействие) по предотвращению и урегулированию конфликта интересов служит основанием привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника.

Приведем еще один пример из судебной практики. Гражданин П., ранее занимавший должность начальника управления архитектуры и строительства, в процессе профессиональной деятельности принимал участие в решении кадровых и финансовых вопросов хозяйственной деятельности ООО. Учредителями общества с ограниченной ответственностью были его отец и сын. Кроме того, П. участвовал и в процессе распределения прибыли ООО и дивидендов.

По результатам рассмотрения дела судом установлено, что П. не сообщал руководителю о личной заинтересованности, а также не принимал мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов. Данный факт нарушает Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [8]. Суд принял решение отказать П. в удовлетворении иска, а также о восстановлении на службе и оплате вынужденного прогула.

На основе перечисленных выше фактов можно сделать вывод, что недостаточное внимание к предотвращению и урегулированию конфликта интересов среди сотрудников и работников МЧС России приводит к существенным последствиям, включая отказы в удовлетворении исковых требований. Для соблюдения законодательства и поддержания дисциплины сотрудники должны информировать о своей заинтересованности и принимать меры по предотвращению конфликта интересов.

Приведем пример из Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г. [9]. В частности, рассмотрен судебный спор, возникший в связи с аттестацией сотрудника ФПС, гражданина Д., который уволен по рекомендации аттестационной комиссии за несоответствие должности. Сотрудник Д. обратился в суд с требованиями о признании увольнения незаконным, его отмене и о восстановлении на службе.

Суд первой инстанции отклонил иски сотрудника Д., считая, что процедура аттестации соблюдена и основания для увольнения очевидны. Решение суда первой инстанции обжаловано в Верховном Суде РФ (палате судебных дел по гражданским делам). Верховный Суд РФ указал на несоответствие проведенной аттестации требованиям регулирующего законодательства. Аттестация сотрудника должна быть проведена в соответствии с установленной процедурой, предусматривающей ознакомление сотрудника с мотивированным отзывом о его деятельности и предоставление возможности обжаловать результаты аттестации. В данном случае сотрудник Д. не был ознакомлен с отзывом и не участвовал в заседании аттестационной комиссии по причине нахождения на лечении в медицинском учреждении. Тем самым его права на должное представление информации и возможность защиты нарушены. Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что аттестация представляет собой значимый инструмент для определения соответствия сотрудников должности и возможности их продолжения в службе. При этом надлежащее проведение аттестации и учет законных интересов аттестуемых гарантирует объективное принятие решения о досрочном увольнении сотрудника. По результатам рассмотрения дела Верховный Суд РФ принял решение о том, что увольнение сотрудника Д. из ФПС не соответствует требованиям Федерального закона от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ [5], и признал увольнение незаконным.

В изученных материалах судебной практики отражена проблема нарушения процедуры аттестации при принятии решений о досрочном увольнении сотрудников. Несоблюдение прав аттестуемых приводит к неправомерному увольнению и, как следствие, к судебному разбирательству с целью защиты своих прав и законных интересов. Согласно позиции Верховного Суда РФ, аттестация должна проводиться в рамках правового контроля, с соблюдением всех законодательно предусмотренных процедур, чтобы обеспечить справедливые и обоснованные решения относительно служебного статуса сотрудников.

Выводы

Проведенный анализ материалов судебной практики в контексте рассматриваемого нами вопроса позволяет условно классифицировать выводы:

1. Несоблюдение ограничений и запретов, требований о предоставлении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных в условиях противодействия коррупции. Приведенные в статье примеры из материалов судебной практики показывают, что недостаточное внимание к предотвращению и урегулированию конфликта интересов среди сотрудников МЧС России может привести к необратимым последствиям. В частности, в одном из приведенных примеров сотрудник занимал должность начальника и не информировал руководителя о своей заинтересованности в строительстве дамбы-волнолома, что привело к отказу в удовлетворении исковых требований. В следующем примере начальник управления архитектуры также не сообщал о заинтересован-

ности в финансовых вопросах хозяйственной деятельности организации, что привело к решению суда об отказе в удовлетворении исковых требований по восстановлению на службе. Данные примеры говорят о том, что необходимо соблюдать установленные правила и требования для предотвращения конфликта интересов и поддержания дисциплины среди сотрудников.

2. Нарушение процедуры аттестации. В последнем примере приведен судебный спор об увольнении сотрудника ФПС после проведения аттестации. Верховный Суд РФ указал на особенности правильного проведения аттестации как ключевой инструмент для определения соответствия сотрудников должности и возможности продолжения ими службы. Нарушение процедуры аттестации приводит к неправомерному увольнению и судебным разбирательствам. Правильное проведение аттестации, учет законных прав и интересов аттестуемых гарантируют объективное принятие решения о досрочном увольнении сотрудника.

На основании рассмотренных примеров из судебной практики становится очевидным, что неукоснительное соблюдение правил и предосторожностей в отношении ограничений и запретов, требований о предоставлении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнении обязанностей, установленных в условиях противодействия коррупции и процедуры аттестации, является значимым вопросом поддержания дисциплины среди сотрудников и работников МЧС России. Для соблюдения законодательства и эффективной работы организации сотрудники и работники должны информировать о своей заинтересованности и принимать все возможные меры с целью предотвращения конфликта интересов в соответствии с применимыми правовыми нормами. Результаты проведенного анализа судебной практики, а также изученные исследования в исследуемой области позволяют заключить, что необходимо не только осуществлять контроль за соблюдением дисциплины личным составом, но и проводить профилактические разъяснительные мероприятия.

Список источников

1. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 20.04.2024).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=m0m9smjyw4825838382 (дата обращения: 20.04.2024).
3. Бутков П. С. Некоторые проблемные аспекты понятия «дисциплинарный проступок» в трудовом праве Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2004. № 1. С. 39–43.
4. О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 23 мая 2016 г. № 141-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195/?ysclid=m0m9vwh0ty225744738 (дата обращения: 20.04.2024).
5. Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: приказ МЧС России от 17 октября 2016 г. № 550 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71534254/?ysclid=m0m9uliwpr123987413> (дата обращения: 20.04.2024).
6. Обзор практики по рассмотрению в 2012–2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков: утв. Президиумом Верховного Суда

- РФ 30 июля 2014 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70606874/> (дата обращения: 20.06.2024).
7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (дата обращения: 20.06.2024).
 8. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/?ysclid=m0ma2h8s69698159213 (дата обращения: 20.06.2024).
 9. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15 ноября 2017 г. // Верховный Суд РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/24404/?ysclid=m0ma4gen8h187446991> (дата обращения: 20.06.2024).

References

1. On the civil service system of the Russian Federation. Federal Law of May 27, 2003 No. 58-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
2. Labor code of the Russian Federation. Federal Law of December 30, 2001 No. 197-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=m0m9smjyw4825838382 (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
3. Butov P.S. Some problematic aspects of the concept of "disciplinary offense" in the labor law of the Russian Federation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2004;(1):39-43. (In Russ.).
4. On service in the federal fire service of the State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Federal Law of May 23, 2016 No. 141-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_198195/?ysclid=m0m9vwh0ty225744738 (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
5. On approval of the Procedure for conducting an official investigation in the system of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated October 17, 2016 No. 550. Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/71534254/?ysclid=m0m9uliwpr123987413> (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
6. Review of practice in considering cases in 2012-2013 on disputes related to bringing state and municipal employees to disciplinary responsibility for committing corruption offenses. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 30, 2014. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70606874/> (accessed on 20.06.2024). (In Russ.).
7. On the state civil service of the Russian Federation. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ. Official website of the President of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21210> (accessed on 20.06.2024). (In Russ.).
8. On municipal service in the Russian Federation. Federal Law of March 2, 2007 No. 25-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/?ysclid=m0ma2h8s69698159213 (accessed on 20.06.2024). (In Russ.).
9. Review of the practice of consideration by courts of cases on disputes related to the service of federal civil servants (employees of internal affairs agencies, employees of the penal system, employees of the Investigative Committee of the Russian Federation, employees of other bodies in which federal civil service is provided). Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 15, 2017. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/24404/?ysclid=m0ma4gen8h187446991> (accessed on 20.06.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

О. С. Маторина — начальник сектора; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; РИНЦ Author ID: 953884;

Н. В. Перегудова — начальник отдела; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12;

О. Г. Меретукова — старший научный сотрудник; 143903, Московская область, Балашиха, мкр. ВНИИПО, д. 12; РИНЦ Author ID: 1024902.

Information about the authors

O. S. Matorina — head of the sector; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia; RSCI Author ID: 953884;

N. V. Peregudova — department head; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia;

O. G. Meretukova — senior researcher; 12 mkr. VNIPO, Balashikha, Moscow region 143903, Russia; RSCI Author ID: 1024902.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 343.103

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-548-559

Залог имущества как мера, обеспечивающая возмещение вреда потерпевшему

Дмитрий Алексеевич Кузнецов¹, Оксана Алексеевна Чабукиани^{2, 3}✉

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, 79818103325@yandex.ru

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, oksana_kartohina@mail.ru✉, <https://orcid.org/000-0003-0035-4469>

³ Санкт-Петербургский университет технологий, управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье утверждается, что восстановление ущерба, причиненного преступлением, защита прав потерпевшего — одно из назначений уголовного судопроизводства. В некоторых случаях, даже при позитивном посткриминальном поведении, подозреваемый, обвиняемый не может компенсировать ущерб в связи со своим материальным положением. Для стимулирования позитивного поведения следует предусмотреть альтернативные меры уголовно-правового характера, позволяющие после заключения соглашения о возмещении вреда определить порядок выплат, в том числе путем отсрочки или рассрочки.

Ключевые слова: альтернатива наказанию, залог имущества, возмещение вреда, защита прав потерпевшего, поощрительные меры

Для цитирования: Кузнецов Д. А., Чабукиани О. А. Залог имущества как мера, обеспечивающая возмещение вреда потерпевшему // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 548–559. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-548-559>

Original article

Pledge of property as a measure ensuring compensation for harm to the victim

Dmitry A. Kuznetsov¹, Oksana A. Chabukiani^{2, 3}✉

¹ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, 79818103325@yandex.ru

² Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg, Russia, oksana_kartohina@mail.ru✉, <https://orcid.org/000-0003-0035-4469>

³ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article states that compensation of damage caused by a crime and defense of rights of the victim are key objectives of criminal proceedings. In some cases, even with positive post-criminal behavior, the suspect or accused may be unable to compensate for the damage due to their financial situation. To encourage positive behavior, alternative criminal-legal measures should be considered. These measures could establish a structured order of payments following an agreement on harm compensation, including options for deferment or installment.

Keywords: alternative to punishment, pledge of property, compensation for harm, defense of rights of the victim, incentive measures

For citation: Kuznetsov D.A., Chabukiani O.A. Pledge of property as a measure ensuring compensation for harm to the victim. *Sociology and Law. 2024;16(4):548-559*. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-548-559>

Введение

Целью исследования является обоснование необходимости предусмотреть альтернативные способы возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением. Полагаем возможным разработать общую концепцию залога имущества как иной меры уголовно-процессуального характера, в рамках которой подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, заключив соглашение о возмещении вреда, брал бы на себя соответствующие обязательства. Отличие такой меры от наложения ареста на имущество видим в основаниях, порядке применения и целях, которыми руководствуется следователь, дознаватель или суд при принятии данного решения. При поддержке предложения целесообразно предусмотреть механизм регулирования и снятия, а также возможность переноса залога с одного имущества на другое. Такая поощрительная мера позитивного посткриминального поведения подозреваемого, обвиняемого, подсудимого скажется на объеме возмещенного ущерба потерпевшему, количестве лиц, в отношении которых может быть применена альтернатива наказанию, и приведет к иным позитивным эффектам.

Материалы и методы

Анализ судебной статистики с 2017 по 2023 г. по количеству решений о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа показал, что такая мера востребована. Вместе с тем статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (РФ) свидетельствует о том, что ежегодно в удовлетворении около 800–850 ходатайств о прекращении уголовного преследования в связи с возможностью применения уголовно-правовой меры отказывают.

Изучение состояния преступности в России с 2020 г. говорит о том, что материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам составляет свыше 580 млн в год. При этом более половины зарегистрированных преступлений — это преступления против собственности. Большая часть ущерба потерпевшим не возмещена. Опросы двадцати следователей органов внутренних дел территориальных подразделений Санкт-Петербурга и Ленинградской области показали, что причина невыплат заключается не только в негативном посткриминальном поведении, но и фактической невозможности разово выплатить соответствующий ущерб. Результаты дали основание предположить необходимость альтернатив действий, позволяющих обеспечить возмещение вреда.

Обсуждение

Уголовно-правовая политика государства сегодня направлена на расширение альтернатив наказанию в аспекте возможного поощрения позитивного посткриминального поведения лица, совершившего общественно опасное деяние. Это выражено в реформировании уголовного и уголовно-процессуального законодатель-

ства. В частности, путем введения ст. 76¹ и 76² Уголовного кодекса (далее — УК) РФ, ст. 25¹ Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) РФ. Институт восстановления ущерба в уголовном судопроизводстве (восстановительное правосудие) в настоящее время нельзя признать по содержанию однородным и полностью сформированным. Согласно с мнением М. Ю. Юсупова [1, с. 125] о том, что институт судебного штрафа предусмотрен в целях восстановления нарушенных прав потерпевшего и стимулирования подозреваемого, обвиняемого, подсудимого к положительному посткриминальному поведению. Уголовное наказание, хотя и является основной формой реализации уголовной ответственности, но не единственной [2, с. 116] в достижении задач по охране уголовно-правового объекта (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Поддерживаем В. Ю. Стельмаха в том, что законодатель не ограничил применение альтернатив наказанию конструкцией состава инкриминируемого преступления [3, с. 118–119].

При изучении научной литературы (работ Ф. Н. Багаутдинова, Б. Б. Булатова, Л. В. Головки, А. А. Давлетова, А. Г. Соловьева, А. А. Хайдарова, М. Ю. Юсупова), правоприменительной практики (исследовано 50 решений судов о прекращении уголовных дел судом с обвинением в отношении лиц с назначением меры уголовно-процессуального характера в виде судебного штрафа) установлено, что новая альтернатива применяется по нескольким видам преступлений (в основном в сфере экономики) и имеет положительные тенденции. В изученных постановлениях судов сумма ущерба потерпевшему оценена от 5 тыс. до 4 млн руб.

Судебная статистика также подтверждает востребованность судебного штрафа. В 2017 г. в отношении лиц в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа прекращено 18 346 уголовных дел, 2018 г. — 32 050, 2019 г. — 51 213, 2020 г. — 57 061, 2021 г. — 36 791, 2022 г. — 20 171, 2023 г. — 17 844 [4]. В соответствии с приведенной статистикой Судебного департамента при Верховном Суде РФ ежегодно суды отказывают в удовлетворении около 800–850 ходатайств участников о прекращении уголовного преследования в связи с возможностью применения уголовно-правовой меры в виде судебного штрафа. Полагаем, что процент отказа применения альтернатив наказания может быть меньше, если предусмотреть возможность подтверждения возмещения ущерба путем заключения соглашения о залоге имущества подозреваемого, обвиняемого, подсудимого в аспекте подтверждения последующей компенсации причиненного ущерба потерпевшему. Идея заключения соглашений об определении порядка возмещения ущерба или иного заглаживания причиненного вреда преступлением не нова. Так, модель возможных примирительных процедур представлена в диссертационном исследовании М. Н. Таршевой «Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве», подготовленном под научным руководством О. И. Цоколовой (2022).

Учитывая, что материальный ущерб по оконченным и приостановленным уголовным делам в 2023 г. составил 587 570 938 руб. [5], при этом более половины зарегистрированных преступлений — преступления против собственности (53,5 %) [5], многие из которых относятся к категории небольшой и средней тяжести, то предусмотренные альтернативы наказания выступают эффективным способом стимулирования действий подозреваемого, обвиняемого, подсудимого по возмещению потерпевшему причиненного имущественного ущерба. Но не все имеют финансовую возможность выполнить такие действия сразу в рамках производства по уголовному делу и рассмотрения его по существу. Сегодня различного рода обязательства лица, совершившего преступление, его обещания возместить или загладить причиненный вред в будущем не являются обязательствами, дающими основания для освобождения такого лица

от уголовной ответственности (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в редакции от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»). Но даже при выплате штрафа возможны рассрочки и отсрочки.

Такая трактовка Верховного Суда РФ видится оправданной, она продиктована в том числе негативным опытом, при котором обвиняемые обещали потерпевшему загладить причиненный вред, начинали выплачивать определенные суммы. Если уголовное дело было прекращено по нереабилитирующим основаниям, выплаты прекращали. Взыскать оставшуюся часть потерпевшие не могли, поскольку участник и его защитник предоставляли копии материалов уголовных дел, согласно которым потерпевший давал согласие на такое прекращение и указывал, что претензий не имел.

Но изменение законодательства по вектору гуманизации и альтернатив уголовному наказанию приводит к необходимости переосмысления ряда институтов. Считаем возможным разработать общую концепцию залога имущества как иной меры уголовно-процессуального характера, выступающей гарантией возможности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого возместить ущерб. Наличие такого залога возможно предусмотреть в рамках заключения соглашения о порядке возмещения ущерба. Залог имущества будет отличаться от наложения ареста на имущества основаниями, порядком применения и целями, которыми руководствуется следователь, дознаватель или суд при принятии данного решения.

Гражданско-правовые конструкции способов обеспечения исполнения обязательства, а также залог известны давно. Перечень способов обеспечения исполнения обязательства в соответствии с ч. 1 ст. 329 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ открыт. Согласно ст. 334 ГК РФ под залогом понимают право залогодержателя получить преимущественное (по отношению к другим кредиторам) удовлетворение у должника (залогодателя) в случае неисполнения им обязательства. Близким по правовой природе к залого, но отраженным в уголовном процессе, является поручительство (ст. 361–367 ГК РФ). Р. С. Бевзенко определял залог как особое ограниченное вещное право, содержанием которого является правомочие обладателя на распоряжение вещью и присвоение себе предмета залога в счет погашения долга, преимущественно перед другими кредиторами залогодателя [6, с. 136]. Между тем правовая природа залога определяется в доктрине по-разному: как ограниченное вещное право, как обязательственное право (договор) и как секундарное право [6, с. 133]. Не будем углубляться в доктрину цивилистики, чтобы не отойти от основного предмета исследования. Однако стоит указать, что под предмет залога попадает имущество (перечень которого шире понятия «вещь»). Кроме того, Е. В. Косенко обосновала возможность введения в ГК РФ совокупного залога (посредством нескольких вещей) [7, с. 8]. Относительно влияния введения этой правовой меры на гражданский оборот в виде наибольших правовых рисков для третьих лиц ранее Н. О. Егорова обосновала необходимость регистрации залога на транспортные средства [8, с. 10], что вполне может быть распространено и на любой иной предмет залога. Да и вопрос о природе залога, независимо от того, считать ли это вещным или обязательственным правом, для уголовного права, на наш взгляд, существенного значения не имеет.

Обратим внимание и на понимание залога как меры пресечения в уголовном процессе. В соответствии со ст. 106 УПК РФ залог представляет собой передачу имущества государству в обеспечение явки подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу, а также для предотвращения новых преступлений и препятствия расследованию уголовного дела. Существуют и иные трактовки понятия, напри-

мер с формулировкой «имущественная мера уголовно-процессуального пресечения...» [9, с. 8], смещающие фокус внимания на имущественном содержании меры пресечения.

Кратко рассмотрим содержание понятия «иные меры уголовно-правового характера». М. Ф. Костюк пишет о том, что иные меры уголовно-правового характера — особая форма реализации уголовной ответственности, которой присущи различные ограничения личного и имущественного характера, являющие собой последствие совершения преступления [10, с. 261]. Э. Л. Биктимеров предлагает следующее определение иным мерам уголовно-правового характера: «Иные меры уголовно правового-характера — это меры государственного уголовного принуждения, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, применяемые на основании определения или приговора суда в целях исправления лица, совершившего уголовное правонарушение, обеспечения безопасности общества и предотвращения совершения повторных преступлений и общественно опасных деяний» [11, с. 8]. Как утверждает К. Н. Карпов, иные меры уголовно-правового характера объединяют в себе меры воздействия, не являющиеся уголовным наказанием, но возлагающие на лицо обязанности, которые он должен выполнять, или обязательства, которые он должен соблюдать; понятие как таковое является собирательным и означает все меры, не относящиеся к наказанию [12; 13]. Т. М. Калинина определяла иные меры уголовно-правового характера как меры принуждения, не являющиеся наказанием, назначенные судом в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, направленные на восстановление справедливости, социальную реабилитацию и предупреждение общественно опасных деяний [14, с. 115]. Т. В. Непомнящая предоставила следующее определение в отношении иных мер уголовно-правового характера: «это предусмотренные в уголовном законодательстве меры, применяемые к лицам, совершившим преступления...» [2, с. 115–116]. Не считаем необходимым с учетом ограниченности объема и задач исследования вдаваться в подробности дискуссии об объеме понятия «иные меры уголовно-правового характера». Обратим внимание на то, что дискуссия продолжается в научной доктрине в настоящее время и в дальнейшем не будет завершена.

Отдельно рассмотрим цели применения залога в уголовном процессе в виде иной меры, а также конфискации имущества (как одной из иных мер уголовно-правового характера) и судебного штрафа. Цели этих мер различны. В частности, конфискация, по Д. А. Безбородову [15, с. 55], предполагает карательное воздействие и превентивное с целью предотвращения деяний (основным отличием залога от конфискации служит не изъятие у собственника в пользу государства имущества, находящегося в залоге). С. В. Анощенкова понимает под судебным штрафом гармонизацию и либерализацию уголовного права, стремление сократить количество криминалитета [16]. Залог, как мера пресечения, по мнению К. М. Жунусова [17, с. 57], представляет собой психологическое воздействие с целью обеспечения надлежащего поведения, явки лица, находящегося под следствием (вместе с тем автор указывает на недопустимость утверждения о том, что залог в виде меры пресечения нужен для возмещения вреда потерпевшему). В отличие от перечисленных выше институтов, иные меры уголовно-правового характера, по свидетельству А. А. Павловой, выполняют цели, совпадающие с целями уголовного закона, однако не предполагают карательной функции (охранительной, предупредительной, компенсаторной) [18, с. 12]. В ранее упомянутой работе Э. Л. Биктимеров указывал на цели применения иных мер уголовно-правового характера, как защиту и обеспечение безопасности общества, исправление лица, совершившего уголовно наказуемое

деяние [11, с. 9]. С. Ю. Оловенцова, исходя из целей применения, классифицировала иные меры уголовно-правового характера на превентивно-воспитательные, исправительно-предупредительные, социально-восстановительные, лечебно-профилактические [19, с. 10]. К. Н. Карпов классифицировал иные меры уголовно-правового характера, в зависимости от целей, на меры безопасности, меры, стимулирующие правомерное поведение, и меры, восстанавливающие экономические правоотношения, нарушенные в результате совершения преступления [12, с. 8]. Уголовный залог можно относить и к субсидиарным мерам уголовно-правового характера, которые описал С. А. Корнеев в диссертации, понимая под ними меры государственного принуждения, назначаемые судом осужденному, освобожденному от отбытия наказания [20, с. 9].

Если предусмотреть гарантией возмещения ущерба залог имущества, то не сложно обнаружить, что с его помощью можно возмещать вред, причиненный совершением преступлений, решить ряд проблем, порождаемых гражданскими исками в рамках уголовного процесса, обеспечивать возмещение ущерба в ситуациях, если участник не может сразу предоставить в целом сумму потерпевшему. Это может стать актуальным не только при решении судом возможности применения альтернативы наказания по правилам, предусмотренным ст. 76² УК РФ, но и ст. 76¹ УК РФ. Однако залог как имеющаяся мера пресечения и залог имущества как средство возмещения вреда несут несколько разные цели. Целесообразность компенсации вреда потерпевшему из стоимости предмета залога, если осужденный этого не делает или сделать не может, подлежит более подробному, самостоятельному обсуждению, поскольку это приведет к несколько иным целям предлагаемого нами института. В каких случаях данную «функцию» можно реализовать? Если мы изначально предусматриваем возмещение вреда потерпевшему из стоимости предмета залога, то цель с превенции и предупреждения смещается на возмещение вреда и восстановление порядка, существовавшего до совершения деяния. Не приведет ли это к снижению эффективности данной меры и не стоит ли подобную возможность предусматривать лишь в случае, если лицо нарушило уголовное законодательство, не превращая данный институт в средство возмещения ущерба потерпевшему? Вопрос остается открытым.

Уголовный залог от гражданского иска отличается тем, что гражданские иски в уголовном процессе направлены в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда № 23 от 13 октября 2020 г. [21] на защиту интересов широкого круга лиц, а не только потерпевшего, с помощью гражданского иска может быть взыскан моральный вред (в том числе причиненный третьим лицам — родственникам потерпевшего по п. 14 этого же постановления). Да и основной целью гражданского иска в уголовном процессе выступает именно возмещение вреда [22, с. 65]. В советский период С. А. Альперт концентрировал внимание при определении гражданского иска в уголовном процессе на том, что это требование потерпевшего о возмещении понесенного им вреда к обвиняемому, рассматриваемое совместно с уголовным делом [23, с. 3]. Аналогичное определение предлагал А. Г. Мазалов [24, с. 4]. Кроме того, производство по гражданскому иску нередко выделяют, и в дальнейшем суд рассматривает его в отдельном деле, что не может способствовать рациональному распределению ресурсов судебной системы. Применение залога имущества как меры возмещения потерпевшему ущерба, на наш взгляд, способно разгрузить уголовное судопроизводство за счет уменьшения исков, подаваемых в рамках уголовного дела, а также предоставляет потерпевшему дополнительное средство возмещения вреда, которое будет находиться под контролем и надзором должностных лиц органов уголовного преследования и суда. Дополнительными эффектами от введения уголовного залога могут стать

индивидуализация наказания или применения его альтернатив и сокращение количества лиц, впервые отбывающих наказание в местах лишения свободы, обеспечение равенства между лицами, которые могут сразу компенсировать ущерб потерпевшему, и тем, кто это может сделать на протяжении более длительного периода. Тем более что штраф может быть назначен с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет. Аналогичную практику можно распространить и на альтернативы наказанию.

В случае, если залог имущества будет выступать и средством возмещения вреда потерпевшему, необходимо внести в ст. 2 УК РФ изменения, направленные на закрепление, как одну из основных целей уголовного закона при восстановлении порядка, существовавшего до деяния, и возмещении определенного ущерба (своего рода реституция в сфере уголовного права).

Кроме того, если применить, даже самым минимальным и простейшим образом, экономический анализ права [25, с. 11], становится очевидным, что мера будет крайне эффективной, если ее использовать с учетом того, к каким ресурсам она применима. Если мы говорим о предпринимателе как лице, подлежащем уголовной ответственности, эффективнее будет обеспечить воздействие на самый ценный для него ресурс — время. Если это невозможно, целесообразно увеличить риски, связанные с изъятием имущества в пользу государства (посредством уголовного залога). Вследствие этого осужденный вынужден будет добросовестнее относиться к исполнению законодательства в дальнейшем. Вместе с тем могут увеличиться и издержки производства, и объем ресурсов, выводимых в амортизационные фонды предприятия или из предприятия, чтобы обезопасить производство и сохранить часть необходимого капитала. В связи с этим наиболее эффективно мера будет работать в совокупности с мерами, направленными на улучшение уголовно-правовой защиты бизнеса.

Таким образом, залог имущества как мера возмещения ущерба потерпевшему в уголовном процессе — передача в залог имущества (или части имущества) с сохранением права пользования (или изъятием имущества у собственника) и передачи государству до тех пор, пока лицо, совершившее общественно опасное деяние, не исполнит обязательства по возмещению вреда или не истечет срок условного осуждения. При этом осужденному назначают только лишение свободы условно. Расходы по содержанию имущества несет лицо, совершившее преступление. В случае невозможности содержать имущество обязанности несет государство, а впоследствии такое имущество по истечении срока, на который оно передано в залог или реализуется, или осужденному предоставляют право возместить расходы на его содержание.

Данная мера может быть применима только к преступлениям небольшой и средней тяжести, при отсутствии рецидивов преступлений и в сочетании с условным осуждением. Иными словами, суд по собственной инициативе или ходатайству подозреваемого, обвиняемого, другого физического либо юридического лица заключает соглашение о залоге имущества в качестве меры, обеспечивающей возмещение вреда потерпевшему. В залог может быть передана часть имущества, стоимость которого покрывает реальный ущерб, причиненный деянием, в случаях, если его можно оценить или подсчитать (а равно в иных допустимых случаях, если у лица имеется имущество в значительном объеме, которое может быть подвергнуто залогоу, с целью гарантии возможности возместить ущерб в полном объеме за определенный период). Оно остается в залоге у государства до тех пор, пока лицо, совершившее преступление, не исполнит в полной мере обязанность возмещения вреда перед потерпевшим или не отбудет назначенное условно наказание.

При неисполнении обязанности по возмещению вреда, причиненного деянием, совершении административных правонарушений или нового общественно опасного деяния (умышленно) имущество, находящееся в уголовном залоге, подлежит реализации судебными приставами, по итогам которой сумму, не выплаченную потерпевшему, возмещают из стоимости имущества, а оставшуюся часть передают в доход в государства. Возможен и иной подход, при котором денежные средства, не направленные на возмещение вреда потерпевшему, возвращают собственнику реализованного имущества.

Перечень имущества, не подлежащего уголовному залогу, должен быть определен в соответствии с содержанием ст. 101 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [26] и ч. 2 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК) РФ [27], раскрывающей перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание. Перечень имущества и объем залога определяет суд, исходя из объема ценностей и значимости имущества для лица, совершившего деяние.

Задачей предлагаемого нами залога служит не только возмещение вреда, но и предупреждение преступлений (возможна обратная расстановка приоритетов) посредством создания дополнительного сдерживающего фактора, а также предоставление суду дополнительной возможности воздействовать на лиц, совершивших общественно опасное деяние впервые, не применяя реального лишения свободы (для большинства лиц наиболее весомый мотиватор — деньги). Условием может выступить совершение деяния причиняющего непосредственный, оценимый ущерб, и лишь в случаях, если реализация предмета залога не приведет к утрате единственного жилья (если оно не чрезвычайно дорогое и не превышает существенно норм жилищного законодательства), средств к существованию или единственного источника дохода.

Факт неисполнения обязанностей перед потерпевшим суд отражает в постановлении на основании ходатайства, поданного лицом, признанным потерпевшим по уголовному делу. Если у подозреваемого, обвиняемого, осужденного нет средств к существованию, суд не применяет положений о залоге имущества. Аналогично суд поступает и в случае, если средств для применения данной меры недостаточно.

Выводы

Таким образом, предлагаем предусмотреть отсрочку исполнения альтернатив уголовного наказания при заключении соглашения о порядке возмещения вреда потерпевшему, в рамках которого применен залог имущества, как иной меры уголовно-процессуального принуждения. Имущество, которое может быть предоставлено в залог, а также процессуальный порядок могут быть аналогичны в случае залога как меры пресечения. Существенное отличие будет состоять в целях и правилах реализации при нарушении взятых на себя в рамках соглашения обязательств.

Если инициатива вводимой меры найдет поддержку, необходимо будет разработать механизм регулирования и снятия, а также переноса залога с одного имущества на другое, порядок процедуры, предусмотреть возможность преждевременного снятия уголовного залога имущества с регламентацией процедур в УПК РФ под руководством и контролем суда. Наиболее удобной будет подача ходатайства об этом в суд, вынесший последнее решение по данному уголовному делу. Если решение оспорено, то вопрос об изменении предмета залога или снятии залога должен быть решен судом первой инстанции.

Введение залога имущества как меры возмещения ущерба потерпевшему может позитивно отразиться на состоянии экономической преступности, количестве

лиц, находящихся в местах лишения свободы, расходах бюджета на содержание осужденных, возмещении вреда потерпевшему в полном объеме, а также будет способствовать иным позитивным эффектам.

Список источников

1. Юсупов М. Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Уголовное право. 2016. № 6. С. 122–128.
2. Непомнящая Т. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 114–121. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121
3. Стельмах В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 117–129.
4. Судебная статистика // Судебный Департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.07.2024).
5. Состояние преступности в России // Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/folder/101762> (дата обращения: 20.07.2024).
6. Бевзенко Р. С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции. СПб.: Legal Academy, 2022. 554 с.
7. Косенко Е. В. Залог недвижимости по гражданскому праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 26 с.
8. Егорова Н. О. Залог транспортного средства как способ обеспечения исполнения кредитного договора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
9. Богданчиков С. В. Залог в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
10. Костюк М. Ф., Батанов А. Н., Посохова В. А., Калинина Т. М. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера. М.: Проспект, 2011. 319 с.
11. Биктимеров Э. Л. Иные меры уголовно-правового характера и их роль в осуществлении задач уголовного права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.
12. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 22 с.
13. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 208 с.
14. Калинина Т. М. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
15. Безбородов Д. А., Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2015. 79 с.
16. Анощенкова С. В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 114–125. DOI: 10.12737/article_59522f98a00977.62119826
17. Жунусов К. М. Цели применения меры пресечения «залог» в российском уголовном праве // Достижения науки и образования. 2018. Т. 1. № 7. С. 56–58.
18. Павлова А. А. Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
19. Оловенцова С. Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 24 с.
20. Корнеев С. А. Уголовная ответственность и иные меры уголовно-правового характера в структуре уголовно-правового воздействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2021. 25 с.
21. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 // Российская газета. 2020. 23 октября. URL: <https://rg.ru/documents/2020/10/23/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 20.07.2024).

22. Русман Г. С. Проблемы разрешения гражданского иска при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 43. С. 64–66.
23. Альперт С. А. Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления: лекции. Харьков: Изд-во Харьковского юридического института, 1984. 36 с.
24. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юридическая литература, 1977. 176 с.
25. Шмаков А. В. Экономический анализ права: учеб. пособие. М.: Магистр: Инфра-М, 2011. 317 с.
26. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
27. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 26.10.2024) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12128809/> (дата обращения: 26.10.2024).

References

1. Yusupov M.Yu. Issues of application of new type of release of criminal liability with imposition of a court fine. *Ugolovnoe pravo*. 2016;(6):122-128. (In Russ.).
2. Nepomnyashchaya T.V. Other measures of criminal-legal nature: Definition, legal nature, system. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*. 2017;1(1):114-121. (In Russ.). DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).114-121
3. Stelmakh V.Yu. Procedural aspects of the termination of criminal prosecution with the appointment of a judicial fine. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Juridical Journal*. 2018;(6):117-129. (In Russ.).
4. Judicial statistics. Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed on 20.07.2024). (In Russ.).
5. The state of crime in Russia. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (accessed on 20.07.2024). (In Russ.).
6. Bevzenko R.S. Property security: Pledge, lien and title security structures. St. Petersburg: Legal Academy; 2022. 554 p. (In Russ.).
7. Kosenko E.V. Mortgage of real estate under the civil law of the Russian Federation. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Saratov: Saratov State Academy of Law; 2004. 26 p. (In Russ.).
8. Egorova N.O. Pledge of a vehicle as a way to secure the execution of a loan agreement. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2007. 26 p. (In Russ.).
9. Bogdanchikov S.V. Pledge in criminal proceedings. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2009. 23 p. (In Russ.).
10. Kostyuk M.F., Batanov A.N., Posokhova V.A., Kalinina T.M. The concept and types of other measures of a criminal-legal nature. Moscow: Prospekt; 2011. 319 p. (In Russ.).
11. Biktimerov E.L. Other measures of criminal law nature and their role in the implementation of the tasks of criminal law in Russia. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Saratov: Saratov State Academy of Law; 2009. 26 p. (In Russ.).
12. Karpov K.N. Other measures of a criminal-legal nature as a means of combating the commission of crimes. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2011. 22 p. (In Russ.).
13. Karpov K.N. Other measures of criminal law nature: System, types. Moscow: Yurлитinform; 2012. 208 p. (In Russ.).
14. Kalinina T.M. Other measures of criminal law nature: Problems of theory, legislative regulation and practical application. Moscow: Yurлитinform; 2014. 288 p. (In Russ.).
15. Bezborodov D.A., Zarubin A.V. Other measures of criminal law nature: Concept, features and types. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 2015. 79 p. (in Russ.).

16. Anoshchenkova S.V. Infliction of the judicial penalty: Theory and practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2017;(7):114-25. (In Russ.). DOI: 10.12737/article_59522f98a00977.62119826
17. Zhunusov K.M. The purposes of applying the preventive measure “bail” in Russian criminal law. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya = Achievements of Science and Education*. 2018;1(7):56-58. (In Russ.).
18. Pavlova A.A. Other measures of criminal law nature as an institution of criminal law. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: NRU HSE; 2011. 27 p. (In Russ.).
19. Oloventsova S.Yu. Other measures of a criminal-legal nature applied to minors. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; 2010. 24 p. (In Russ.).
20. Korneev S.A. Criminal liability and other measures of criminal law nature in the structure of criminal law impact. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service; 2021. 25 p. (In Russ.).
21. On the practice of courts considering a civil claim in a criminal case. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 13, 2020 No. 23. Rossiiskaya gazeta. Oct. 23, 2020. URL: <https://rg.ru/documents/2020/10/23/postanovlenie-dok.html> (accessed on 20.07.2024). (In Russ.).
22. Rusman G.S. Issues on civil claim adjudication at criminal case special procedure. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2012;(43):64-66 (In Russ.).
23. Alpert S.A. Protection in Soviet criminal proceedings of the rights and legitimate interests of persons who suffered property damage from a crime: Lectures. Kharkov: Kharkov Law Institute; 1984. 36 p. (In Russ.).
24. Mazalov A.G. Civil claim in criminal proceedings. 2nd ed. Moscow: Yuridicheskaya literature; 1977. 176 p. (In Russ.).
25. Shmakov A.V. Economic analysis of law. Moscow: Magistr; Infra-M; 2011. 317 p. (In Russ.).
26. On enforcement proceedings. Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ (as amended on April 1, 2020). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/12156199/> (In Russ.).
27. Civil procedure code of the Russian Federation. Federal Law of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on October 26, 2024). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/12128809/> (accessed on 26.10.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Кузнецов — аспирант кафедры гражданского и корпоративного права; 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21;

О. А. Чабукиани — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса (СПбУ МВД России); 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилутова ул., д. 1; доцент кафедры уголовного права и процесса (СПбУТУиЭ); 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Kuznetsov — postgraduate student; 21 Sadovaya st., St. Petersburg 191023, Russia;

O. A. Chabukiani — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure (Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia); 1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia; Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 23.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 23.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 346.546

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-560-572

Проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики

Алексей Сергеевич Вольнов¹, Алексей Валерьевич Далинин²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия

¹ 2772391@gmail.com

² marchenkovspb@mail.ru✉

Аннотация. Законодательство и политика в области конкуренции направлены на то, чтобы развивать, сохранять и поощрять конкуренцию на рынках, устанавливая и обеспечивая соблюдение запретов на деловую практику, которая может нанести ущерб конкуренции. Утверждается, что риск антиконкурентных практик увеличивается при наличии тенденции крупных цифровых компаний организовываться в форме конгломератов, диверсифицированных за счет разработки новых продуктов или услуг, включенных в их экосистему, а также за счет поглощений многообещающих стартапов, которые снижают конкуренцию на рынке. Их бизнес-модели специфичны, а использование технологий и данных усугубляет некоторые уже известные антиконкурентные практики и порождает новые. Рассмотрены большие данные как инструмент получения конкурентных преимуществ, проанализированы сложности интерпретации алгоритмов искусственного интеллекта в контексте квалификации действий компании как молчаливого сговора. Изучена проблема антимонопольного регулирования деятельности цифровых платформ в Европейском союзе (ЕС) и Китае. Авторы резюмируют, что некоторые компании стали «структурирующими» платформами на своем рынке. Регуляторам становится все труднее предпринимать эффективные действия, чтобы гарантировать конкурентное функционирование рынков, на которых активны эти платформы. Предлагается ряд регуляторных изменений.

Ключевые слова: цифровая экономика, конкуренция, защита конкуренции, цифровая трансформация экономики, цифровые платформы, большие данные

Для цитирования: Вольнов А. С., Далинин А. В. Проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 560–572. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-560-572>

Original article

Challenges in the legal regulation of competition in the context of the digital transformation of the economy

Alexey S. Volnov¹, Aleksey V. Dalinin²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,

St. Petersburg, Russia

¹ 2772391@gmail.com

² marchenkovspb@mail.ru✉

Abstract. Competition law and policy foster, maintain and encourage competition in markets by establishing and ensuring prohibitions on business practices that may harm competition. The risk of anticompetitive practices is shown to increase with the tendency of large digital companies to form diversified conglomerates by developing new products and services or acquiring promising start-ups that reduce competition in the market. These companies operate through unique business models, and their use of advanced technologies and data exacerbates existing anticompetitive practices while creating new ones. Big data is explored as a key tool for gaining competitive advantages, and the complexities of interpreting artificial intelligence algorithms are discussed, particularly in relation to tacit collusion. The study also investigates the antitrust regulation of digital platforms in the European Union (EU) and China, highlighting the emergence of dominant “structuring” platforms in the markets. The authors argue that ensuring competitive market functioning in the presence of these platforms has become increasingly difficult for regulators. A number of regulatory changes are proposed to address these challenges.

Keywords: digital economy, competition, protection of competition, digital transformation of the economy, digital platforms, big data

For citation: Volnov A.S., Dalinin A.V. Challenges in the legal regulation of competition in the context of the digital transformation of the economy. *Sociology and Law. 2024;16(4): 560-572.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-560-572>

Введение

Требование верховенства права подразумевает для достижения справедливых и равноправных решений вмешательство государства в экономическую и коммерческую деятельность отдельных лиц. Для именованя такого вмешательства используют термин «регулирование», который относится к поддержанию функционирования экономической системы в равновесии. Концепция экономического регулирования полагает важным существование необходимого баланса между вмешательством государства и предпринимательской свободой граждан, требует рационализации государственного управления. С юридической точки зрения регулирование связано с созданием независимых административных органов и четким отделением экономической инициативы на рынке от регуляторных решений по установлению правил, контролю за их соблюдением и разрешением конфликтов, возникающих при их интерпретации и применении.

Правовые нормы стремятся регулировать аспекты производственного процесса и присвоения ограниченных ресурсов, возникающие конфликты и планирование экономической деятельности, а также отношения, устанавливаемые между экономическими агентами с целью социального благополучия. Государственное регулирование должно везде преследовать одну и ту же цель: способствовать честной конкуренции между экономическими субъектами или в случае естественной монополии гарантировать прозрачность цен и уровня обслуживания.

Цифровая экономика, вероятно, является областью, в которой динамика и последствия концентрации являются наиболее структурными. Технологии позволяют компаниям собирать, хранить и использовать очень большие объемы данных, которые дают возможность этим хозяйствующим субъектам постоянно улучшать свою производительность, внося существенный вклад в обучение их алгоритмам. Эта экономика данных также является захватывающей и «бесплатной» для потребителей, поскольку они получают доступ к чрезвычайно эффективным услугам (среди них — поисковая система, картографирование, социальные сети и т. д.) без необходимости платить цену, если это происходит только посредством сбора личных данных. Данные всегда использованы компаниями

в рамках своей коммерческой деятельности, однако современные технологические разработки привели к экспоненциальному увеличению возможностей сбора, обработки и коммерческого использования последних во всех секторах экономики. Сегодня большие данные представляет собой важный фактор повышения конкурентоспособности компаний, в частности в аспекте улучшения предлагаемых продуктов и услуг, использования новых коммерческих возможностей (данные могут способствовать развитию рынков, которые все еще находятся в зачаточном состоянии), совершенствования экономических моделей, в зависимости от их цели, но и предоставляют обладателям этих данных широкие возможности для использования антиконкурентных схем.

Цифровые технологии частично избегают непреодолимых ограничений эффективности физических организаций. Промышленное предприятие, превышающее определенный размер, автоматически становится неэффективным. Иными словами, в физическом мире, начиная с определенного порога, эффект масштаба будет отрицательным. Иная ситуация наблюдается в отношении цифровых технологий, при которых экспоненциальное накопление данных в сочетании с развитием искусственного интеллекта, а завтра и квантовых вычислений, предполагает линейную эволюцию (или даже экспоненциальную в будущем) экономической эффективности. Затраты на цифровые услуги являются фиксированными. Об этом свидетельствует способность WhatsApp обслуживать два миллиарда пользователей лишь с помощью сотни сотрудников. Экономия за счет масштаба также позволяет этим игрокам разрабатывать ряд других цифровых услуг, создавая обширные экосистемы в рамках стратегии конгломерата, которая еще больше увеличивает сбор данных.

Поскольку цифровая экономика трансформирует традиционные бизнес-модели, антимонопольные органы в мире сталкиваются с новым набором проблем. Зачастую антимонопольные органы, эксперты и ученые не успевают изучить их и оперативно реагировать на вызовы, создаваемые крупными цифровыми платформами [1, с. 8]. В отечественной науке монографических исследований, посвященных регулированию конкурентных отношений в условиях цифровой трансформации, немного [1; 2].

Цель настоящей работы — изучение некоторых проблемы правового регулирования института конкуренции в условиях цифровой трансформации экономики.

Материалы и методы

В исследовании нами применен широкий спектр общенаучных методов познания, в том числе анализ, синтез, наблюдение, сравнение. Использованы и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования.

Обсуждение

Принцип свободной конкуренции служит частью набора конституционных норм, которые определяют российскую конституционную экономическую модель, а следовательно, экономическую жизнь страны. Конституция РФ предусматривает, что государство гарантирует поддержку конкуренции (ч. 1 ст. 8) и контролирует свободную конкуренцию, запрещая ее недобросовестные формы (ч. 2 ст. 34).

Этимологически слово «конкуренция» происходит от латинского глагола *concurrere*, что означает «соревнование, борьба, конфронтация». В самом общем смысле конкуренция определена как соревнование, соперничество между несколь-

кими людьми, преследующими одну и ту же цель, осуществляемое с целью получения преимущества [3, с. 23]. В экономической теории социальное благосостояние максимизируется в условиях конкуренции за счет достижения максимально возможной степени распределительной и производственной эффективности, а следовательно, и максимизации благосостояния потребителей. Свободная конкуренция выступает регулирующим институтом рынка, стимулом инноваций, технического и экономического прогресса [4]. Однако для того, чтобы эта конкуренция оставалась здоровой, компании должны соблюдать строгие правовые рамки, регулирующие коммерческую практику и отношения между субъектами рынка.

Легальное определение конкуренции дано в п. 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о конкуренции): «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на товарном рынке». Понятия «закон о защите конкуренции» и «свободная конкуренция» не представляют собой единую концепцию и охватывают две стороны рыночной экономики. Свободная конкуренция имеет двойное измерение: экономическое и юридическое. Это особый экономический институт организации бизнеса [5], на правовом уровне выраженный в гарантиях свободного осуществления экономической деятельности и в первую очередь направленный на защиту конкурирующих субъектов от государственного вмешательства.

Закон о защите конкуренции стремится поощрять социально эффективное экономическое поведение на благо потребителей, противостоять действиям, которые не носят такого характера. Защита конкурентного процесса тесно связана с защитой экономической свободы. Недостаточно защитить личность от власти Правительства, поскольку Правительство не единственная угроза правам и свободам граждан. Мощные экономические субъекты, например картели, естественные монополии, также могут ограничивать или уничтожать свободы, особенно экономические. Чрезмерно сконцентрированный рынок позволяет доминирующим субъектам ограничивать экономическую свободу более слабых участников рынка. В этом контексте рынок работает хорошо, если он приводит к исключению только самых неэффективных участников, поскольку гарантировано равенство возможностей, но не результата. В основе этого видения находится деонтологическое понимание конкуренции как процедуры. К тому же важной задачей является защита этой процедуры. Только при сохранении рыночной структуры, характеризующейся наличием достаточного количества конкурентов, экономика может функционировать как система сдержек и противовесов, в которой субъекты взаимно ограничивают свою рыночную власть.

Закон о защите конкуренции имеет два аспекта: как инструмент поддержания достаточной конкуренции на рынке и как инструмент противодействия недобросовестной конкуренции. Для поддержания и защиты механизма конкуренции законодатель регулирует поведение участников рынка, запрещая ряд индивидуальных или коллективных действий: социально неэффективные соглашения между хозяйствующими субъектами, которые ослабляют или ограничивают конкуренцию на рынке (ст. 11, 11.1 Закона о конкуренции); эксплуатацию доминирующего положения (ст. 10 Закона о конкуренции); недобросовестные практики, то есть любое поведение, которое направлено на отвлечение клиентов от рыночного агента незаконными средствами, противоречащими обычаям делового оборота, в том числе путем дискредитации, введения в заблуждение (глава 2.1 Закона о конкуренции); слияния и иные сделки свыше определенного законом

порога стоимости без разрешения антимонопольного органа (глава 7 Закона о конкуренции).

Действующие запреты и ограничения в области конкуренции в первую очередь ориентированы на традиционные рынки товаров и услуг. Влияние цифровой трансформации экономики на конкурентную политику, законодательные решения и правоприменительную практику остается дискуссионной проблемой.

Ключевой вопрос состоит в том, достаточно ли законодательство в области конкуренции адаптировано к специфике цифровых платформ. Закон должен быть способен «перерабатывать» технологии и регулировать их применение, чтобы минимизировать их риски и оптимизировать их преимущества. В контексте законодательства о конкуренции укажем, что среди ученых и практиков формируется консенсус, согласно которому оно должно развиваться так, чтобы адаптироваться к новой цифровой экономике. Обсуждается лишь регулятивная схема. В частности, следует ли принять новые правовые нормы или следует адаптировать существующий закон? В Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации (РФ) на период до 2030 г., утвержденной протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы (ФАС) России от 3 июля 2019 г. № 6, указано на необходимость модернизации антимонопольного законодательства для эффективного его применения в условиях цифровой экономики. Согласно словарям, модернизация — это процесс усовершенствования и обновления объекта в соответствии с накопленным опытом и требованиями современности [6]. Исходя из этого, считаем, что кардинальная реформа правил конкуренции не является необходимой и что законодательство о конкуренции не только не устарело, но содержит положения, пластичность которых позволяет эффективно адаптировать их к цифровым реалиям.

Российские антимонопольные органы (ФАС России) успешно переосмыслили свою позицию в аспекте развития цифровой экономики и смогли продемонстрировать способность пресечь антиконкурентное поведение ряда участников цифрового рынка. Об этом свидетельствуют решения ФАС: дело № 1-14-21/00-11-15 2015 г. (злоупотребление Google доминирующим положением, выраженное в запрете производителям смартфонов предустановку приложений других разработчиков); дело № 11/01/10-9/2019, 2019–2020 гг. (дискриминационный доступ к базам «Хэдхантер»); отказ в согласовании сделки на приобретение Yandex call-центров и программного обеспечения у компании «Везёт» в связи с потенциальным усилением доминирующего положения Yandex на рынке агрегации такси.

Вместе с тем не все критерии оценки деятельности традиционных рынков могут быть экстраполированы на цифровые компании, правовое регулирование конкурентных отношений имеет ряд недостатков с точки зрения выявления и пресечения антиконкурентной практики цифровых платформ. Поэтому обновление правовых норм имеет важное значение для преодоления слабых мест Закона о конкуренции.

Вмешательство в функционирование цифровой экономики посредством правовых норм, законодательных положений и институтов предполагает, во-первых, уяснение специфических для данной области антиконкурентных рисков; во-вторых, законодательное формирование адекватного терминологического аппарата; в-третьих, адаптацию и обновление действующего законодательства в области конкуренции в контексте первых двух пунктов с учетом международного опыта.

В современную цифровую эпоху данные генерируют с беспрецедентной скоростью. Согласно некоторым исследованиям, объем цифровых данных достиг 40–44 зеттабайт в 2020 г., а к 2026 г. возрастет до 163 зеттабайт. К тому же

прогнозируют, что темпы роста глобального рынка Big data будут на уровне 19,7 % ежегодно на период 2019–2025 гг., а в 2026 г. он превысит 90 млрд долл. [7; 8; 9; 10].

Указанное явление в основном подпитывается потребителями, которые генерируют около двух третей этих данных, оставшаяся треть производится компаниями и органами государственной власти. Такая информация, обычно называемая «большими данными», в дальнейшем генерируется с экспоненциальной скоростью, поскольку считают, что 90 % существующих в настоящее время данных создано за последние несколько лет.

С точки зрения компаний, данные могут быть одновременно товаром, инвестицией, ресурсом или валютой (вознаграждением за предлагаемые услуги, стоимость которых может значительно варьироваться). Закон о конкуренции и нормативные акты ФАС не содержат легального определения понятия «большие данные». Н. М. Чепурнова и В. О. Мурызева пишут, что «в нормативно-правовых актах Российской Федерации дано понятие обработки больших объемов данных, под которым понимается совокупность алгоритмов автоматической обработки больших массивов данных» при условии невозможности обработки такого массива вручную за ограниченное время [10, с. 37]. В научных исследованиях понятие «большие данные» объединяет массивы данных, алгоритмы их обработки и результаты такой обработки [10, с. 37]. Фактически большие данные — это огромные объемы структурированной и неструктурированной информации, которую организации собирают и обрабатывают ежедневно. Они охватывает все: от данных клиентов и публикаций в социальных сетях до данных датчиков и журналов работы оборудования. Основными характеристиками больших данных является не только их объем, но также разнообразие и скорость, с которой они генерируются.

Полагаем, для целей антимонопольного законодательства целесообразно провести дифференциацию больших данных, в зависимости от следующих факторов: характера их эмитента и типа информации, которую он о последнем предоставляет; ответа на вопрос о том, являются ли они персональными данными; их структурированности и объема; метода сбора, в зависимости от того, предоставлены они добровольно или собраны с помощью различных технологий, таких как файлы cookie, аутентификации для доступа к услуге и т. п. Каждый из этих сегментов больших данных интегрируется в механизмы защиты и поддержки конкуренции по-разному и имеет разные потенциальные риски. Так, многие цифровые компании находятся на двусторонних рынках: во-первых, они собирают данные, предоставляемые их пользователями, в обмен на услугу, зачастую бесплатную; во-вторых, они используют эти данные с профессиональными субъектами рынка, чаще всего с рекламными агентствами. Таким образом, возникает вопрос относительно координации положений законодательства о защите персональных данных, защите конкуренции, защите прав потребителей в интересах физических лиц (к примеру, от агрессивной и навязчивой рекламы). Нарушение требований о защите персональных данных может расцениваться как недобросовестная конкуренция, особенно в ситуациях прямого маркетинга, профайлинга, индивидуального ценообразования [11]. С точки зрения поддержки конкуренции должна быть законодательно предусмотрена возможность пользователя извлечь свои персональные данные и перевести их с одной цифровой платформы на другую.

Качество собранных данных и их объем, независимо от того, добровольно ли они переданы пользователями или выведены из поведения последних, может представлять собой значительное конкурентное преимущество на определенных рынках, потенциально препятствуя появлению новых игроков. К примеру, Google

и «Яндекс» генерируют объем, качество и разнообразие данных, которые трудно воспроизвести их конкурентам; обладают уникальным размером рекламных ресурсов, что связано с их высокой популярностью. В настоящее время у регулирующих органов нет критериев, позволяющих определить, какой именно объем и каких именно данных будет представлять угрозу конкуренции.

Массовый сбор данных в сочетании с разработкой новых технологий и методов анализа, частью которых служат алгоритмы, открывает исключительные перспективы развития для бизнеса, давая конкурентные преимущества «в части повышения операционной эффективности бизнеса, привлечения дополнительного потока клиентов, минимизации рисков и внедрения технологий анализа и прогнозирования данных» [12, с. 32]. Поэтому большие данные часто называют новым «черным золотом», новой валютой XXI века [13, с. 34]. Вместе с тем сбор и владение колоссальным количеством данных дает антиконкурентное преимущество, позволяющее блокировать доступ конкурентам к рынку, навязывать пользователям чрезмерные или невыгодные условия договора, связанные с предоставлением и последующей обработкой их данных [13], оказывать существенное влияние на способ оплаты труда участников рынка.

Компании, независимо от того, относится ли их деятельность к сфере цифровой экономики или на них влияет цифровизация экономики, понимают значимость больших данных. Поэтому основная тенденция в секторе — концентрация рынка. Заинтересованность в получении контроля над огромной базой данных, технологией или алгоритмом приводит к тому, что крупные компании склонны покупать более или менее небольшие стартапы, с высоким потенциалом, то есть с революционной моделью для накопления данных и технологий, но оборот которых не всегда значителен. К примеру, социальная сеть Facebook* купила WhatsApp, приложение для мобильного обмена сообщениями; «Яндекс» в разное время приобрел стартапы BandLink (инструмент для комплексного продвижения творчества артистов) и TheQuestion (сервис вопросов и ответов), технологии сервиса WebVisor (анализ действий посетителей сайта) и т. д. Однако такая концентрация неизбежно порождает опасения относительно сохранения правомерной конкурентной борьбы.

Контроль над расширением цифровых гигантов в значительной степени зависит от решения вопроса о пороговых значениях, с которых антимонопольные органы имеют право вмешиваться, чтобы не допустить чрезмерной экономической концентрации. Следует признать положительным моментом введение пятым антимонопольным пакетом в Закон о конкуренции нового критерия для согласования сделок с ФАС. Речь идет о цене сделки, которая должна превышать семь миллиардов рублей. Это позволит избежать ситуаций, аналогичных поглощению Instagram** компанией Facebook*, что не подпадало под юрисдикцию антимонопольных органов, поскольку Instagram** не приносил дохода. В цифровой экономике, естественной склонностью которой служит концентрация, границы цифровых гигантов постоянно расширяются, охватывая разнообразные виды деятельности: социальные сети, развлечения, электронную коммерцию, искусственный

* Социальная сеть Facebook, продукт компании Meta Platforms Inc., признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (Social media service, part of Meta Platforms Inc., added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

** Социальная сеть Instagram, продукт компании Meta Platforms Inc., признана экстремистской организацией и запрещена в Российской Федерации (Social media service, part of Meta Platforms Inc., added to the register of extremist organizations and banned in the Russian Federation).

интеллект, обмен контентом и т. д. Введение порога в виде цены сделки поможет распространить контроль за слияниями, осуществляемые в инновационных секторах, для которых оборот может быть низким. Вместе с тем не совсем ясна методология, в соответствии с которой порог определен в семь миллиардов рублей. Не потребуется ли установление пороговых значений, специфичных для цифрового сектора?

Сбор и использование данных повышают прозрачность рынка, позволяя потребителям эффективно сравнивать цены, товары и услуги. Однако следствием этого может стать увеличение риска согласованных действий между конкурентами, будь то спонтанное согласование (решение принимает участник сделки самостоятельно на основе собственных мотивов и имеющейся информации) и в данном случае законное либо молчаливый или очевидный сговор, а следовательно, запрещенный в контексте ст. 11 Закона о конкуренции. Проблема усугубляется развитием алгоритмов и искусственного интеллекта. Если цифровизация обеспечивает доступ в режиме реального времени к ценам всех участников на рынке, алгоритмы позволяют предвидеть поведение конкурентов в условиях ценовой политики. Тем самым антиконкурентные договоренности сложнее обнаружить, поскольку конкуренты могут использовать одни и те же алгоритмы. Таким образом, антимонопольным органам, вероятно, будет все сложнее провести грань между спонтанным согласованием и незаконным антиконкурентным соглашением.

Столкнувшись со сложностями интерпретации алгоритмов искусственного интеллекта, а также с необходимостью принятия быстрых решений в этом секторе деятельности, особенно важно, чтобы ФАС мог эффективно воспользоваться технической помощью в анализе данных, исходных кодах, компьютерных программах и алгоритмической обработке. Закон о конкуренции с июля 2023 г. позволяет антимонопольному органу назначить экспертизу. Проведение технической экспертизы в контексте аудита алгоритмов цифровой экономики с целью выявления соглашений между экономическими операторами представляется необходимым. В связи с этим насущной необходимостью видится разработка программного и методического обеспечения такой экспертизы для целей антимонопольных органов, подозревающих компании в совершении антиконкурентных действий посредством использования искусственного интеллекта.

Как пишут исследователи, в российском антимонопольном законодательстве идентификационные критерии, в соответствии с которыми действия субъектов на товарном рынке можно определить как антиконкурентные соглашения и согласованные действия (молчаливый сговор), определены нормативно и единообразно трактуются в правоприменительной практике, хотя и не лишены существенных недостатков [13].

Применительно к цифровой экономике ситуация несколько усложняется. Следует рассматривать три варианта. Первый состоит в том, что алгоритм и искусственный интеллект намеренно используют в качестве инструмента соглашения, например, если конкурирующие субъекты договариваются о выборе алгоритма для принятия общей цены продажи. Связи между субъектом и алгоритмом не расширяются, программа становится просто поддержкой для реализации ранее существовавшего соглашения. Второй сводится к тому, что конкуренты используют услуги сторонней платформы для установления своих цен. К примеру, каждый водитель такси индивидуально поручает алгоритму платформы задачу установить контакт с клиентами и определить цену поездки. Однако в таком сценарии можно подразумевать, что водители предположительно участвовали в соглашении о ценообразовании из-за отсутствия публичного дистанцирования или денонсации платформы. Третий вариант предусматривает, что каждая ком-

пания использует собственный интеллектуальный алгоритм, устанавливающий цену на товары и услуги с учетом других алгоритмов. Взаимодействие между алгоритмами поднимает вопрос о применимости статей 11, 11.1 и 13 Закона о конкуренции. Напомним, что соглашение и молчаливый сговор предполагают согласование волеизъявлений между экономическими субъектами. Однако, если в этом случае существуют коммуникации, то это — работа программ, а не их пользователей. Поэтому трудно рассматривать их как антиконкурентные соглашения и согласованные действия по смыслу антимонопольного законодательства. Вместе с тем параллелизм поведения (синхронные, единообразные действия) при отсутствии правдоподобных экономических объяснений, подкрепленный доказательствами сознательного использования алгоритмов для содействия выравниванию цен, может служить положительным индикатором согласованности действий между конкурентами, то есть свидетельствовать о наличии молчаливого сговора между ними. Полагаем, что методика действий антимонопольных органов во всех трех вышеуказанных ситуациях должна быть отражена в приказе ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 (в ред. от 12 марта 2020 г.) «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке».

Цифровая экономика тесно связана с концепцией цифровых платформ. Российский законодатель относительно недавно установил критерии, при которых цифровая платформа будет считаться доминирующим субъектом: выручка за последний календарный год должна превысить 2 млрд руб.; доля сделок, совершенных на платформе, должна составлять более 35 % от общего объема сделок на определенном товарном рынке; сетевой эффект позволяет оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, устранять или затруднять другим субъектам доступ на товарный рынок, на котором заключают сделки между продавцом и покупателем (Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ).

В научной литературе указанную новеллу критикуют по ряду причин. В связи с неопределенностью понятия «цифровая платформа», как пишут В. С. Белых, М. О. Болобонова и К. А. Коньков, установление соответствующих критериев выглядит преждевременным [14]. Не вполне понятны индикаторы оценки влияния сетевых эффектов. Открыт вопрос о том, что считать «решающим влиянием». Полагаем, эти параметры нужно установить в приказе ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220. Нет четкого понимания, какие действия (бездействие) платформы могут считаться установлением или поддержанием монопольно высокой или монопольно низкой цены товара (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о конкуренции), поскольку платформы, как правило, не устанавливают самостоятельно таких цен.

Обращаясь к мировой практике, рассмотрим особенности институционализации антимонопольного регулирования в цифровой экономике таких различных в плане баланса сил между государством и рынком государственных образований, как ЕС и Китай. Основой регулирования в ЕС служат Закон о цифровых рынках (DMA) 2020 г. [15], Закон о цифровых услугах (DSA) 2023 г., в Китае — Антимонопольные методические рекомендации Антимонопольного комитета Госсовета Китайской Народной Республики (КНР) для платформенной экономики 2021 г. [16] Указанные акты применяют дифференцированное регулирование цифровых платформ, позволяя влиять на вертикальную конкуренцию. DMA определяет перечень ключевых платформ (core platform), вводит концепцию «цифровых привратников» (gatekeepers). Привратники — это владельцы ключевых платформ, но не всех, а таких, которые занимают (или будут занимать) устойчивое положение, имеют значительный вес (влияние) на внутреннем рынке и обеспечивают бизнес-пользователям основную точку доступа для связи с конечными пользователями.

Значительное влияние, устойчивое положение и ключевой характер определены четкими пороговыми значениями. Так, одним из индикаторов влияния обозначена годовая выручка не менее 6,5 млрд евро за последние три финансовых года, устойчивое положение (регистрация как ключевой индикатор в течение трех лет), а ключевой характер — по количеству пользователей: не менее чем 45 млн активных конечных пользователей и более чем 10 тыс. активных профессиональных пользователей в год.

Вместе с тем европейские регуляторы, помимо количественных критериев, для признания статуса привратника могут учитывать качественные критерии. К ним отнесены влияние сетей, преимущества данных, эффект масштаба и стратегия вертикальной или конгломератной интеграции компании.

DMA накладывает на «привратников» ряд специфических обязательств, ограничивающих их чрезмерные конкурентные преимущества: введение обязательств по функциональной совместимости, открытие ряда услуг, таких как платежные услуги, переносимость данных и т. д. Европейская комиссия может налагать штрафы в размере до 10 % от общего мирового оборота, достигнутого компанией за предыдущий финансовый год, или 20 % в случае повторного правонарушения. При систематическом нарушении обязательств и запретов, установленных Комиссией не менее трех раз в течение восьми лет, она может наложить поведенческие или структурные корректирующие меры на соответствующую платформу.

В Китае нормативно определены термины «платформа», «оператор платформы», «участник платформы», «субъект платформенной экономики». В КНР используют и качественные, и количественные критерии для оценки того, является ли платформа доминирующей, к тому же перечень открыт. В рекомендациях предлагают, помимо традиционных индикаторов, учитывать такие факторы, как количество активных пользователей, кликабельность, «экономия на масштабе», способность к созданию и применению технологий, эффект блокировки, эффект «замыкания пользователей», себестоимость перехода на другую платформу, степень сложности получения данных и др.

Выводы

Полагаем, что для российского регулирования конкурентных отношений целесообразно воспринять зарубежный опыт использования численных пороговых значений для определения таких оценочных понятий, как «решающее влияние», формулирования факторов, которые необходимо использовать для оценки поведения цифровой платформы, в качестве антиконкурентного, легального определения терминов «цифровая платформа» и «субъекты платформенной экономики», установления размера штрафов в процентном соотношении от оборота, поскольку порядок величины традиционных штрафов за антиконкурентное поведение становится бессмысленным в отношении платформ с оборотом в несколько триллионов долларов и обладающих значительными денежными резервами.

Список источников

1. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху. Как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 391 с.
2. Маслов А. О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 196 с.

3. Космачев В. Р. Исследование природы понятия конкуренции // *Chronos: экономические науки*. 2022. Т. 7. № 1. С. 23–31.
4. Угурчиев О. Б., Шахалиева Д. Р. Некоторые особенности трактования понятия «конкуренция» // *Вестник Академии знаний*. 2020. № 39. С. 341–345. DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10488
5. Залозная Г. М., Ишимбаев Р. Н. Эволюция теоретических концепций конкуренции // *Журнал экономической теории*. 2014. № 4. С. 211–221.
6. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. 1452 с.
7. Баландин М. А. Феномен Big Data в цифровой экономике // *Конкурентоспособность территорий: материалы XXIII Всерос. экономического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 27–30 апреля 2020 г.)*; в 4 ч. Ч. 3 / отв. ред. Я. П. Силин, Е. Б. Дворядкина. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. С. 10–12.
8. Big Data: перспективы развития, тренды и объемы рынка больших данных // *Delovoy profil*. 2020. 21 декабря. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/big-data-perspektivy-razvitiya-trendy-i-obemy-rynka-bolshikh-dannykh/?ysclid=lx7jlyrqql21415082> (дата обращения: 23.05.2024).
9. Плескач В. Л., Краснощок В. Н., Криволапов Я. В., Скачек Л. Н. Тенденции развития, риски и перспективы баз больших данных // *Colloquium-journal*. 2022. № 1-2. С. 39–42. DOI: 10.24412/2520-6990-2022-1124-39-42
10. Чепурнова Н. М., Мурызева В. О. Свободная конкуренция в условиях цифровой экономики: механизмы защиты // *Государственная служба*. 2020. Т. 22. № 2. С. 35–41. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-2-35-41
11. Мотовилова Д. А. Большие данные и монополизм техногигантов: взгляд с позиций антимонопольного права // *Российское конкурентное право и экономика*. 2018. № 4. С. 64–73.
12. Джисоева Л. С. О новых подходах к антимонопольному регулированию в условиях цифровой экономики // *Российское конкурентное право и экономика*. 2020. № 1. С. 32–37.
13. Княгинин А. В. Влияние интерпретации антимонопольного законодательства на признание фирм вступившими в молчаливый сговор // *Финансовый журнал*. 2018. № 3. С. 78–89. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-78-89
14. Белых В. С., Болобонова М. О., Коньков К. А. Проблемы и перспективы определения доминирующего положения в условиях цифровой экономики // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 11. С. 202–210. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.202-210
15. The Digital Services Act and Digital Markets Act // *European Commission*. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (дата обращения: 02.04.2024).
16. Антимонопольные методические рекомендации Антимонопольного комитета Госсвета КНР для платформенной экономики // *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)*. 2021. 12 февраля. URL: <https://ild.hse.ru/news/443021375.html> (дата обращения: 02.04.2024).

References

1. Tsarikovskii A.Yu., Ivanov A.Yu., Voinikanis E.A., eds. *Antitrust regulation in the digital age: How to protect competition in the context of globalization and the Fourth Industrial Revolution*. 2nd ed. Moscow: HSE Publ.; 2019. 391 p. (In Russ.).
2. Maslov A.O. *Antitrust requirements for the functioning of digital platforms: Legal aspect*. Cand. legal sci. diss. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2023. 196 p. (In Russ.).
3. Kosmachev V. Investigation of the nature of the concept of competition. *Chronos: ekonomicheskie nauki = Chronos: Economy Sciences*. 2022;7(1):23-31. (In Russ.).

4. Ugurchiev O.B., Shahalieva D.R. Some features of the interpretation of the concept of “competition”. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020;(39):341-345. (In Russ.). DOI: 10.24411/2304-6139-2020-10488
5. Zaloznaya G.M., Ishimbai R.N. Evolution of the theoretical concepts of competition. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of the Economic Theory*. 2014;(4): 211-221. (In Russ.).
6. Prokhorov A.M., ed. Large encyclopedic dictionary. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; St. Petersburg: Norint; 2004. 1452 p. (In Russ.).
7. Balandin M.A. The Big Data phenomenon in the digital economy. In: Silin Ya.P., Dvoryadkina E.B., eds. Competitiveness of territories. Proc. 23rd All-Russ. economic forum of young scientists and students (Ekaterinburg, April 27-30, 2020). In 4 pts. Pt. 3. Ekaterinburg: Ural State University of Economics; 2020:10-12. (In Russ.).
8. Big Data: Development prospects, trends and volumes of the Big Data market. Delovoy profil. Dec. 21, 2020. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/big-data-perspektivy-razvitiya-trendy-i-obemy-rynka-bolshikh-dannykh/?ysclid=lx7jlyrqql21415082> (accessed on 23.05.2024). (In Russ.).
9. Pleskach V.L., Krasnoshchok V.N., Krivolapov Ya.V., Skachek L.N. Development trends, risks and prospects of big databases. *Colloquium-journal*. 2022;(1-2):39-42. (In Russ.). DOI: 10.24412/2520-6990-2022-1124-39-42
10. Chepurnova N.M., Muryseva V.O. Free competition in the digital economy: Mechanisms of protection. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2020;22(2):35-41. (In Russ.). DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-2-35-41
11. Motovilova D.A. Big Data and monopolism of tech giants: The viewpoint of antitrust law. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economy*. 2018;(4):64-73. (In Russ.).
12. Djioeva L.S. New approaches to antitrust regulation in the digital economy. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika = Russian Competition Law and Economy*. 2020;(1): 32-37. (In Russ.).
13. Kniagin A.V. Impact of the antitrust legislation interpretation on the declaration of firms to be guilty of tacit collusion. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2018;(3): 78-89. (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2018-3-78-89
14. Belykh V.S., Bolobonova M.O., Konkov K.A. Issues and prospects of determining the dominant position in the conditions of the digital economy. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2020;(11):202-210. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.202-210
15. The Digital Services Act and Digital Markets Act. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/digital-services-act-package> (accessed on 02.04.2024).
16. Antimonopoly guidelines of the antimonopoly committee of the State Council of the People's Republic of China for the platform economy. NRU HSE. Feb. 12, 2021. URL: <https://ild.hse.ru/news/443021375.html> (accessed on 02.04.2024). (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Вольнов — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. В. Далинин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. S. Volnov — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

A. V. Dalinin — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 23.07.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 19.06.2024; approved after reviewing 23.07.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 346:343:342.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-4-573-581

Ответственность за нарушение правил конкуренции в предпринимательской деятельности: уголовный и административный аспекты

**Анатолий Юрьевич Антонов¹, Владимир Витальевич Алексеев²,
Мария Анатольевна Сырова³✉**

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ant.anatoly2015@yandex.ru

² Vavas289@yandex.ru

³ m.syrova@spbacu.ru ✉

Аннотация. Согласно авторской позиции, антимонопольные правила направлены на содействие справедливой конкуренции, предотвращение монополий и защиту потребителей. Эти правила необходимы для поддержания равных условий в предпринимательской среде. Обеспечение соблюдения законодательства, регулирующего конкурентные отношения, основано в том числе на мерах государственного принуждения. В статье утверждается, что одним из актуальных вопросов современной юриспруденции является изучение административного и уголовного аспектов ответственности за нарушение правил конкуренции с учетом реалий. В статье проанализированы особенности производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, производства по делам об административных правонарушениях и уголовных преступлениях в их системной взаимосвязи. Сделан акцент на том, что законодатель императивно регулирует последовательность применения мер принуждения при нарушении правил конкуренции. Предлагается авторское видение определения момента выявления антиконкурентного правонарушения в контексте исчисления обратного штрафа. Изучена возможность соединения двух рассматриваемых видов административно-юрисдикционных производств и производства по уголовным делам в единое судебное производство. С учетом того, что цифровизация экономики создает новую модель конкуренции, предлагается введение в качестве отягчающего ответственность обстоятельства совершение антиконкурентного действия на цифровой платформе либо с использованием алгоритмов или искусственного интеллекта.

Ключевые слова: конкуренция, административно-юрисдикционное производство, предпринимательская деятельность, антимонопольное регулирование, ответственность

Для цитирования: Антонов А. Ю., Алексеев В. В., Сырова М. А. Ответственность за нарушение правил конкуренции в предпринимательской деятельности: уголовный и административный аспекты // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 573–581. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-573-581>

Original article

Liability for violation of competition rules in entrepreneurial activity: Criminal and administrative aspects

Anatoliy Yu. Antonov¹, Vladimir V. Alekseev², Mariya A. Syrova³✉

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Антонов А. Ю., Алексеев В. В., Сырова М. А., 2024

¹ ant.anatoly2015@yandex.ru² Vavas289@yandex.ru³ m.syrova@spbacu.ru✉

Abstract. According to the author's standpoint, antitrust rules are aimed at promoting fair competition, preventing monopolies, and protecting consumers. They ensure a level playing field in entrepreneurial environment. Among other things, compliance with legislation regulating competitive relations is enforced through state coercion measures. The article argues that one of the pressing issues of modern jurisprudence is the study of the administrative and criminal aspects of liability for violation of competition rules, considering relevant circumstances. It analyzes the systemic relationship between antitrust violation proceedings, administrative infractions, and criminal offenses. The study emphasizes the legislator's imperative regulation of the sequence of coercive measures applied in cases of competition rule violations. The author proposes a perspective on determining the moment an anticompetitive offense is detected, particularly for calculating reverse fines. The possibility of combining administrative and jurisdictional proceedings with criminal proceedings into a single judicial process is also explored. Given that the economy digitalization creates a new model of competition, it is proposed to introduce as an aggravating circumstance the commission of an anticompetitive action on a digital platform or using algorithms or artificial intelligence.

Keywords: competition, administrative and jurisdictional proceedings, entrepreneurial activity, antitrust legislation, liability

For citation: Antonov A.Yu., Alekseev V.V., Syrova M.A. Liability for violation of competition rules in entrepreneurial activity: Criminal and administrative aspects. *Sociology and Law*. 2024;16(4):573-581. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-573-581>

Введение

Конкурентные отношения базируются на принципе свободы в предпринимательской деятельности: каждый имеет право соперничать с другим игроком рынка, стремится влиять на потребительские решения. Однако такая свобода не безгранична: конкуренция может осуществляться только при уважении прав других экономических субъектов и должна соответствовать коммерческой практике. Для этого объективное право определяет, какие именно действия и поведение будут признаны антиконкурентными. Акты нарушения правил конкуренции — один из видов противоправных деяний в сфере предпринимательской деятельности, и они влекут административную, уголовную или внедоговорную гражданско-правовую ответственность.

В Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации (РФ) на период до 2030 г., утвержденной протоколом Президиума Федеральной антимонопольной службы (ФАС) России от 3 июля 2019 г. № 6, одним из основных инструментов защиты конкуренции названо совершенствование административно-юрисдикционного процесса, административно-деликтного и уголовного законодательства, а также правоприменительной практики в рассматриваемой области. Направлениями такого совершенствования указаны модернизация механизмов освобождения от административной и уголовной ответственности лиц, способствующих раскрытию и пресечению антиконкурентных действий; расширение перечня составов административных правонарушений и преступлений в сфере антимонопольного регулирования; ужесточение санкционной политики.

Таким образом, одним из актуальных вопросов современной юриспруденции является изучение административного и уголовного аспектов ответственности за нарушение правил конкуренции с учетом реалий.

Материалы и методы

Исследование осуществлено с использованием методов как эмпирического, так и теоретического уровня: абстрагирования, анализа и синтеза, индукции и дедукции, моделирования. Материалом для него послужили научные публикации, диссертационные исследования с 2014 по 2024 г. в контексте темы статьи.

Итоги

Избранная российским государством модель правового регулирования конкурентных отношений предполагает два основных вида административно-юрисдикционных производств, в ходе которых становится возможным применение мер административно-правового принуждения: производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства и производство по делам об административных правонарушениях [1, с. 40–41]. Эти производства имеют самостоятельное основание; состоят из совокупности объединенных единой целью специфических административных процедур, проводимых уполномоченным органом; завершаются принятием определенного законодателем круга решений, оформляемого посредством издания особого процессуального акта.

Ключевым субъектом в противодействии нечестным методам конкурентной борьбы выступает ФАС. Согласно положениям постановления Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331 (в редакции от 31 августа 2023 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе», ст. 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в редакции от 19 апреля 2024 г.) «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон о конкуренции) и ст. 23.48, 29.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) ФАС является субъектом административной юрисдикции по вопросам, связанным с нарушением законодательства, регулирующего конкурентные отношения. В круг ее полномочий входит возбуждение, рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства и дел об административных правонарушениях в сфере конкурентных отношений; выдача хозяйствующим субъектам обязательных для исполнения предписаний о прекращении антиконкурентного поведения в различных его формах и перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства. Иными словами, ФАС и ее территориальные органы в настоящее время выступают уполномоченным субъектом, осуществляющим деятельность по проведению административных процедур в рамках обоих рассматриваемых производств. С точки зрения общего экономического эффекта целью такой деятельности служит стремление обеспечить эффективную и справедливую конкуренцию посредством пресечения нарушений антимонопольного законодательства, нивелирования (минимизации) причиненного ущерба и профилактики совершения повторных нарушений. Содержанием является рассмотрение и разрешение дел в сфере нарушений правил рыночной конкуренции, связанное с реализацией публичных мер принуждения.

Основания возникновения административно-юрисдикционных отношений при обеспечении надлежащего функционирования конкурентного процесса и порядок рассмотрения, разрешения дел регулируются главой 9 Федерального закона о конкуренции в случае производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства и КоАП РФ — в случае производства по делам об административных правонарушениях.

Оба производства созависимы: основанием к возбуждению дел по фактам антиконкурентных административных правонарушений, предусмотренных ст. 14.9,

14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ, является вывод о наличии нарушения требований Федерального закона о конкуренции, а поводом — акт решения комиссии ФАС в рамках производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства, зафиксировавший указанный вывод (ч. 1.2 ст. 28.1 КоАП РФ). Неисполнение предписания, выданного комиссией антимонопольного органа, влечет административную ответственность по ст. 19.8 КоАП РФ.

Учитывая невозможность охватить все случаи, в которых деятельность одних хозяйствующих субъектов может незаконно повлиять на других участников рынка, российское законодательство следует тенденции широкой классификации поведения, составляющего противоправные формы конкурентной борьбы.

Понятие антиконкурентного поведения — сугубо юридическая концепция, содержание которой изменялось в ходе эволюции представлений о ценности государственного вмешательства в экономику и конкурентной политики. Концепция недобросовестной конкуренции предполагает поведение, которое обостряет конкуренцию (и это положительный факт) с помощью нечестных инструментов или действий, отклоняющихся от успешной коммерческой практики (что, очевидно, является отрицательным). Другими словами, конкурентный ущерб представляется законным, однако привлечение клиентов должно осуществляться этически и юридически допустимыми методами. Закон не запрещает соглашения, доминирование на рынке или иные конкурентные практики, обеспечивающие экономический прогресс, при условии, что они оставляют за хозяйствующими субъектами справедливую долю полученной прибыли и что конкуренция не устраняется на значительной части рынка. Среди ограничений, которые российская правовая система сегодня устанавливает для конкурентной деятельности, следует упомянуть антиконкурентный сговор (коллективное поведение, направленное на фиксирование цен, производства, обмена), дискриминационные практики картельных соглашений, злоупотребление доминированием, недобросовестное поведение, которые имеют тенденцию устранять или ограничивать конкуренцию между компаниями, конкурирующими на рынке.

Охват различных форм антиконкурентного поведения, указанных в Федеральном законе о конкуренции, административно-правовыми и уголовными нормами широк. Большинство норм КоАП РФ относительно антиконкурентных нарушений располагаются в главе 14 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», содержат прямые отсылки к положениям Федерального закона о конкуренции: ответственность за невыполнение требований, установленных ст. 14.1–14.7 Федерального закона о конкуренции предусмотрена ст. 14.33 КоАП РФ; требований, установленных ст. 15 и 16 Федерального закона о конкуренции — ст. 14.9 КоАП РФ; требований, установленных ст. 10 и 10.1 Федерального закона о конкуренции — ст. 14.31 КоАП РФ; требований, установленных ст. 11 и 11.1 Федерального закона о конкуренции — ст. 14.32 КоАП РФ. Однако круг административных правонарушений в сфере конкурентных отношений указанными составами не ограничен, к тому же их перечень и классификация дискутируются [2; 3]. Полагаем, что для определения круга административно наказуемых антиконкурентных деяний следует опираться на положения ст. 23.48 КоАП РФ, определяющих, какие административные правонарушения подведомственны ФАС и ее территориальным органам.

Криминализация антимонопольных деяний производится не так системно и без четких взаимосвязей с запретами Федерального закона о конкуренции. А. В. Даниловская пишет о том, что обнаружить признаки «недобросовестной конкуренции» в деяниях виновных лиц, привлекаемых к уголовной ответствен-

ности, можно лишь посредством анализа состоявшихся приговоров или материалов уголовных дел» [4, с. 25]. Так, помимо очевидного состава ст. 178 Уголовного кодекса (УК) РФ, предусматривающего ответственность за ограничение конкуренции путем фактической реализации картельного соглашения, можно обнаружить семь форм недобросовестной конкуренции (дискредитацию; введение в заблуждение; незаконное использование исключительного права на средства индивидуализации и результатов интеллектуальной деятельности; создание смещения; незаконное получение, использование или разглашение охраняемой законом тайны; некорректное сравнение) в составах таких преступлений, как клевета (ст. 128.1 УК РФ), нарушение авторских, смежных, патентных, изобретательских прав (ст. 146 и 147 УК РФ), незаконное использование средств индивидуализации товаров, работ, услуг (ст. 180 УК РФ), незаконные получение и разглашение коммерческой, налоговой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ), манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ) [4, с. 25–26].

Правовой режим защиты конкуренции в настоящее время предполагает применение широкого спектра мер государственного принуждения:

- 1) административно-пресекательные и восстановительные меры, реализуемые в рамках производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства. К ним, например, относится вынесение предписания о прекращении антиконкурентного нарушения, восстановлении положения, существовавшего до нарушения или устранения последствий нарушения (ст. 23 Федерального закона о конкуренции), либо предупреждения о прекращении поведения, не соответствующего добросовестной конкуренции (ст. 39.1 Федерального закона о конкуренции);
- 2) меры процессуального обеспечения и административной ответственности в рамках производства по делам об административных правонарушениях по фактам нарушения антимонопольного законодательства;
- 3) уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера и меры уголовно-процессуального принуждения.

Законодатель устанавливает императивные правила, регулирующие взаимосвязи и последовательность применения мер принуждения. Так, предупреждение обязательно должно предшествовать решению о возбуждении дела об определенных формах злоупотребления доминирующим положением (п. 3, 5, 6 и 8 ч. 1 ст. 10 Федерального закона о конкуренции), практически всех видах недобросовестной конкуренции (ст. 14.1, 14.2, 14.3, 14.7, 14.8 Федерального закона о конкуренции) и ограничивающих конкуренцию актах и действиях органов публичной власти (ст. 15 Федерального закона о конкуренции), либо предупреждение должно быть вынесено в процессе производства по делу, если признаки нарушений ранее не известны. Применение административных и уголовных санкций не освобождает от необходимости исполнить указания ФАС, изложенные в предписании (ст. 37 Федерального закона о конкуренции). Таким образом, регуляторные механизмы конкурентных отношений прежде всего имеют пресекательно-восстановительную функцию, позволяя хозяйствующим субъектам добровольно исполнить обязанность по устранению нарушений и причиненного им ущерба, прибегая к санкционным мерам в последнюю очередь и фактически только в сочетании с пресекательными и восстановительными.

Зависимость возбуждения дела об антиконкурентном правонарушении от принятого решения по окончании производства по делам о нарушениях антимонопольного законодательства создает специфическую ситуацию со сроками давности привлечения к административной ответственности. Указанный срок для административных правонарушений, предусмотренных ст. 14.9, 14.9.1, 14.31–14.33,

14.40 КоАП РФ, начинается исчисляться со дня вступления в силу решения комиссии, которым установлен факт нарушения антимонопольного законодательства (ч. 6 ст. 4.5 КоАП РФ). Это положение является исключением из общего правила, согласно которому сроки давности исчисляются с момента совершения административного правонарушения или его обнаружения, если правонарушение длящееся (ч. 1.1 и 2 ст. 4.5 КоАП РФ).

Законодатель не указывает момент вступления решения в силу. Вместо этого в ст. 49 Федерального закона о конкуренции определена дата принятия решения, то есть дата его изготовления в полном объеме, и на это отведено десять дней с момента провозглашения резолютивной части. Пытаясь устранить указанный пробел, Пленум Высшего Арбитражного суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 разъяснил, что дата вступления в силу есть дата его принятия, при этом без учета возможного обжалования (п. 10.1).

Максимальный срок для принятия решения о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства — три года со дня совершения нарушения, а при длящемся нарушении — со дня окончания нарушения или его обнаружения. Сроки рассмотрения дела в максимальном варианте — девять месяцев. Хотя, как показывает судебная практика, превышение девятимесячного срока судами не расценивается как препятствие для вынесения решения или как основание для прекращения рассмотрения дела (решение Арбитражного суда Иркутской области в 2020 г. по делу № А19-30808/2019, определение Верховного суда РФ от 30 июня 2021 г. № 302-ЭС21-11924 по делу № А19-30808/2019).

Итак, лицо может быть привлечено к административной ответственности за нарушение конкурентных правил существенно позднее трех лет после совершения административного правонарушения. Этот срок даже превышает сроки давности для уголовного преследования. К примеру, по ч. 1 ст. 178 УК РФ (ограничение конкуренции) привлечение к ответственности невозможно по истечении двух лет со дня совершения преступления.

Следует признать справедливым мнение ученых, которые полагают, что зависимость сроков привлечения к административной ответственности исключительно от профессионализма антимонопольных органов противоречит как доктринальным положениям административного права, так и принципу равенства перед законом [5], не коррелирует с нормами уголовного закона, создает проблемы с расчетом оборотного штрафа, отсчитываемого от момента выявления административного правонарушения. Практика идет по пути признания датой выявления антиконкурентного правонарушения даты издания приказа о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства, поскольку правовая процедура предполагает рассмотрение заявления или материалов с целью установления признаков нарушения до возбуждения дела (к примеру, постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 апреля 2022 г. № С01-140/2022 по делу № А43-24787/2021). Вместе с тем применение пресекательно-восстановительной меры, то есть предупреждения, предусмотренного ст. 39.1 Федерального закона о конкуренции и являющегося частью механизма возбуждения дела, также предполагает установление признаков правонарушения.

Учитывая изложенное, для единообразия правоприменительной практики целесообразно унифицировать и конкретизировать подход к юридическим значимым обстоятельствам, находящимся в основе исчисления срока давности административной ответственности и момента отсчета оборотного штрафа. Сегодня в первом случае отсчет начинается с момента установления нарушения в решении ФАС, во втором — с момента выявления нарушения, ориентир для которого законом не определен. К тому же правоприменительной практикой предпринята

несколько сомнительная попытка нивелировать существующую неопределенность путем толкования нормы ст. 49 Федерального закона о конкуренции судебной практикой. Полагаем, что с учетом обязательности предупреждения момент выявления антиконкурентного правонарушения следует исчислять с даты вынесения соответствующего предупреждения.

Характеризуя рассматриваемые виды административно-юрисдикционных производств, укажем, что не все составы административных правонарушений, которые можно отнести к сфере антимонопольного регулирования, возбуждают на основании принятого решения комиссии ФАС. Такое сложное и противоречивое построение административно-юрисдикционной деятельности дает основание ряду исследователей считать ответственность за антиконкурентное поведение «самостоятельным и самостоятельным видом публичной ответственности, требующим отдельного правового регулирования», с исключением соответствующих норм из КоАП РФ [6, с. 48]. Другие авторы предлагают объединение административной и уголовной санкций, то есть применение для нарушителей антимонопольного законодательства единой санкции, состоящей из двух видов наказания одновременно (для физических и юридических лиц) в рамках объединения производства по административным и уголовным делам в единое судебное производство [7, с. 107].

Выводы

Ввиду изложенного дополним следующее. Возможность применения квазиадминистративных мер ответственности в российской правовой практике не нова. К примеру, положения ст. 74 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» предусматривают наложение штрафа на кредитные организации, допускающие нарушения правил, регулирующих деятельность участников финансового рынка. Следует упомянуть о том, что подобное конкурирование с нормами статей КоАП РФ негативно оценивается в научной литературе [8]. Другим вариантом ответственности, являющейся по своей природе публично-правовой, но не подпадающей под административно-деликтное регулирование, является налоговая ответственность (глава 15 Налогового кодекса РФ). Возможно, введение институтов квазиадминистративной ответственности в отдельных сферах общественных отношений, таких как конкурентные отношения, отношения на финансовых рынках, налоговая деятельность и т. п., при исключении конкурирующих норм из КоАП РФ следует рассматривать как эволюцию административно-деликтного права. Полагаем, что соединение двух рассматриваемых видов административно-юрисдикционных производств в одно приведет, с одной стороны, к сокращению времени принятия решения, регулированию процедуры единым нормативным актом, с другой — потребует кардинального пересмотра императивной установки, согласно которой административная ответственность есть прерогатива КоАП РФ и законов субъектов РФ об административных правонарушениях.

Объединение производства по административным и уголовным делам в единое судебное производство представляется возможным. Кроме того, полагаем перспективным для развития институтов и квазиадминистративной, и административной, и уголовной ответственности введение в качестве отягчающего обстоятельства совершение антиконкурентного действия на цифровой платформе либо с использованием алгоритмов или искусственного интеллекта. С учетом того, что цифровизация экономики создает новую модель конкуренции, доминирующие позиции цифровых рынков множатся, подобная новелла будет соответствовать современному развитию общества.

Список источников

1. Дехтярь И. Н. Производство по делам о нарушениях антимонопольного законодательства как вид административно-юрисдикционного производства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 275 с.
2. Сеничева М. О. Административная ответственность в сфере антимонопольного регулирования: исследование составов, особенности и тенденции развития // Отечественная юриспруденция. 2020. № 2. С. 46–55.
3. Титов Е. Е. Административная ответственность за нарушения антимонопольного законодательства РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 250 с.
4. Даниловская А. В. Недобросовестная конкуренция: проблемы криминализации деяний и дифференциации ответственности за их совершение // Юридические исследования. 2024. № 4. С. 23–48. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70454
5. Кинев А. Ю. Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2. С. 120–129.
6. Морозова Н. А. Особенности административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Современная конкуренция. 2014. № 5. С. 48–59.
7. Кубанцев С. П. Соотношение и соединение административной и уголовной ответственности за нарушение правил конкуренции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 104–108. DOI: 10.12737/art.2019.2.14
8. Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В. О концепции развития административно-деликтного законодательства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 50–56. DOI: 10.34076/2219-6838-2019-5-50-56

References

1. Dekhtyar' I.N. Proceedings on cases of violations of antimonopoly legislation as a type of administrative-jurisdictional proceedings. Cand. legal sci. diss. Saratov: Saratov State Law Academy; 2018. 275 p. (In Russ.).
2. Senicheva M.O. Administrative liability in the sphere of antimonopoly regulation: Study of compositions, features and development trends. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 2020;(2):46-55. (In Russ.).
3. Titov E.E. Administrative liability for violations of antimonopoly legislation. Cand. legal sci. diss. Ekaterinburg: Ural State Law University; 2015. 250 p. (In Russ.).
4. Danilovskaia A.V. Unfair competition: Problems of criminalization of acts and differentiation of responsibility for their commission. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Research*. 2024;(4):23-48. (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-7136.2024.4.70454
5. Kinev A.Yu. Administrative responsibility for antimonopoly legislation violations. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2014;(2):120-129. (In Russ.).
6. Morozova N. Individual circumstances of administrative responsibility for offences of antimonopoly legislation. *Sovremennaya konkurentsia = Journal of Modern Competition*. 2014;(5):48-59. (In Russ.).
7. Kubantsev S.P. Ratio and connection of administrative and criminal liability for violation of competition rules. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019;(2):104-108. (In Russ.). DOI: 10.12737/art.2019.2.14
8. Anikeenko Yu.B., Novoselova N.V. On the conception of administrative-tort legislation development. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu" = Electronic Supplement to "Russian Juridical Journal"*. 2019;(5):50-56. (In Russ.). DOI: 10.34076/2219-6838-2019-5-50-56

Информация об авторах

А. Ю. Антонов — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. В. Алексеев — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

М. А. Сырова — преподаватель кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

A. Yu. Antonov — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

V. V. Alekseev — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

M. A. Syrova — lecturer at the Department of Criminal Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 06.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 06.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 17.12.2024.

Научная статья

УДК 342.951

DOI 10.35854/2219-6242-2024-4-582-588

Юридическая ответственность и меры по профилактике административных правонарушений в случаях управления транспортным средством в состоянии опьянения

Андрей Геннадьевич Гункин

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, AGunkin2006@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы профилактики противоправных посягательств, защиты личности и общества, повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан, в том числе водителей, предупреждения рецидива правонарушений в ситуациях, связанных с управлением транспортом на дорогах России. Проанализированы статистические данные о количестве погибших и раненых в происшествиях с участием водителей в состоянии опьянения, судебная статистика. Освещен позитивный опыт профилактики правонарушений в европейских странах, в которых вместе с «традиционными» мерами ответственности для исправления водителей, употребляющих алкоголь за рулем, применяются специальные образовательные и реабилитационные программы. Автором предложено рассмотреть возможность совершенствования законодательства Российской Федерации (РФ) в аспекте применения «нерепрессивных» мер по профилактике административных правонарушений посредством использования различных административных инструментов (регулятивных, информационных, финансовых и др.), формирования правовой культуры у водителей с девиантным поведением.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административная ответственность, меры по профилактике, административные правонарушения, управление транспортным средством в состоянии опьянения, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Гункин А. Г. Юридическая ответственность и меры по профилактике административных правонарушений в случаях управления транспортным средством в состоянии опьянения // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 582–588. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-582-588>

Original article

Legal liability and measures to prevent administrative infractions related to driving under influence

Andrei G. Gunkin

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, AGunkin2006@yandex.ru

Abstract. The article discusses current problems of preventing illegal infringements, protecting individuals and society, increasing legal literacy, and developing legal awareness among citizens, including drivers. It focuses on measures to prevent repeated offences related to driving on Russian roads. Statistical data on deaths and injuries in accidents involving

intoxicated drivers, and judicial statistics are analyzed. The article highlights effective preventive practices in European countries, where special educational and rehabilitation programs supplement traditional measures of responsibility for correction of drivers who consume alcohol while driving. The author proposes improving Russian legislation by applying non-repressive measures to prevent administrative infractions. This can be achieved through various administrative instruments (regulatory, informational, financial, etc.), along with fostering a legal culture among drivers with deviant behavior.

Keywords: legal liability, administrative liability, preventive measures, administrative infractions, driving under influence, road safety

For citation: Gunkin A.G. Legal liability and measures to prevent administrative infractions related to driving under influence. *Sociology and Law. 2024;16(4):582-588.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-4-582-588>

Введение

Человек в процессе жизни приобретает базовые ценности (витальные, социальные, нравственные, правовые, эстетические и др.), а затем через свою деятельность транслирует личностные ценности, оказывая влияние на других людей и общество в целом. Вследствие такого взаимодействия в неоднородном, дифференцированном обществе, при разном восприятии социальных процессов, формируются сложные ценностные отношения.

Право — система, формирующая общество и определяющая принципы взаимодействия людей и их объединений с органами государственной власти и управления, выступающая средством поддержания стабильности и жизнедеятельности, гарантом упорядоченности социальных связей. При этом право должно быть признано, нормативно конкретизировано и защищено государством.

Жизнь, здоровье и безопасность человека относятся к базовым витальным ценностям в современном обществе. Поэтому управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения представляет повышенную общественную опасность, поскольку под влиянием алкоголя или наркотиков снижается реакция, возникают излишняя самоуверенность и пренебрежительное отношение к безопасности дорожного движения. Девиантному поведению также способствуют негативные качества личности: высокая агрессивность, вспыльчивость, алкоголизм, мании и др. Для защиты общества от водителей-правонарушителей, носителей «опасного состояния личности», предлагается не только усиливать репрессивные меры ответственности, а широко использовать превентивные меры социальной защиты (медицинского характера, воспитательного воздействия).

Материалы и методы

В исследовании нами применены общенаучные (анализа, синтеза, индукции, дедукции и обобщения), и специальные методы (формально-юридический, юридического конструирования и технико-юридического анализа, сравнительный, системный и статистический). Нормативной базой исследования является административное законодательство РФ. Работа основана на современном российском законодательстве, материалах научных публикаций, административной и судебной практике, статистических сведениях в сфере безопасности дорожного движения.

Среди основных проблем рассмотрены вопросы о мерах по профилактике административных правонарушений, совершаемых с участием водителей, употребляющих алкоголь за рулем.

Результаты

В соответствии с ч. 1 ст. 12.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) водитель, управляющий автомобилем в состоянии опьянения, должен быть привлечен к административной ответственности и подвергнут наказанию в виде «штрафа в размере тридцати тысяч рублей с лишением права управления транспортными средствами на срок от полутора до двух лет» [1].

Статистические показатели за восемь лет позволяют увидеть тенденцию увеличения тяжести последствий в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) с водителями в алкогольном опьянении, что косвенно подтверждает необходимость не только применять ответственность, но и воздействовать административно-правовыми мерами профилактического характера. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» дано легальное определение понятия профилактики правонарушений: «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [2].

Одной из форм профилактического воздействия служит ресоциализация, которая определена законом как «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» [2]. Профилактику правонарушений возможно осуществлять не только силами государственных органов (субъектов профилактики правонарушений), но с помощью различных институтов гражданского общества (граждан, общественных объединений и иных организаций), способствуя правовому просвещению граждан. Для изменения поведения водителей с девиантным поведением также можно разработать и применить на практике соответствующие образовательные (реабилитационные) программы по их социализации.

Обсуждение

Согласно статистике, каждое десятое ДТП произошло с участием водителей с признаками опьянения (по итогам девяти месяцев 2023 г.). Водители с признаками опьянения признаны виновными в 90 % ДТП, в которых участвовали. Согласно статистическим данным в сфере безопасности дорожного движения, в России постоянно растет показатель тяжести последствий ДТП с участием пьяных водителей, как следует из таблицы 1.

Удельный вес количества погибших составил 92,3 %, раненых — 92,7 % от общего количества погибших и раненых в таких происшествиях [3].

В профильных учебных пособиях понятие «административная ответственность» определено как «вид юридической ответственности, который выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение» [4]. Административное наказание — это правовая реакция со стороны общества и государства, призванных сдерживать повышение количества нарушений,

Сравнительный анализ
Table 1. Comparative analysis

Год	Кол-во ДТП	Кол-во погибших, чел.	Кол-во раненых, чел.	Показатель тяжести последствий, %
2015	21 027	4 231	29 013	12,7
2016	21 093	5 038	28 984	14,8
2017	20 247	4 815	27 650	14,8
2018	20 140	4 786	27 617	14,8
2019	19 338	4 465	26 658	14,3
2020	18 582	4 438	24 809	15,2
2021	15 719	3 866	20 796	15,7
2022	14 428	3 560	18 803	15,9

Источник: [3].

создавать предупредительный эффект для других участников дорожного движения, реализовать принципы справедливости и соразмерности административной ответственности. А. В. Кирин пишет: «Таким образом, важнейшей содержательной составляющей механизма реализации административной ответственности в правовом государстве являются исполнительно-охранительная и предупредительно-воспитательная задачи деятельности органов исполнительной власти в административно-деликтной сфере, а не принуждающе карательная функция, заимствованная из арсенала преимущественно уголовно-правовых средств судебной власти, защита законного порядка и прав граждан, а не защита государственной власти от граждан, что в значительное мере было характерно для царской и советской России» [5].

В свою очередь, данные судебной статистики свидетельствуют об уменьшении количества рассмотренных административных дел по ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ (по количеству лиц): в 2015 г. — 508 421 дел, в 2016 г. — 409 294 дел, в 2017 г. — 369 904 дел, в 2018 г. — 320 921 дел, в 2019 г. — 236 064 дел, в 2020 г. — 229 463 дел, в 2021 г. — 221 248 дел, а в 2022 г. — 220 556 дел [6]. Федеральным законодательством предусмотрен ряд мер по противодействию правонарушениям, связанным с запретом на управление транспортным средством в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и ужесточением санкций за их несоблюдение. А. А. Иванов утверждает следующее: «Мера ответственности должна быть соразмерна тяжести совершенного правонарушения и особенностям личности виновного. Но для индивидуализации ответственности должны быть необходимые предпосылки в виде законодательного закрепления возможностей дифференциации ответственности» [7].

Принцип индивидуализации позволяет выбрать меру юридической ответственности, необходимую и достаточную для исправления правонарушителя, предполагает воздействие на сознание (ценностные установки) личности, чтобы карательные и воспитательные элементы государственного порицания обеспечивали воздержание от совершения правонарушений в будущем. Однако А. В. Шкеля считает, что «...ответственность водителей за управление автотранспортными средствами в состоянии опьянения не соответствует европейским стандартам, решение данной проблемы требует расширения и усиления мер юридической

ответственности. Также необходима активизация работы по профилактике фактов управления автотранспортными средствами водителями в состоянии опьянения и обеспечения реализации принципа неотвратимости наказания для правонарушителей» [8].

В настоящее время наблюдается определенный «кризис наказания», поскольку усиление мер ответственности не приводит к ожидаемым результатам в виде исправления правонарушителей, воздержания от рецидива или предупреждения совершения правонарушений другими лицами. Для достижения результата ученые-цивилисты предлагают обратить внимание на профилактику правонарушений, повышение правовой культуры, стимулирование интереса к моральной проблематике, являющейся традиционной частью российского менталитета.

Может быть, сегодня пришло время рассмотреть иные способы влияния и исправления нарушителей? Почему институты гражданского общества (рабочие коллективы, образовательные организации, молодежные движения и др.) не принимают активного участия в изменении поведения и позитивном влиянии на поведение водителей-нарушителей? В экономической науке рассмотрена проблема совместного коллективного действия людей, которая заключается в эгоизме каждого из членов общества при расчете своих «расходов». В связи с чем часть индивидуумов игнорирует общую цель, рассчитывая получить все без усилий и затрат со своей стороны («эффект безбилетника»).

Во многих европейских странах управление транспортным средством водителями в состоянии опьянения также является проблемой. Однако, наряду с «традиционными» мерами юридической ответственности (административной и уголовной), в европейских странах дополнительно используют профилактические образовательные и реабилитационные программы: для возврата прав водители-нарушители повторно проходят теоретическую и практическую подготовку, сдают экзамены, а затем для установления причин совершения правонарушений проходят психологическое консультирование, обучаются на специальных курсах реабилитации, адаптированных к конкретному индивидууму.

По результатам проведенных во Франции исследований социодемографической статистики водители-нарушители по психологическим профилям были разделены на четыре группы: невнимательные, рискованные, асоциальные и ограниченно годные. Научным путем доказана неэффективность применения исключительно уголовной и административной ответственности и наоборот: указано на позитивное влияние, с изменением поведения водителей-нарушителей после соответствующих образовательных и реабилитационных интервенций [9; 10].

Выводы

С учетом вышеизложенного можно предположить, что использование только административно-репрессивной модели в борьбе с антиобщественным поведением, в форме пьяного вождения автомобиля, не способствует правовой социализации граждан, конструирующих свое поведение на основе не только законодательства, но и культуры народа. Комплексный подход, наряду с увеличением финансового воздействия, должен применять достижения, методики и образовательные компоненты, положительно зарекомендовавшие себя в других странах, чтобы использовать их с учетом самобытности русской культуры, существующих архетипов, морально-этических, эстетических, исторических и других традиционных российских ценностей.

Профилактические меры могут оказать практическое содействие в защите жизни и здоровья человека как высших ценностей общества и правового госу-

дарства, снижении количества правонарушений, а также реинтеграции в общество лиц, совершивших административные правонарушения в области дорожного движения, в том числе в состоянии опьянения. На наш взгляд, необходимо дополнить законодательство РФ по ресоциализации мерами образовательного и реабилитационного характера для водителей, употребляющих алкоголь за рулем.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 14 октября 2024 г.) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (дата обращения: 14.10.2024).
2. Об основах системы профилактики правонарушений в РФ: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (дата обращения: 14.10.2024). (In Russ.).
3. Показатели безопасности дорожного движения // ГИБДД России. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 11.04.2024).
4. *Россинский Б. В., Стариков Ю. Н.* Административное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 640 с.
5. *Кирич А. В.* Административно-деликтное право: монография. М.: Изд-во НИ «ЕААН», 2015. 383 с.
6. Судебная статистика. Форма 1-АП // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.04.2024).
7. *Иванов А. А.* Принцип индивидуализации юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 226 с.
8. *Шкеля А. В.* Административная ответственность за управление автотранспортными средствами лицами, находящимися в состоянии опьянения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. 25 с.
9. *Бурцев А. А., Плотникова М. А.* Методология разработки образовательных и реабилитационных программ интервенций для водителей-нарушителей в европейских странах (обзор) // Медицина. 2023. № 4. С. 55–78. DOI: 10.29234/2308-9113-2023-11-4-55-78
10. *Головкин В. В., Иванова О. А.* К вопросу об административной ответственности за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения // Транспортное право. 2004. № 2. С. 43–48.

References

1. Code of the Russian Federation on administrative offenses. Federal Law of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on October 14, 2024). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/12125267/> (accessed on 14.10.2024). (In Russ.).
2. On the Fundamentals of the crime prevention system in the Russian Federation. Federal Law of June 23, 2016 No. 182-FZ (as amended on August 8, 2024). Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/71428030/> (accessed on 14.10.2024). (In Russ.).
3. Road safety indicators. State Traffic Inspectorate of Russia. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (accessed on 11.04.2024). (In Russ.).
4. Rossinskii B.V., Starilov Yu.N. Administrative law. 6th ed. Moscow: Norma; Infra-M; 2019. 640 p. (In Russ.).
5. Kirin A.V. Administrative and tort law. Moscow: Eurasian Academy of Administrative Sciences; 2015. 383 p. (In Russ.).
6. Judicial statistics. Form 1-AP. Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (accessed on 11.04.2024). (In Russ.).
7. Ivanov A.A. The principle of individualization of legal liability. Cand. legal sci. diss. Moscow: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 1997. 226 p. (In Russ.).
8. Shkelya A.V. Administrative liability for driving vehicles by persons in a state of intoxication. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2018. 25 p. (In Russ.).

9. Burtsev A.A., Plotnikova M.A. Methodology for developing educational and rehabilitation programs for offending drivers in European countries (review of literature). *Meditcina*. 2023;11(4):55-78. (In Russ.). DOI: 10.29234/2308-9113-2023-11-4-55-78
10. Golovko V.V., Ivanova O.A. On the issue of administrative liability for driving a vehicle by a driver in a state of alcoholic intoxication. *Transportnoe pravo = Transportation Law*. 2004;(2):43-48. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Г. Гункин — аспирант кафедры уголовного права и процесса; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. G. Gunkin — postgraduate student at the Department of Criminal Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg, 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.10.2024; одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 17.12.2024.

The article was submitted 21.10.2024; approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 17.12.2024.

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

Игорь Викторович Макарьев

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия, iv.makarev@mpgu.su

Рецензия на книгу: Чернавский М. Ю. Технологии социального насилия: монография. Красково: Гуманитарно-социальный институт; М.: Перо, 2024. 270 с.

Новая книга известного отечественного социального философа Михаила Юрьевича Чернавского представляет собой впечатляющую попытку комплексного, концептуального осмысления феномена социального насилия. Еще совсем недавно, в эпоху доминирования так называемого постмодернизма, такая попытка могла быть признана анахронизмом, но сегодня, в принципиально иную эпоху, она представляется более чем уместной. Условно работу можно разделить на три части. Первая часть (введение и глава I) посвящена проблемам методологии. В таком выдвигании методологии на первый план могла бы заключаться опасность доминирования метода исследования над его предметом. Но в данном случае, при сочетании марксистского, структуралистского и психоаналитического подходов с диалектическим методом, автору, как представляется, удастся этого избежать. Ключевой методологической проблемой оказывается проблема познания социальной реальности. В частности, автор раскрывает вопрос о том, возможно ли ее «беспристрастно-научное» познание [с. 3] или это познание всегда субъективно окрашено. Он придерживается второй точки зрения, которую выражает следующим образом: «Субъект социального познания не в состоянии сформулировать объективную точку зрения, элиминировав при этом свои пристрасно-субъективные свойства...» [с. 3]. Предположим, что данная точка зрения требует дальнейшего продумывания, поскольку слово «объективный» можно понимать в классическом варианте, который автором предложен выше. В этом случае такое познание, действительно, является проблематичным, как и в пост-классическом варианте философии гуманитарных наук (герменевтики), при котором объективность (но не объектность) познания все-таки остается в виде осознания собственных предрассудков. Их нельзя полностью элиминировать, но можно и нужно осознать, то есть, как писал Г. Г. Гадамер, «привести во взвешенное состояние».

Во второй части (главы II–V) автором сформулировано другое важное положение работы, которое, перефразируя известное высказывание Ж. Деррида о тексте, можно выразить следующим образом: «Все — идеология». Познание субъектом мира не просто субъективно, оно идеологически окрашено. «Тотальность идеологии» проявляется не только в том, что идеологичным оказывается сознание, как, например, в классическом марксизме, а прежде всего в том, что идеологичными оказываются даже некоторые аспекты человеческого бытия [с. 38–39]. Исходя из этого, автор рассматривает сначала экономическое насилие, а затем и политическое. Политическая мысль представлена прежде всего этатистскими концепциями: отечественными (в лице Н. В. Устрялова) и немецкими (в лице лидеров консервативной революции в Германии 1920-х гг. О. Шпенглера,

Э. Юнгера, К. Шмитта и Х. Фрайера). Особенно интересным видится использование концепции господина и раба Г. В. Ф. Гегеля и Ж. Лакана в качестве «философской квинтэссенции отношений власти» [с. 142].

Наиболее яркой и полемичной является третья часть (главы VI–VII), в которой автор обращается к отечественному опыту (прошлому и настоящему) понимания технологий социального насилия. Наиболее значимы, как нам представляется, заключительные разделы работы, в которых речь идет о возможности (или невозможности) и необходимости (или отсутствии таковой) взаимодействия с Западом в новых исторических обстоятельствах. Михаил Юрьевич, на наш взгляд, обоснованно указывает на то, что Запад вообще и Европа в частности не представляют собой нечто единое ни с точки зрения своего настоящего, ни с точки зрения прошлого: корректнее говорить о «Европе Модерна», с которой Россия была тесно связана и на базе которой она активно развивалась, и «Европе Постмодерна», «ценности которой действительно чужды русским цивилизационным особенностям» [с. 236]. В итоге автор делает вывод, к которому хочется присоединиться, о том, что «курс на тотальный отказ России от европейских ценностей выглядит крайне нецелесообразным и странным» [с. 235].

Полный текст монографии размещен на сайте Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (ПКУ):

Основные требования к оформлению рукописей статей, предоставляемых для публикации в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Информация об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

Basic requirements for the design of articles manuscript for publication to the scientific journal “Sociology and Law”

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

- 2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).
- 2.2. The text should be MS Word format:
 - page size — A4;
 - borders — 2 cm;
 - type — Times New Roman;
 - size — 14;
 - line space — 1,5;
 - paragraph indentation — 1 cm;
 - text alignment — edgewise;
 - page numbering — at the right bottom of the page.
- 2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.
- 2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

- 3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].
- 3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to journal, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

- 4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).
- 4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).
- 4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.
- 4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.